

БЕСКОНЕЧНАЯ
ЗЕМЛЯ

The Long Earth

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
СТИВЕН БАКСТЕР

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
СТИВЕН БАКСТЕР

БЕСКОНЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ

The Long Earth

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT
STEPHEN BAXTER

The Long Earth

ЭКСМО

Москва

2014

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ СТИВЕН БАКСТЕР

Бесконечная Земля

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
П 68

Terry Pratchett & Stephen Baxter

THE LONG EARTH

Copyright © Terry and Lyn Pratchett and Stephen Baxter 2012
All rights reserved

First published as The Long Earth by Transworld Publishers, a
division of Random House Group Ltd.

Художественное оформление *И. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Пратчетт, Терри.

П 68 Бесконечная Земля / Терри Пратчетт, Стивен
Бакстер ; [пер. с англ. В. С. Сергеевой]. — Москва :
Эксмо, 2014. — 448 с. — (Терри Пратчетт).

Ваши возможности безграничны, только будьте осторожны в своих желаниях...

1916: Первая мировая война. Западный фронт. Рядовой Перси Блэки очнулся среди... сочной весенней травки. Он слышит пение птиц и ветер, шелестящий листьями деревьев. Куда же подевались грязь, кровь и развороченная взрывами земля? И, собственно говоря, куда попал Перси?

2015: Мэдисон, штат Висконсин. Офицер полиции Моника Янсон проводит осмотр сгоревшего дома, который принадлежит ученому-затворнику, а по слухам, не то безумцу, не то очень опасному типу. Тщательно осматривая пожарище, Янсон находит удивительный прибор: коробочку с элементарной проводкой, выключателем на три положения и... картошкой. Это прототип изобретения, которое изменит мировоззрение человечества навсегда.

Первый роман, написанный в соавторстве Терри Пратчеттом, создателем «Плоского мира», и известным писателем-фантастом Стивеном Бакстером, увлечет читателя в бесконечность новых миров. Все, что для этого надо, — сделать первый шаг...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-72378-2
© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Как всегда, посвящаю Лин и Райане

Т. П.

Сандре

С. Б.

ГЛАВА 1

Рядовой Перси проснулся на лесной опушке от пения птиц. Он уже давно не слышал птиц — об этом позаботились пушки. Некоторое время он просто радовался тому, что вокруг благословенная тишина.

Впрочем, он слегка беспокоился, пускай и отстраненно, отчего лежит в сырой, хоть и благоуханной, траве, а не в своем спальнике. Ах да, благоуханная трава. Там, где он был до тех пор, благоухания явно недоставало. Кордит, масло, горящая плоть, вонь немытых тел — вот к чему он привык.

Рядовой Перси подумал: может быть, он умер? В конце концов, бомбили жутко.

Что ж, если он умер, значит, это место вполне сойдет за рай, по сравнению с миром, полным адского шума, воплей и грязи. А если он жив, то сержант скоро поднимет его пинком, критически осмотрит с головы до ног и погонит по лужам за чаем и пирожком. Но сержанта здесь не было, и никто не шумел, не считая птиц в кронах деревьев.

«Деревьев?..» — подумал рядовой Перси, когда по небу разлился рассвет.

Когда он вообще в последний раз видел дерево, которое хотя бы отдаленно напоминало таковое? Дерево, не растерявшее листву, не разбитое в щепки снарядом. А здесь рос целый лес.

Рядовой Перси был практичный и рассудительный молодой человек, а потому решил не беспокоиться о деревьях, которые ему, должно быть, снились: деревья никогда не пытались его убить. Он снова лег и, видимо, задремал. Когда он открыл глаза, стоял ясный день и рядовому Перси очень хотелось пить.

День... Но где? Наверное, во Франции. Конечно, во Франции. Снаряд, который оглушил Перси, не мог отбросить его слишком далеко; он, разумеется, по-прежнему находился во Франции, но почему-то в лесу, которого раньше не было. И без традиционной французской музыки, то есть без грохота орудий и человеческих воплей.

Произошло нечто весьма загадочное. И вдобавок Перси умирал от жажды.

Поэтому он, как говорится, сунул заботы в заплечный мешок, в божественной тишине, нарушаемой лишь пением птиц, и подумал, что в песенке есть доля истины. Что толку беспокоиться? Случившееся и впрямь не стоило волнений, особенно для человека, у которого на глазах люди испарялись, словно роса поутру.

Но, встав, Перси ощутил знакомую боль в левой ноге, глубоко в кости. Напоминание о

ране, которой оказалось недостаточно, чтобы отправить его домой. Зато он получил легкую работу в маскировочном подразделении и носил в мешке помятую коробку с красками. Какой же это сон, если нога болит. Но на прежнем месте он не был, вот уж точно.

Пока рядовой Перси пробирался меж деревьев, направляясь в ту сторону, где заросли, как казалось, редели, ему в голову пришла неожиданная мысль: за каким чертом мы пели? Мы что, с ума сошли? О чем мы думали? Повсюду валялись оторванные руки и ноги, люди превращались в месиво из мяса и костей. А мы пели!

Чертовы, чертовы идиоты.

Через полчаса рядовой Перси спустился по склону к ручью, текущему в тенистой долине. Вода была солоноватая, но сейчас он бы напился даже из лошадиной колоды, причем рядом с лошадьёю.

Он шагал вдоль ручья до места, где тот впадал в реку. Река ничего особенного собой не представляла, но рядовой Перси вырос в деревне и знал, что под берегом наверняка водятся раки. Еще через полчаса упомянутые раки весело скворчали на огне. Он никогда еще не видел таких больших. И в таком количестве. И таких сочных! Он ел, пока не заболел живот, поворачивая добычу на прутике над торопливо сооруженным костерком и разрывая мясо руками. Перси подумал: «Наверное, я все-таки умер и попал в рай. И я не против, потому что, ей-богу, ад я уже видел».

Вечером он устроился на ночлег на поляне у реки, подложив вещевой мешок под голову. Когда на небе показались звезды — очень яркие, каких он никогда не видел, — Перси начал напевать «Сунь заботы в заплечный мешок и шагай». Он замолк, не допев, и заснул сном праведника.

Когда солнце вновь коснулось его лица, Перси проснулся, отдохнувший и свежий, сел... и застыл неподвижно, как статуя, под спокойными взглядами, устремленными на него.

Сидя в ряд, примерно вдесятером, они наблюдали за ним.

Кто они были такие? Или — что они были такое? Они походили на медведей, но морды у них напоминали не медвежьи, а скорее обезьяньи, только крупнее. Они безмятежно рассматривали его. Перси подумал: кажется, это точно не французы.

Он все-таки попытался заговорить по-французски:

— Парлэ бюффон...

Они тупо смотрели на него.

В наступившей тишине, чувствуя, что странные существа ждут чего-то большего, Перси откашлялся и запел «Сунь заботы в заплечный мешок».

Незнакомцы слушали очень внимательно, пока он не закончил. Потом переглянулись. Наконец, словно придя к какому-то соглашению, один шагнул вперед и запел то же самое. Причем совершенно не фальшивя.

Рядовой Перси изумленно слушал.

Век спустя

Прерия была плоской, зеленой, плодородной. Кое-где далеко росли дубы. Небо весело голубело, как на открытке. На горизонте двигалось облако пыли — там неслось стадо каких-то животных.

Послышался легкий вздох. Сторонний наблюдатель, случайно оказавшийся поблизости, ощутил бы слабый порыв ветерка.

На траве лежала женщина.

Ее звали Мария Валиенте. На ней был любимый розовый свитер из ангорки. Ей было всего пятнадцать, но она рожала. Худенькое тело содрогалось от боли схваток. Несколько секунд назад она не знала, чего боится больше — родов или гнева сестры Стефании, которая отняла у нее обезьяний браслет, сказав, что это греховный символ. Кроме браслета, у Марии не осталось никакой памяти о матери.

И вот теперь — это. Открытое небо вместо пожелтевшего от никотина потолка. Трава и деревья вместо истертого ковра. Все было не так. Но *куда* она попала? Где Мэдисон? И *как* она сюда попала?

Неважно. Ее вновь пронзила боль, и Мария почувствовала, что ребенок выходит на свет. Никто не мог помочь, даже сестра Стефания. Девушка закрыла глаза, закричала, стала тужиться...

Ребенок скользнул на траву. Мария кое-что знала о родах, а потому дождалась, пока выйдет послед. Когда все закончилось, между ног было сыро и мокро, а на земле лежал младенец, покрытый липкой кровавой слизью. Он открыл рот и тоненько запищал.

Вдалеке послышался звук, похожий на гром.
Рев как в зоопарке.

Львиный рык.

Лев?! Мария снова завопила, на сей раз от ужаса...

Крик оборвался, словно его выключили. Мария исчезла. Ребенок остался один.

Один перед лицом Вселенной, которая подступала со всех сторон и обращалась к нему множеством голосов. А за ними стояла великая Тишина.

Детский плач превратился в воркование. Тишина была приятна.

Снова послышался вздох. Мария вернулась в зеленый мир под синим небом. Она села и в панике огляделась. Лицо у нее было серое: она потеряла много крови. Но с ребенком ничего не случилось.

Девушка подняла свое дитя вместе с последом — она даже не перевязала пуповину, — завернула в свитер из ангорки и принялась укачивать. Личико малыша было странно спокойным. А она уж думала, что потеряла его.

— Джошуа, — сказала она. — Тебя зовут Джошуа Валиенте.

Тихий хлопок — и они оба исчезли.

Давным-давно, где-то рядом

Совершенно иная версия Северной Америки баюкала на груди огромное, окруженное сушей, соленое море. Оно кишело микроскопической

жизнью, которая представляла единый гигантский организм.

В этом мире, под небом, затянутым облаками, мутное море наполнилось одной-единственной мыслью.

Я.

За этой мыслью последовала другая.

Зачем?

ГЛАВА 2

Банкетка рядом с замысловатым аппаратом по продаже напитков была очень удобна. Джошуа Валиенте не привык к комфорту. Не привык к приятному ощущению от пребывания в здании, где мебель и ковры как будто источали тишину. Рядом с шикарной банкеткой лежала кipa глянцевых журналов, но Джошуа не любил блестящую бумагу. Книги? Книги — да. Джошуа любил книги, особенно в бумажной обложке. Легкие, удобно носить, а если не захочется перечитывать, то для тонкой мягкой бумаги всегда найдется применение.

Обычно, когда нечем было заняться, он слушал Тишину.

Здесь Тишина звучала слабо. Ее почти заглушал шум повседневной жизни. Неужели люди в этом шикарном здании не понимают, как они шумят? Рев кондиционеров и вентиляторов, шелест многочисленных разговоров — слышный, но неразборчивый, — приглушенные звонки телефонов, записанные на пленку голоса людей,

которые говорили, что на самом деле их тут нет, пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала (и следовал сигнал). Джошуа находился в Трансземном институте — филиале корпорации Блэка. Безликие помещения, сплошь гипсокартон и хром. И надо всем властвовал огромный логотип — шахматный рыцарь. Это не был мир Джошуа. Ничто здесь не принадлежало ему. Впрочем, если подумать, он не ограничивался каким-то одним миром — Джошуа принадлежали они все.

Вся Долгая Земля.

Неведомые миры. Больше, чем можно сосчитать. Нужно было лишь идти по ним, из одного в другой. Бесконечная вереница.

Что невероятно раздражало экспертов, например профессора Вотана Ульма из Оксфордского университета.

— Эти последовательные Земли, — сказал он в интервью Би-би-си, — различаются лишь в частностях. И, кроме того, они пусты. Ну... полны они в основном лесами и болотами. Огромными, темными, молчаливыми лесами и глубокими, топкими, смертельно опасными болотами. Но людей там нет. Земля переполнена, а Долгая Земля пуста. Не повезло Адольфу Гитлеру, которому нигде не позволили выиграть войну! Ученым трудно даже говорить о Долгой Земле, не разводя болтовню про мембранное разнообразие и множественные вселенные. Послушайте — возможно, вселенная раздваивается всякий раз, ког-

да падает лист. Миллиарды новых ответвлений каждую секунду. Вот что нам говорит квантовая физика. Но речь не идет о том, чтобы пережить миллиард реальностей; квантовое состояние накладывается, как гармоника в скрипичной струне. Но, видимо, бывают времена — когда пробуждается вулкан, падает комета или кто-нибудь предает настоящую любовь, — когда удастся обнаружить отдельную эмпирическую реальность, ответвление квантовой нити. И, может быть, эти нити пропущены все вместе через какое-то более высокое измерение по принципу сходства, и возникает цепочка миров. Или что-нибудь такое. Может быть, мы спим и видим сон. Коллективное воображение человечества. Суть в том, что мы ошеломлены этим феноменом точно так же, как был бы ошеломлен Данте, если бы ему показали расширяющуюся вселенную Хаббла. Даже термины, которые мы используем для описания Долгой Земли, уместны ничуть не больше аналогии с колодой карт, которая так нравится многим: Долгая Земля, мол, представляет собой огромную колоду трехмерных плоскостей, существующих в пространстве более высокого порядка, причем каждая карта представляет собой целую Землю. И, что самое важное, для большинства людей Долгая Земля открыта. Почти кто угодно может путешествовать по этой колоде туда-сюда, ввинчиваясь вглубь. Люди начинают занимать максимум свободного места. Ну, разумеется. Это изначальный инстинкт. Мы, обезьяны равнин, по-прежнему боимся леопарда в темноте; если рассредоточиться, хищник не пе-

реловит всех. Феномен Долгой Земли пугает нас. Не укладывается в схему. Почему гигантская колода карт предстала человечеству именно теперь, когда оно остро нуждается в свободном пространстве? Но, значит, наука — не что иное, как скопление вопросов, которые ведут к новым вопросам, и тем лучше, иначе никакой карьеры, правда? И каковы бы ни были ответы, поверьте, жизнь людей меняется... достаточно, Иокаста? Какой-то идиот схватился за ручку, когда я упомянул Данте.

Разумеется, Джошуа понимал, что Трансземной институт возник, чтобы извлекать выгоду из грядущих перемен. Предположительно, именно поэтому Джошуа и привезли туда издалека, отчасти против воли.

Наконец дверь открылась. Вошла молодая женщина, держа в руках лэптоп, тонкий, как золотой осенний лист. У Джошуа в Приюте тоже был лэптоп, но толстый и старый. В основном он пользовался им, разыскивая способы приготовления пищи на природе.

— Мистер Валиенте? Очень приятно. Меня зовут Селена Джонс. Добро пожаловать в Трансземной институт.

Он подумал, что она очень красива. Джошуа нравились женщины, и свои немногочисленные короткие романы он вспоминал с удовольствием. Но он проводил с женщинами мало времени и страшно стеснялся.

— «Добро пожаловать»? Да вы мне не оставили выбора! Вы узнали мой адрес. Значит, вы правительство.

— Вы ошибаетесь. Мы иногда работаем на правительство, но мы совершенно точно не оно.

— У вас все законно?

Она виновато улыбнулась.

— Лобсанг подобрал код к вашей электронной почте.

— А кто такой Лобсанг?

— Я, — сказал автомат с напитками.

— Ты автомат с напитками, — ответил Джошуа.

— Вы ошибаетесь в своем предположении. Хотя я действительно могу за считанные секунды предоставить напиток по вашему выбору.

— На тебе написано «Кока-кола»!

— Прощу прощения, я пошутил. Но если бы вы рискнули бросить в прорезь доллар в надежде получить освежающий напиток на содовой основе, я бы, разумеется, вернул деньги. Или выдал бы газировку.

Джошуа тщетно пытался осмыслить происходящее.

— Лобсанг... а дальше?

— У меня нет фамилии. В старину на Тибете только у аристократов и живых Будд были фамилии, Джошуа. Лично я не предъявляю подобных претензий.

— Вы компьютер?

— А почему вы спрашиваете?

— Потому что я, черт возьми, уверен, что в автомате не сидит человек, и потом, вы странно выражаетесь.

— Мистер Валиенте, я говорю гораздо более внятно и правильно, чем любой из ваших знако-

мых. И я действительно не сижу в автомате. Во всяком случае, целиком.

— Перестань дразнить гостя, Лобсанг, — сказала Селена, поворачиваясь к Джошуа. — Мистер Валиенте, я знаю, что вы были... не здесь, когда мир впервые узнал про Лобсанга. Он уникален. Физически он — компьютер, но раньше он... как бы объяснить... он чинил мотоциклы на Тибете.

— И как же он попал с Тибета в автомат с напитками?

— Это долгая история, мистер Валиенте...

Если бы Джошуа не отсутствовал так долго, он бы знал про Лобсанга. Лобсанг был первой машиной, сумевшей убедить суд в том, что он — живой человек.

— Конечно, — сказала Селена, — некоторые компьютеры шестого поколения уже пытались это проделать. Если они оставались в соседней комнате и общались через микрофон, некоторые олухи принимали их за людей, хотя с точки зрения закона это ничего не доказывает. Но Лобсанг не утверждает, что он — мыслящая машина, и не требует никаких прав на этом основании. Он сказал суду, что в прошлой жизни был тибетцем. Тут-то они и попались, Джошуа. Мир по-прежнему незыблемо верит в реинкарнацию, и Лобсанг попросту заявил, что переродился в виде компьютерной программы. В суде было засвидетельствовано — я покажу вам протоколы, если угодно, — что соответствующее ПО появилось именно в ту микросекунду, когда в Лхасе умер работник мотоциклетной мастер-

ской с совершенно непроизносимым именем. С точки зрения развоплощенной души двадцать тысяч терафлопсов технического гения на гелиевой основе, видимо, ничем не отличаются от нескольких фунтов дряблой мозговой ткани. Значительное количество экспертов подтвердили удивительную точность отрывочных воспоминаний Лобсанга о своей прошлой жизни. И я сама видела дальнего родственника покойного, маленького жилистого старичка с лицом, похожим на сушеную грушу, который несколько часов радостно болтал с Лобсангом, вспоминая прежние веселые деньки в Ахасе.

— Но зачем? — спросил Джошуа. — Что он на этом выиграл?

— Я здесь, перед вами, — заметил Лобсанг. — И я не деревянный, прошу заметить.

— Извините.

— Что я приобрел? Гражданские права. Безопасность. Право владеть собственностью.

— Выключить вас — значит убить?

— Да. Кстати говоря, это физически невозможно, но не будем вдаваться в подробности.

— Значит, суд признал вас человеком?

— Юридического определения, что есть человек, никогда не существовало.

— И теперь вы работаете в Трансземном институте.

— Более того, я им отчасти владею. Дуглас Блэк, основатель Института, не колебался ни секунды, предлагая мне партнерство. Не только из-за моей славы, хоть его и влечет к курьезам.

Но главное — из-за моего сверхчеловеческого интеллекта.

— Да уж.

Селена попросила:

— Давайте вернемся к делу. Вас долго разыскивали, мистер Валиенте.

Джошуа взглянул на нее и мысленно сделал пометку: надо постараться, чтобы в следующий раз искали еще дольше.

— Ваши визиты на Землю достаточно редки.

— Я не покидаю Земли.

— Вы ведь понимаете, что я имею в виду *эту* Землю, — сказала Селена. — Базовую. Или хотя бы какую-нибудь из Ближних Земель.

— Я не заключаю контрактов, — быстро ответил Джошуа, стараясь не вызывать раздражения. — Предпочитаю работать один.

— По-моему, еще мягко сказано.

Джошуа нравилось жить в своих фортах, в мирах, находившихся далеко от Базовой Земли. Слишком далеко для большинства путешественников. Но даже там он настороженно относился к любой компании. Говорят, Дэниэл Бун собирал барахлишко и переселялся, если видел хотя бы дымок чужого костра. По сравнению с Джошуа он был патологически общителен.

— Но тем-то вы и полезны. Мы знаем, что вы не нуждаетесь в обществе других людей. — Селена предупреждающе вскинула руку. — Нет, вы не социопат. Но подумайте... До открытия Долгой Земли никто за всю историю человечества не оставался в одиночестве — я имею в виду, в настоящем одиночестве. Даже самый упорный

моряк не сомневался, что где-то там кто-нибудь да есть. Даже высадившиеся на Луну астронавты видели Землю. Все всегда знали, что люди в пределах досягаемости.

— Да, а при наличии Переходника они в пределах одного шага.

— Наши инстинкты считают иначе. Знаете, сколько пионеров предпочитают путешествовать в одиночку?

— Нет.

— Нисколько. Ну... почти нисколько. Оказаться одному на целой планете, а может быть, единственным мыслящим существом во Вселенной? Девяносто девять из ста этого не выдерживают.

Джошуа подумал: он-то никогда не оставался один. Ведь по ту сторону неба всегда была Тишина.

— Как сказала Селена, тем-то вы и полезны, — подхватил Лобсанг. — Эти ваши качества мы обсудим позднее. Ну и потом, у нас есть средство давления...

До Джошуа дошло.

— Вы хотите, чтобы я отправился в путешествие по Долгой Земле.

— Ведь это у вас исключительно хорошо получается, — сладко проворковала Селена. — Нам нужно, чтобы вы отправились в Верхние Меггеры, Джошуа.

Нынешние пионеры называли Верхними Меггерами миры, расположенные более чем в миллионе переходов от Земли и по большей части остававшиеся легендами.

— Зачем?

— Причина самая невинная, — ответил Лобсанг. — Чтобы посмотреть, что там.

Селена улыбнулась.

— Информация о Долгой Земле — товарный запас Трансземного института, мистер Валиенте.

Лобсанг оказался разговорчивее.

— Вы подумайте, Джошуа. Всего пятнадцать лет назад человечество знало лишь один мир и мечтало еще о двух-трех. Притом это были миры в пределах Солнечной системы, бесплодные и ужасно дорогие в плане досягаемости. А теперь у нас есть ключ к бесчисленным копиям Земли! И мы едва-едва исследовали даже ближайшие из них! Вот наш шанс!

— Наш шанс? — переспросил Джошуа. — Вы идете со мной? Ничего себе контракт. Компьютер нанимает меня в качестве шофера?

— Да, примерно так, — ответила Селена.

Джошуа нахмурился.

— И с какой стати мне соглашаться... Вы что-то сказали про способ давления?

Селена спокойно произнесла:

— Все в свое время. Мы изучали вас, Джошуа. Впервые вы появились в нашем досье благодаря рапорту сотрудника Мэдисонского полицейского управления Моники Янсон, написанному сразу после Дня перехода. Она составила рапорт о загадочном мальчике, который сумел вернуться обратно, приведя с собой остальных детей. Как маленький гамельнский крысолов. В свое время вас называли бы знаменитостью.

— Или колдуном, — ввернул Лобсанг.

Джошуа вздохнул. Ему когда-нибудь позволят забыть о том дне? Он никогда не хотел быть героем и терпеть не мог, когда люди странно на него смотрели. Да и вообще смотрели хоть как-нибудь.

— Там был бардак и ничего особо страшного, — сказал он. — Как вы докопались?

— Мы читали полицейские отчеты. Вроде рапорта Янсон, — ответил автомат с напитками. — Полицейские все кладут в папку и хранят. А я люблю папки. Они содержат интересные вещи. Так, например, я узнал про вашу мать, Джошуа. Ее звали Мария, если не ошибаюсь?

— Это не ваше дело.

— Джошуа, мне есть дело до каждого — и каждый задокументирован. Бумаги рассказали о вас все. Что вы, возможно, исключительная личность. Что вы были на Долгой Земле в День перехода.

— В День перехода там была толпа.

— Да, но вы-то не испугались, правда, Джошуа? Вы чувствовали себя так, как будто вернулись домой. Впервые в жизни вы поняли, что оказались в самом правильном месте...

ГЛАВА 3

День перехода. Пятнадцать лет назад. Джошуа едва исполнилось тринадцать.

Потом все вспоминали, что делали в День перехода.

В основном писались со страху.

Никогда не знал, кто выложил в сеть схему Переходника. Но, когда пришел вечер — мрачный жнец, — дети начали собирать Переходники. В одном лишь Мэдисоне, в окрестностях Приюта, их было десятки. Магазины радиоэлектроники торговали как никогда. Схема казалась смехотворно простой. Картошка, которую требовалось поместить в середину прибора, тоже вызывала смех, но без нее ничего не работало, поскольку она служила генератором. А еще был выключатель. Жизненно необходимый. Некоторые дети решили, что выключатель не нужен. Достаточно лишь скрутить проводки. Именно они первыми издали вопль ужаса.

Джошуа собрал Переходник очень тщательно. Он всегда и все делал основательно. Он был из тех ребят, которые непременно красят детали перед сборкой, а потом собирают в правильном порядке, осторожно выложив их перед собой, прежде чем приступить. Джошуа всегда «приступал». «Приступать» звучало солиднее, чем «начинать». В Приюте, возясь со старой, потертой и неполной головоломкой, он сначала раскладывал фрагменты, отделяя небо, море и края, и лишь потом соединял два кусочка. Иногда, если фрагмента не доставало, он отправлялся в свою маленькую мастерскую и осторожно вырезал недостающий кусочек из припасенной заранее деревяшки, после чего красил его в нужный цвет. Сторонний наблюдатель ни за что не догадался бы, что в головоломке когда-то были дыры. Иногда Джошуа даже готовил еду — под наблюдением сестры Серендипити. Он прино-

сил необходимые ингредиенты, педантично раскладывал их по порядку и пункт за пунктом двигался по рецепту. Закончив, он не забывал прибраться. Джошуа нравилось готовить и выслушивать похвалы, которые воздавали ему в Приюте.

Таков был Джошуа, так он жил. И именно поэтому он не первым совершил переход на Долгую Землю: он не только покрыл лаком коробочку с Переходником, но и дождался, когда лак высохнет. И поэтому он, несомненно, оказался первым ребенком, который сумел вернуться, не намочив штаны. Или еще хуже.

День перехода. Повсюду исчезали дети. Родители обыскивали улицы. Только что ребенок был здесь и играл с новой странной игрушкой, а в следующую секунду пропал. Когда одни перепуганные родители встречают других перепуганных родителей, испуг превращается в ужас. Вызвали полицию, но что толку? Кого арестовывать? Где искать?

И тогда Джошуа впервые перешел.

Секунду назад он сидел в своей мастерской в Приюте. И вдруг оказался в лесу, густом, непроницаемом, где лунный свет едва пробивался сквозь листву. Джошуа слышал голоса других детей — их рвало, они звали родителей, некоторые кричали, как будто от боли. Он задумался, зачем так шуметь. Его, например, не рвало. Было жутковато, да. Но не холодно. Он слышал жужжание moskitov. Джошуа задавался единственным вопросом: куда он попал?

Крики отвлекали Джошуа. Одна девочка где-то совсем рядом звала маму. По голосу она походила на Сару, обительницу Приюта. Джошуа ее окликнул.

Сара перестала плакать, и он услышал не-вдалеке слабый зов:

— Джошуа?

Он задумался. Был поздний вечер. Значит, Сара находилась в спальне для девочек, примерно в двадцати метрах от мастерской. Джошуа не двигался, но каким-то образом перенесся в другое место. Не в Мэдисон. В Мэдисоне были машины, самолеты, огни, а Джошуа стоял в лесу, совсем как в книжке, и не видел ни одного фонаря, куда бы ни глядел. Но Сара тоже была здесь, как бы ни называлось это «здесь». Мысли стали складываться в голове, как головоломка с недостающими кусочками. Думай, не паникуй. Относительно тебя Сара находится там же, где и находилась. Тебе просто нужно пройти по коридору в ее комнату. Пусть даже здесь и сейчас нет ни коридора, ни комнаты. Проблема решена.

Правда, чтобы добраться до Сары, здесь и сейчас нужно было пройти сквозь дерево, которое росло прямо перед Джошуа. Очень большое дерево.

Он пошел вокруг ствола, пробираясь сквозь перепутанный подлесок девственного леса, шиповник и сломанные сучья.

— Не замолкай, — сказал Джошуа. — И не двигайся с места. Я иду.

— Джошуа?

— Послушай, что надо сделать. Пой. Пой не замолкая. Тогда я найду тебя в темноте.

Джошуа включил фонарик, крошечный, который влезал в карман. Он всегда брал с собой ночью фонарик. Ну, разумеется. Джошуа просто не мог иначе.

Сара не стала петь. Она начала молиться.

— Отче наш, иже еси на небесех...

И почему люди хотя бы иногда не делают того, что им велят?

Из темноты по всему лесу зазвучали другие голоса:

— Да святится имя твое...

Джошуа захлопал в ладоши и закричал:

— Эй, вы, замолчите! Я выведу вас отсюда! Честное слово!

Он сам не знал, с какой стати дети должны ему верить, но властный тон сработал, и голоса замолкли. Он отдышался и позвал:

— Сара! Ты первая. Слышишь? Остальные, идите на голос. Только молчите. Двигайтесь на звук молитвы.

Сара начала сначала:

— Отче наш, иже еси...

Пока Джошуа пробирался вперед, вытянув руки, отодвигая ветви шиповника, перелезая через корни и нащупывая каждый шаг, он слышал, как вокруг двигались другие. Дети звали на помощь. Кто-то жаловался, что заблудился. Другие сетовали, что не работает мобильник. Иногда он видел, как мерцали экраны телефонов, похожие на светлячков. Слышались безутешные рыдания, иногда даже болезненные стоны.

Молитва завершилась «аминем», который эхом разлетелся по лесу, и Сара сказала:

— Джошуа! Я закончила.

«Я считал ее умнее», — подумал Джошуа.

— Значит, начинай сначала.

Он добрался до девочки через несколько минут, пусть даже она находилась не дальше чем в половине длины Приюта. Джошуа видел, что этот кусок леса на самом деле довольно невелик. На опушке, в лунном свете, виднелось нечто похожее на степные цветы, как в питомнике. И никаких следов Приюта или Союзного проезда.

Наконец Сара, спотыкаясь, шагнула к нему и крепко прижалась.

— Где мы?

— Где-то. Ну... как в Нарнии.

При лунном свете было видно, что по лицу у нее текут слезы, а из носа сопли. От ночной рубашки Сары пахло рвотой.

— Но я не лазила в шкаф!

Джошуа расхохотался. Девочка уставилась на него — и тоже рассмеялась, потому что он смеялся. Смех начал заполнять полянку, потому что на свет фонарика подходили и остальные дети, и на мгновение ужас отступил. Одно дело — потеряться и оказаться в одиночестве, и совсем другое — потеряться вместе с целой толпой, которая стоит и хохочет.

Кто-то схватил Джошуа за руку.

— Джош?

— Фредди?

— Жуть какая. Я оказался в темноте и грохнулся на землю.

У Фредди был гастроэнтерит, как вспомнил Джош. Парнишка лежал в лазарете на втором этаже Приюта. Разумеется, он свалился, когда здание исчезло.

— Ты ушибся?

— Нет. Джош, а как нам вернуться домой?

Джошуа взял Сару за руку.

— Сара, ты собрала Переходник?

— Да.

Он взглянул на мешанину деталей в руке девочки. Никакого ящичка, хотя бы коробки из-под туфель. Не говоря уже о специально сделанном футляре, как у Джошуа.

— Где выключатель?

— Какой выключатель? Я просто скрутила проводочки.

— Слушай, там же ясно было сказано — установить выключатель...

Он осторожно взял Переходник. С Сарой нужно было вести себя аккуратно. Сама по себе она не представляла проблему. Проблемы просто возникали вокруг нее.

По крайней мере, в Переходнике были три проводка. Джошуа на ощупь восстановил схему. Он провел столько часов, разглядывая чертеж, что знал его наизусть. Разъединив провода, он вложил злополучный Переходник в ладонь Сары.

— Слушай меня. Когда я скамандую, нажми вот здесь. Если окажешься в своей комнате, бросай эту штуку на пол и ложись спать. Поняла?

Шмыгая носом, Сара спросила:

— А если не получится?

— Ну, ты останешься тут, и я тоже. Бывает хуже, правда? Ты готова? Пошел обратный отсчет. Девять, восемь...

Когда он сказал «ноль», девочка исчезла с легким хлопком, словно лопнул мыльный пузырь.

Другие дети устали на то место, где она стояла, потом на Джошуа. Среди них были незнакомые, насколько он мог разглядеть. Многих Джошуа не узнавал. Он понятия не имел, как далеко они забрели в темноте.

Но сейчас он правил бал. Эти беспомощные дети выполнили бы любой приказ. Но власть не порадовала Джошуа, а напомнила о неприятных обязанностях.

Он повернулся к Фредди:

— Так, ты следующий. Ты знаешь Сару. Скажи ей, чтоб не волновалась. Предупреди, что сейчас через ее спальню пройдет много детей. Передай: Джошуа сказал, что это единственный способ отправить их домой. Пусть она не сердится. А теперь покажи мне свой Переходник.

Один за другим, с тихими хлопками, потерявшиеся мальчики и девочки исчезали.

Когда последние из тех, кто стоял на поляне, исчезли, в лесу еще слышались голоса, а может быть, и не только в лесу. Но Джошуа ничем не мог им помочь. Он даже не был уверен, что поступил правильно. Он стоял один, в безмолвии, и слушал. Не считая далеких голосов и тоненького писка москитов, в лесу царила тишина. Говорят, что москиты способны убить лошадь, если им не мешать.

Джошуа достал аккуратно собранный Переходник и потянул за рычажок.

Он немедленно оказался в Приюте, возле Саринной кровати, в крошечной тесной комнате, как раз вовремя, чтобы увидеть спину последней девочки, которую он отправил домой. Она с рыданиями исчезла в коридоре. И тут же Джошуа услышал пронзительные голоса сестер, которые звали его.

Он поспешно щелкнул выключателем и вновь перенесся в молчаливый лес. В *свой* лес.

Голосов стало больше, и они звучали ближе. Кто-то рыдал. Кричал. Какой-то мальчик очень вежливо попросил:

— Извините, не могли бы вы мне помочь?

Кого-то рвало.

Появлялись и новоприбывшие. Джошуа подумал: почему их тошнит? Впоследствии этот запах ассоциировался у него с Днем перехода. Всех рвало. Кроме Джошуа.

Он зашагал в темноту, ища кричавшего.

Но за последним непременно оказывался еще один. И еще один, который сломал руку, видимо, свалившись с верхнего этажа. И еще один.

И этому не было конца.

С первыми проблесками зари рощу наполнили свет и птичий щебет. Интересно, дома тоже рассвело?

Теперь никаких звуков человеческого присутствия не было, не считая рыданий последнего заблудившегося мальчика, который пропорол ногу об острый сук. Он не мог воспользоваться собственным Переходником — и очень жаль, потому что

при тусклом утреннем свете Джошуа восхитился его работой. Парнишка явно провел некоторое время в радиомагазине. Весьма разумный мальчик. Увы, недостаточно разумный, чтобы прихватить с собой фонарик или спрей от moskitov.

Джошуа осторожно нагнулся, поднял раненого на руки и выпрямился. Мальчик застонал. Одной рукой Джошуа нащупал выключатель на своем Переходнике, в очередной раз порадовавшись тому, что он четко следовал инструкциям.

Когда они перешли, в лицо Джошуа засиял свет и через несколько секунд рядом с ним со скрежетом остановилась патрульная машина. Он замер.

Из машины вылезли двое копов. Один, помоложе, в светоотражающем жилете, осторожно забрал у Джошуа пострадавшего мальчика и положил на траву. Другой полицейский остановился рядом. Женщина в форме. Она улыбалась и протягивала ему руки. Джошуа заволновался. Именно так улыбались сестры, когда обнаруживали проблему. А приветственно вытянутые руки очень быстро становятся руками, которые хватают. За спинами полицейских сиял свет, как на сценической площадке.

— Привет, Джошуа, — сказала женщина-полицейский. — Меня зовут Моника Янсон.

ГЛАВА 4

Для сотрудницы мэдисонского полицейского департамента Моника Янсон все началось днем раньше. В третий раз за последние несколько ме-

сяцев она отправилась в сгоревший дом Линдси, на Мифлин-стрит.

Она сама не знала, зачем вернулась. Ее никто не вызывал. Но она снова рылась в грудях пепла и угля, которые некогда были мебелью. Склонялась над разбитыми останками древнего плоского телевизора. Осторожно шагала по обугленному, промокшему, залитому пеной ковру, испещренному следами пожарных и копов. Листала обгорелые остатки некогда обширных заметок, покрытых записанными от руки математическими уравнениями и неразборчивыми каракулями.

Янсон подумала о своем напарнике Кланси, который пил пятую за день порцию кофе, сидя в машине, и считал Монику идиоткой. Что тут еще можно найти, после того как дом использовали детективы, а судебные эксперты исследовали улики? Даже дочь Линдси, чудачка Салли, студентка колледжа, восприняла случившееся без удивления и без страха. Она спокойно кивнула, когда узнала, что ее отца разыскивают, чтобы допросить по поводу предполагаемого поджога, подстрекательства к терроризму и жестокого обращения с животными. Необязательно именно в таком порядке. Она просто кивнула, как будто в доме Линдси такие вещи происходили каждый божий день.

Всем остальным было наплевать. Скоро этот дом перестанет быть местом преступления, и тогда хозяин начнет уборку и тяжбу со страховой компанией. Казалось бы, никто не пострадал. Даже сам Уиллис Линдси; никакие признаки

не указывали на то, что он погиб в огне (довольно слабо). Сплошная загадка, которую, видимо, предстояло оставить нерешенной. Опытные копы то и дело сталкиваются с подобными делами, сказал Кланси, и нужно знать, когда поставить точку. Может быть, двадцатидевятилетней Янсон еще не доставало опыта.

А может быть, проблема в том, *что* она увидела, когда они приехали на первый вызов несколько месяцев назад. Тогда в полицию позвонила соседка, которая сообщила, что видела человека, который тащил козу в одноэтажный дом в самом центре Мэдисона.

Козу? Кланси и диспетчер принялись предсказуемо зубоскалить. Наверное, у этого мужика только на коз встает, ну и так далее, ха-ха. Но соседка, женщина весьма нервная, объявила, что тот же самый человек затаскивал в дом телят, а однажды даже козленка. Не говоря уже о клетке с курами. В доме никакого шума не было, и скотным двором не пахло. Животные словно испарялись. Что же с ними делал этот тип, трахал или жарил?

Уиллис Линдси, как выяснилось, жил один, с тех пор как его жена погибла в аварии несколько лет назад. Единственная дочь, Салли, восемнадцати лет, студентка университета Висконсин-Мэдисон, жила у тетки. Линдси был ученым и некогда даже занимал должность физика-теоретика в Принстоне. Теперь он работал внештатным преподавателем в Вашингтонском университете, а в остальное время... признать, никто не знал, чем он занимался в остальное

время. Хотя Янсон нашла некоторые свидетельства того, что Линдси сотрудничал с промышленником Дугласом Блэком. Под другим именем. Неудивительно. В наши дни все рано или поздно попадают к Блэку.

Но чем бы ни занимался Линдси, он не держал коз в гостиной. Может быть, кто-то задумал его подставить. Например, любопытный сосед решил устроить неприятности очкастому чудику. Бывает.

Но следующий звонок был совсем другим.

Кто-то выложил в Сети схему прибора под названием «Переходник». Дизайн при желании варьировался, но в любом случае получалась портативная штучка с большим переключателем на три позиции, разными электронными компонентами внутри и проводом питания, воткнутым... в картофелину.

Власти это заметили и встревожились. Именно так обычно выглядят приспособления, которые цепляют на грудь террористы-смертники, прежде чем прогуляться по Стейт-стрит. А еще получалась игрушка, которая непременно должна была понравиться любому ребенку, способному собрать ее из запчастей в спальне. Никто не сомневался, что слово «картошка» служит условным обозначением для чего-то похлеще. Например, куска гексогена.

Но когда к Линдси уже направили патрульную машину, в дополнение к сотрудникам Службы национальной безопасности, поступил третий звонок, причем совершенно независимый: дом горит. Янсон приехала на вызов. И Уиллиса Линдси нигде не нашли.

Детективы определили поджог. Они нашли промасленную тряпку, дешевую зажигалку, груду газет и сломанной мебели, с которой и начался пожар. Целью, видимо, было уничтожить кучу записок и прочих материалов. Не исключено, что преступление совершил сам Линдси — или кто-то, желавший до него добраться.

У Янсон возникло ощущение, что виновник Линдси. Она никогда с ним не встречалась лично и не видела фотографии. Но даже косвенный контакт произвел на нее несомненное впечатление. Он был возмутительно умен. Иначе и невозможно оказаться на физическом факультете Принстона. Но какого-то фрагмента не доставало. В доме Линдси царил феерический хаос. Даже нелепый поджог вписывался в общую картину.

Янсон решительно не понимала — зачем? Что он задумал?

И вот она нашла собственный Переходник Линдси. Вероятно, прототип. Он лежал на полке в гостиной, над камином, который не зажигали десятилетиями. Может быть, Линдси нарочно оставил прибор, чтобы его нашли. Детективы увидели Переходник, но оставили на месте, густо посыпав порошком для снятия отпечатков. Возможно, прибор собирались забрать после окончания следствия.

Янсон наклонилась, чтобы рассмотреть повнимательнее. Переходник представлял собой прозрачную пластмассовую коробку. Куб со стороной примерно четыре дюйма. Эксперты пришли к выводу, что в этой коробочке неког-

да, возможно, хранились старинные дискеты на три с половиной дюйма. Линдси явно был из тех, кто копит всякое барахло. Сквозь прозрачные стенки виднелось электронное содержимое: конденсаторы, резисторы, реле, катушки, соединенные изогнутой и припаянной медной проволокой. На крышке торчал большой трехсторонний переключатель, и под ним от руки черным маркером было подписано: «ЗАПАД — ВЫКЛ. — ВОСТОК».

Сейчас выключатель находился в положении «ВЫКЛ.».

Остальное свободное пространство в коробке занимала... картофелина. Обычная картошка, никакой пластиковой взрывчатки, флакона с кислотой, гвоздей и прочих прибамбасов, входящих в арсенал современного террориста. Один из экспертов предположил, что картошку использовали в качестве источника энергии — точно так же, как заряжают батарейку от лимона. Большинство решили, что это признак сумасшествия или же странная шутка. Так или иначе, дети по всему миру сейчас лихорадочно штудировали схему.

Под Переходником лежал клочок бумаги, на котором тем же маркером и тем же почерком было нацарапано «Включи меня». Сплошная «Алиса в Стране чудес». Прощальный поклон Линдси. Янсон подумала: никто из ее коллег не рискнул последовать инструкции на клочке бумаги. «Включи меня».

Она взяла коробочку — та почти ничего не весила — и откинула крышку. Еще одна бу-

мажка, с надписью «Закончи меня», содержала незамысловатую инструкцию — упрощенную копию электросхемы, выложенной в Интернет. Янсон прочла: «Запрещается использовать железные детали» (Линдси подчеркнул эту фразу). Оставалось лишь сделать две катушки из медной проволоки и замкнуть контакты, чтобы подать напряжение.

Янсон взялась за работу. Наматывать катушки оказалось на удивление приятным занятием, хоть она и не сумела бы объяснить почему. Только она и разные инструменты. Точь-в-точь ребенок, собирающий детекторный приемник. Разобраться с катушками оказалось несложно, Янсон буквально почувствовала, как скользкий контакт встал на место, хотя опять-таки ничего не смогла бы объяснить и без всякого удовольствия предвкушала написание рапорта.

Закончив, Янсон закрыла крышку, взялась за выключатель, мысленно бросила монетку и сдвинула рычажок на запад.

Дом исчез. Повеяло свежим воздухом.

Вокруг росли полевые цветы. Высотой по пояс, как в заповеднике.

Янсон как будто ударили под дых. Она со стоном согнулась пополам и выронила прибор. Под начищенными ботинками была трава. В носу засвербело от свежего, резкого воздуха, вонь пепла и пены исчезла.

Может быть, на нее напали? Янсон схватилась за пистолет. Он по-прежнему лежал в ко-

буре, но ощущение было странное: пластиковый корпус и магазин на вид не изменились, но внутри что-то дребезжало.

Она осторожно выпрямилась. Живот по-прежнему болел, но не от удара, а от тошноты. Янсон огляделась — и не заметила ни души.

Исчезли четыре стены вокруг. Исчез дом на Мифлин-стрит. Только полевые цветы, купа деревьев высотой футов в сто и синее небо без смога и следов от самолетов. Все это походило на питомник — громадную реконструкцию прерии, устроенную в черте Мэдисона, на питомник, поглотивший целый город. И Янсон внезапно оказалась в самом его центре.

— Ой, — сказала она.

Реакция явно не соответствовала ситуации, и Янсон добавила:

— Ого.

И закончила, придя к отрицанию собственного многолетнего агностицизма с уклоном в откровенный атеизм:

— Господи.

Она спрятала пистолет и попыталась рассуждать как полицейский. Смотреть как полицейский. Под ногами на земле, рядом с Переходником, который она выронила, валялся мусор. Окурки. И коровья лепешка. Неужели именно здесь скрылся Уиллис Линдси? Но даже если так, она нигде не видела ни его, ни животных...

Даже воздух был другим. Густым. Головокружительным. Янсон словно опьянела. Потрясающе. Невероятно. Куда она попала? Она

громко расхохоталась — исключительно от изумления.

А потом поняла, что каждый ребенок в Мэдисоне скоро обзаведется такой коробочкой. Более того, каждый ребенок в мире. И они начнут щелкать выключателями. Повсюду.

И тогда до Янсон дошло, что вернуться домой — это очень хорошая идея.

Она поспешно подняла валявшийся на земле Переходник, по-прежнему посыпанный порошком для снятия отпечатков. Рычажок сам собой занял положение «ВЫКЛ.». С некоторым трепетом Янсон ухватила за выключатель, закрыла глаза, досчитала до трех и потянула на восток.

И вновь оказалась в доме Линдси, на сгоревшем ковре. У ног валялись металлические детали пистолета. А еще значок, бейджик и даже булавка для галстука и другие мелочи, исчезновения которых она даже не заметила.

Кланси ждал в машине. Янсон задумалась, как бы ему объяснить.

Когда она вернулась в участок, дежурный Додд уже принимал звонки о пропавших людях. Один-два на квартал. Панель постепенно покрывалась огоньками.

А потом по всей стране забили тревогу.

— И по всему миру, — удивленно сказал Додд, когда включил Си-эн-эн. — Эпидемия исчезновений. Даже в Китае. Ты только посмотри.

Вечер выдался нелегкий. Резко возросло количество краж со взломом, причем один раз

вор даже проник в хранилище Капитолия. Полицейский департамент Мэдисона едва успевал отправлять людей на вызовы. А потом из отдела Национальной безопасности и ФБР начали поступать директивы.

Янсон поймала за шкирку дежурного сержанта.

— Что случилось?

Гаррис, с посеревшим лицом, повернулся к ней.

— Ты меня спрашиваешь? Не знаю! Может быть, террористы. Нацбезы просто взбесились. А может быть, НЛО! К нам уже пришел какой-то тип в шляпе из фольги, который уверяет, что началась атака пришельцев!

— Что мне делать, сержант?

— То, что само лезет в руки, — и Гаррис заспешил дальше.

Янсон задумалась. Будь она обычным человеком, что встревожило бы ее больше всего? Пропавшие дети, разумеется. Поэтому она вышла из участка и взялась за дело.

Она нашла детей и поговорила с ними, некоторых навестила в больнице. Они твердили о необычном мальчике, невозмутимом герое, который вывел их из леса и спас, совсем как Моисей. Только звали его не Моисей, а Джошуа.

Джошуа попятился от полицейского.

— Ты ведь Джошуа? Ну конечно. Ты единственный, кто не запачкан рвотой.

Он промолчал.

— Дети говорят, что Джошуа их спас. Собрал и вернул домой. Ты настоящий ловец над

пропастью во ржи. Читал такую книгу? Обязательно прочитай. Хотя, может быть, в Приюте она запрещена. Да, я знаю про Приют. Как ты это сделал, Джошуа?

— Я ничего плохого не хотел. Я не виноват, — ответил он, пятась.

— Знаю, что не виноват. Но ты что-то сделал не так, как остальные. И я хочу знать, что именно. Расскажи, Джошуа.

Джошуа терпеть не мог, когда его имя повторяли по нескольку раз. Именно так тебя пытаются успокоить, когда считают виноватым.

— Я следовал инструкциям. И все. Люди не понимают, что надо следовать инструкциям.

— Я *хочу* понять, — сказала Янсон. — Расскажи мне. Не надо бояться.

— Слушайте, если сделать простую деревянную коробку, ее надо покрыть лаком, иначе она отсыреет, вздуется, и детали разойдутся. Если что-то делаешь, так делай правильно. Надо следовать инструкциям. Именно для этого их и пишут.

Джошуа понял, что говорит слишком много и быстро. Поэтому он замолчал. Молчать всегда лучше. И потом, что он мог сказать?

Мальчик озадачил Монику Янсон. Разумеется, в темноте дети перепугались, они кричали, падали, мочились от страха, блевали, их кусали москиты, они врезались в деревья. Но только не Джошуа. Он оставался спокоен. Янсон посмотрела на мальчика. Стройный и высокий для своих лет, жгучий брюнет с бледной кожей. Безмолвная загадка.

Вслух она сказала:

— Знаешь, Джошуа, выслушав все эти истории, я бы подумала, что некоторые из пострадавших ребят баловались наркотиками. Но они облеплены листьями и покрыты ссадинами. Как будто действительно забрели в лес прямо посреди города.

Она сделала еще один маленький шаг, и Джошуа вновь попятился.

Янсон остановилась и опустила руки.

— Джошуа, я знаю, что ты говоришь правду. Потому что я сама там побывала. Хватит уверток. Давай поговорим. Коробочка, которую ты держишь, выглядит очень аккуратно по сравнению с другими. Можно взглянуть? Положи ее на землю и отойди. Я не пытаюсь тебя обмануть. Я просто хочу понять, почему десятки детей вдруг оказались в каком-то загадочном лесу и испугались, что сейчас их съедят орки.

Как ни странно, на Джошуа это подействовало. Он положил коробку и отступил на шаг.

— Только верните. У меня нет денег, чтобы снова идти в радиомагазин.

Он помедлил.

— Вы правда думаете, что там были орки?

— Нет, не думаю. Но я даже не знаю, что и думать. Слушай, Джошуа, ты показал мне коробку, а я кладу на землю визитку. Возьми, там мой телефон. По-моему, нам с тобой не стоит терять связь.

Моника немного отступила с коробкой в руках.

— Какая отличная работа...

Тут, сияя фарами, подъехала еще одна патрульная машина. Офицер Янсон оглянулась.

— Полиция просто проверяет, как дела, — объяснила она мальчику. — Не беспокойся.

Послышался легкий хлопок.

Она взглянула на Переходник. И на пустой тротуар.

— Джошуа?

Джошуа немедленно понял, что забыл коробку.

Он перешел просто так! А главное, женщина-полицейский видела, как он это сделал. Теперь у него точно будут неприятности.

Поэтому он ушел. Он двигался вперед, удаляясь от того места, где был. Неважно куда. Он не останавливался, не сбавлял темпа. Джошуа делал переход за переходом и каждый раз чувствовал нечто вроде легкого толчка во внутренностях. Мир за миром, словно он шел по анфиладе комнат. Шаг за шагом, прочь от офицера Янсон. Все глубже в лесной коридор.

Не было города, домов, огней, людей. Только лес — но лес, который менялся с каждым переходом. Деревья появлялись из ниоткуда и исчезали при следующем шаге, совсем как декорации в пьесах, которые они ставили в Приюте, но только здесь деревья были настоящими, твердыми, незыблемыми, с глубоко уходящими в землю корнями. Иногда становилось теплее, иногда чуть холоднее. Но лес в целом никуда не девался. И рассвет. Плотная земля под ногами

и розовеющее небо оставались прежними. Джошуа нравилось подмечать некоторый порядок в этом новом мире.

Инструкции в Интернете ничего не говорили о том, что можно перейти и без прибора, но все-таки у него получилось. У Джошуа слегка кружилась голова, словно он стоял над пропастью. Но мальчик радовался — радовался, нарушая запрет. Как в тот раз, когда они с Билли Чамберсом стянули пиво у рабочих, которые пришли стеклить окно, и выпили в котельной, а потом разбили бутылку и бросили осколки в мусорное ведро. Джошуа улыбнулся, вспомнив об этом.

Он продолжал идти дальше, огибая стволы, когда приходилось. Но лес постепенно менялся. Теперь его окружали деревья с грубой корой и низкими ветвями, покрытыми узкими колючими листьями. Появились сосны. Стало холоднее. Но лес оставался лесом, и Джошуа двигался дальше.

И, наконец, достиг Стены — места, где переход не получался, как бы он ни пытался обогнуть Стену. Он даже отступил на несколько шагов назад и бросился на нее, надеясь проломить силой. Больно не было, он как будто влетел с разбегу в огромную ладонь. Но так и не продвинулся вперед.

Если он не мог пробиться, то, возможно, мог перелезть. Джошуа нашел самое высокое поблизости дерево, подтянулся до нижних ветвей и полез выше. Сосновые иголки кололи руки. Каждые шесть футов Джошуа пытался перейти, просто пробы ради, но Стена не пускала.

А потом вдруг получилось.

Он упал на плоскую поверхность, похожую на корявый, кое-как выровненный бетон, твердую, сухую, серую. Ни деревьев, ни леса. Только воздух, небо и нечто под ногами. Было холодно. Холод пробирался сквозь ткань джинсов на коленях, обжигал голые руки. Лед!

Джошуа встал. Дыхание паром повисало в воздухе. Кинжалы холода пронзали одежду, добираясь до тела. Мир был покрыт льдом. Джошуа стоял в широком овраге, пробитом во льду, который вздымался по обе стороны серыми глыбами. Старый грязный лед. И ясное небо, сине-серого рассветного оттенка. Ничто здесь не двигалось. Он не видел ни птиц, ни самолетов, ни домов, ни одного живого существа. Даже ни единой травинки.

Джошуа улыбнулся.

А потом исчез с легким хлопком, вернувшись в сосновый лес.

ГЛАВА 5

Лобсанг сказал:

— Янсон за вами наблюдала. Вы это знали, Джошуа?

Джошуа рывком вернулся в настоящее.

— Знаете, а вы неглупы для автомата с напитками.

— Вы удивитесь. Селена, пожалуйста, отведи Джошуа вниз.

Женщина как будто испугалась.

— Но Лобсанг, Джошуа еще не прошел проверку на безопасность.

В автомате что-то лязгнуло, и в отверстии показалась банка газировки.

— А что может произойти в самом худшем случае? Я бы хотел, чтобы наш новый друг познакомился со мной в более приятной обстановке. Кстати, Джошуа, это вам. За мой счет.

Джошуа встал.

— Нет, спасибо. Я с детства не пью газировку.

«А если бы пил, то потерял бы к ней всякий вкус, увидев, как ты ее выплюнул».

Пока они шагали вниз, Селена сказала:

— Кстати, приятно видеть, что вы бреетесь. Я серьезно. В наши дни в моду входит щетина. Люди такие странные... — Она улыбнулась. — Кажется, мы ожидали встретить настоящего горца.

— Наверное, я так привык.

Эта невозмутимая отповедь явно разочаровала Селену; она, казалось, ожидала большего.

Они дошли до площадки, на которую выходили никак не обозначенные металлические двери. Одна открылась при приближении Селены и бесшумно закрылась за спиной у Джошуа. Он увидел лестницу, ведущую вниз.

— Должна признать, что очень хотела бы столкнуть вас отсюда, — сказала Селена с горькой иронией. — Знаете почему? Вы не успели появиться, как сразу же получили нулевой рейтинг безопасности. Нулевой, понимаете? То есть теоретически вам можно рассказывать обо всем, что здесь происходит. Мой рейтинг, например, пять. Вы превзошли меня, хотя я работаю в Трансземном институте с самого начала. Кто

вы такой, если входите в любую дверь и узнаете любой секрет?

— Ну, извините. Я Джошуа. И вообще, что значит «с самого начала»? Я и есть начало. Поэтому-то я и здесь, ведь так?

— Да. Конечно. Но, наверное, для каждого человека начало — его собственный первый переход...

ГЛАВА 6

Джим Руссо впервые перешел в то место, которое возбужденные сетевые болтуны вскоре назвали Новым светом для честолюбивых. Будучи тридцати восемью лет от роду, после череды неприятных расставаний и измен, он придумал, как вырваться вперед.

Вскоре после Дня перехода он составил план и сообразил, как надо поступить. Он отправился в нужный уголок Калифорнии. Привез с собой карты, фотографии и все остальное, чтобы не промахнуться мимо того самого места, где много лет назад Маршалл нашел золото. Джим хорошо знал, что в последовательных мирах навигаторы не работают, а значит, карты должны быть бумажными. Но, разумеется, он не нуждался ни в какой карте, чтобы найти лесопилку Саттера — здесь, на берегу Американ-Ривер, только в последовательной версии. Джим Руссо приехал в Государственный исторический парк. Лесопилка Саттера была государственной достопримечательностью. На ее месте построили точную копию. Руссо тут же понял, где именно Джеймс

Маршалл увидел золотые чешуйки, поблескивающие в отводящем канале. Ничего не стоило встать прямо на нужном месте. Джим Руссо так и сделал, и в голове у него заработали шестеренки.

Он перешел на Запад-1, и реконструкция исчезла. Лес был таким же диким, каким он предстал перед Маршаллом и Саттером, когда они пришли сюда, чтобы построить лесопилку. Более того, до Дня перехода здесь даже индейцев не было. Разумеется, сейчас народу хватало — приходили туристы с Базовой Земли, которые осматривали новые территории. Даже стояли несколько указателей. «Саттер-Запад-1» и «Восток-1» уже давно превратились в местную достопримечательность, придаток своих базовых версий. Джим улыбнулся, глядя на глупых пучеглазых туристов, которым явно не доставало воображения.

Через десять-пятнадцать минут, как только тошнота отступила, он шагнул дальше. И еще. И еще.

Джим остановился на «Западе-5» — по его представлениям, он забрался достаточно далеко. Ни души вокруг. Он громко засмеялся и завопил. Никто не отозвался. Только эхо. Где-то свистнула птица. Он был один.

Джим не стал ждать, когда пройдет тошнота. Он сел на корточки у ручья и вытащил из мешка решето, глубоко дыша, чтобы унять круговерть в животе. Именно здесь 24 января 1848 года Джеймс Маршалл заметил в воде странные образования — и в тот же день уже мыл золото на ручье. Так началась калифорнийская золотая лихорадка. Джим мечтал о том, как найдет

ту самую золотую чешуйку, которую нашел Маршалл и которая теперь хранилась в Смитсоновском институте. Вот это будет номер. Но на «Западе-5», разумеется, не было лесопилки и никакого нижнего канала. Река текла беспрепятственно, как в эпоху Маршалла на Базовой Земле, и вряд ли Джиму удалось бы найти идентичную чешуйку. Но все-таки он намеревался разбогатеть.

Таков был великий план Джима Руссо. Он прекрасно знал, где нашли золото, которое впоследствии обнаружили и извлекли старатели, которые последовали за Маршаллом. Джим привез карты золотоносных жил, которые еще лежали нетронутыми прямо под ногами! Потому что в этом мире не было ни Саттера, ни Маршалла, ни лесопилки, ни золотой лихорадки. Все богатство — или его точная копия — спало в земле. Оно ждало, чтобы Джим протянул руку...

И тут за спиной раздался смех.

Он резко обернулся, попытался встать, споткнулся и плюхнулся в ручей, промочив ноги.

Позади стоял какой-то человек в грубой джинсовой одежде и широкополой шляпе, с тяжелым оранжевым рюкзаком и чем-то вроде кирки. Он смеялся над Джимом, сверкая белыми зубами на грязном лице. Рядом материализовались и другие — мужчины и женщины, одетые точно так же, грязные и усталые. Несмотря на тошноту, они ухмылялись, увидев Джима.

— Что, еще один? — спросила женщина.

Под слоем грязи она выглядела ничего себе. Привлекательная женщина над ним смеялась. Джим, покраснев, отвернулся.

— Похоже на то, — ответил первый прибывший. — В чем дело, старина? Надеешься сколотить состояние на золотишке Саттера?

— А тебе-то что?

Мужчина покачал головой.

— Да что с вами такое? Вы, кажется, думаете только на один шаг вперед. Но не на два, — он говорил как самодовольный студент и ухмылялся. — Вы догадались, что здесь, на этом месте, лежит золото. Разумеется. Но то же самое — на Западе-6, 7, 8 и так далее, куда только можно добраться. А остальные люди вроде тебя, которые промывают песок во всех последовательных мирах? О них ты не подумал, правда? — Он вытащил из кармана золотой самородок размером с голубиное яйцо. — Друг мой, эта идея пришла в голову не одному тебе.

Женщина перебила:

— Ну, не будь таким суровым, Мак. Он успеет заработать, если поторопится. Золото еще не совсем обесценилось, его пока нашли не так много. Он всегда может продать самородок-другой как нечто полезное. Ну... просто оно больше не стоит на вес золота.

Снова смех.

Мак кивнул.

— Еще один пример удивительно низкой экономической ценности всех последовательных миров. Настоящий парадокс.

Это студенческое самодовольство взбесило Джима.

— Если оно ничего не стоит, умник, зачем вы сюда приперлись?

— Ну, мы тоже ищем золото, — ответил Мак. — Мы следуем примеру Маршалла и остальных, как и ты. Но мы пошли дальше. Построили копию лесопилки и кузню, чтобы делать железные инструменты. Теперь мы можем добывать золото тем же способом, что и пионеры. Это история, реконструкция. В следующем году нас покажут на «Дискавери», следи за программой. Но мы здесь не ради золота как такового. На, держи.

И он бросил золотой самородок под ноги Джиму. Тот приземлился в сырой гравий.

— Гады вы...

Улыбка Мака увяла, как будто манеры Джима его разочаровали.

— Дамы и господа, кажется, наш новый друг недостаточно воспитан. Ах, так...

Джим прыгнул на него, размахивая кулаками. Продолжая смеяться, люди исчезали один за другим. Джиму не удалось нанести ни одного удара.

ГЛАВА 7

Для Салли Линдси отбытие с Базовой Земли, год спустя после Дня перехода, было вовсе не первым. Она ушла, потому что ушел ее отец. А до того — большая часть семьи. Салли едва исполнилось девятнадцать.

Она не спешила. Неторопливо собрала вещи и закончила дела. В конце концов, возвращаться она не планировала.

Однажды летним утром Салли надела рыбацкую безрукавку с многочисленными карманами, взяла рюкзак и в последний раз покинула свою комнату в тетином доме. Тетя Тиффани как раз вышла, и Салли порадовалась: она не любила прощаться. Она добралась до Парковой улицы и зашагала через кампус. Никого поблизости не было, даже уборщиков; университет спал. Салли показалось, что утро еще тише обычного. Может быть, перешло гораздо больше людей, чем она думала. Она миновала библиотеку, стоявшую на берегу озера, направилась на запад, к Озерной тропе, и взяла курс на поляну для пикников. На озере Мендота виднелись несколько яхточек, какой-то шальной серфингист в пламенно-оранжевом гидрокостюме и пара лодок университетского гребного клуба (над водой неслись отрывистые сигналы рожков). Горизонт тонул в зелени.

Кому-то стоящий в зеленой дымке университет у озера мог показаться идилличным. Но только не Салли. Она любила природу. Настоящую. Для нее Долгая Земля отнюдь не была последней новинкой, тематическим парком, который внезапно открылся в День перехода. Она там выросла. И теперь, глядя на лодки и на серфингиста, она видела только человеческую суету и идиотов, которые распугивали птиц. Суета начинала проникать и в другие миры, когда идиоты, разинув рты, приходили туда. Даже прозрач-

ная озерная вода казалась Салли разбавленной. По крайней мере, она выбрала удачный день, чтобы проститься с Базовой Землей, с городом у озера, где она не так уж сильно страдала и дышала относительно свежим воздухом. Но туда, куда Салли собиралась, он был еще свежее.

Она нашла тихое место и сошла с тропы в тени деревьев. В последний раз проверила рюкзак. С собой девушка взяла оружие — в том числе легкий арбалет. А Переходник лежал в пластмассовой коробочке, вроде той, что была у отца. Помимо самого прибора, в футляре лежали запчасти, припой, отличные оптические инструменты и распечатки схемы. И, конечно, картошка — посреди выдавших виды деталек. Какая отличная идея. Батарейка, которую можно съесть, если обед станет приоритетом. Это был рюкзак профессионального путешественника. Салли настолько поддалась ностальгии, что наклеила на коробочку университетский логотип.

Но коробочка служила лишь прикрытием. Салли не нуждалась в приборе, чтобы переходить.

Она знала Долгую Землю и как по ней путешествовать. И теперь собиралась найти отца. И еще кое-что не давало Салли покоя с тех пор, как она была маленькой девочкой, игравшей в тени отцовского амбара в последовательном Вайоминге. А именно — зачем все это надо.

Салли всегда отличалась решительностью. Она наугад выбрала направление, улыбнулась и перешла. Озеро и купы деревьев остались. Но тропинка, лодки и идиот на серфе исчезли.

ГЛАВА 8

Тогда, в самом начале, люди отправлялись куда глаза глядят, с определенной целью или без таковой. Но никто не забирался дальше Джошуа.

В те первые месяцы он, тринадцатилетний мальчишка, понастроил себе на дальних Землях укрытий. Фортов, как он выражался. И лучшие из них действительно были фортами, как у Робинзона Крузо. У людей вообще неверные представления насчет Робинзона. Они рисуют себе решительного бодрого человека в плаще из козьей шкуры. Но Джошуа нашел в Приюте потрепанную книгу и, разумеется, прочел ее от корки до корки. Робинзон Крузо прожил на необитаемом острове двадцать шесть лет и большую часть времени строил укрепления. Джошуа одобрял эту тактику; у Робинзона уж точно голова работала правильно.

Когда он только начинал путешествовать, порой приходилось туго. В последовательных Мэдисонах, по ту сторону реальности, на восток и на запад в основном тянулась прерия. Джошуа уже знал, как ему повезло, что в первый раз он перешел не зимой — ведь тогда он мог оказаться на сорокаградусном морозе без теплой одежды. И что он не оказался в каком-нибудь болоте, которое на Базовой Земле осушили и превратили в пахотные угодья задолго до его рождения.

В первый раз, когда он в одиночку ушел в неизведанный мир и попытался там заночевать, было нелегко. Из еды он опознал только ежевику, зато попил дождевой воды из чашечек цве-

тов. Джошуа прихватил с собой одеяло, но оно не понадобилось, и он воспользовался им как москитной сеткой. Безопасности ради он спал на дереве. Лишь впоследствии Джошуа узнал, что пумы умеют лазать...

После этого он взял несколько книг в Приюте и в городской библиотеке, чтобы научиться отличать съедобное от несъедобного, а еще поговорил с сестрой Серендипити, которая занималась историей кулинарии. И тогда Джошуа понял, что лишь полный идиот умрет от голода на Долгой Земле. В диких лесах росли ягоды, грибы, желуди, каштаны, рогоз, зеленый камыш с богатым углеводами корнем, лекарственные растения, даже дикая хина. Озера кишели рыбой, и ловушки было несложно сделать. Джошуа даже пару раз пробовал охотиться. Он успешно ловил кроликов, но, конечно, дичь покрупнее — белохвостый олень и лось — оказалась подростку не под силу. Даже за индейками пришлось погоняться. Но к чему утруждаться, если вокруг полно голубей, которые так глупы, что готовы сидеть и ждать, пока ты не подойдешь и не сшибешь их камнем? Животные, даже рыба, не боялись человека. Они были так доверчивы. Джошуа усвоил привычку благодарить добычу, которая пожертвовала для него жизнью, — и впоследствии узнал, что именно так поступали индейские охотники.

Джошуа стал готовиться заранее. Брать с собой спички или френелевские линзы, чтобы разводить огонь; он научился даже добывать огонь трением, но это отнимало слишком много сил, а

потому не годилось для каждодневного использования. Москитный репеллент он бесплатно получал в «Чистоте», своеобразном пункте обмена бытовой химии на Бэджер-Род. И хлорку, для очистки воды.

Конечно, Джошуа и сам не хотел становиться пищей — но чьей? В последовательных лесах водились животные, которые вполне могли с ним справиться. Рыси — здоровенные кошки, которые глазели на него и удирали прочь на поиски более легкой добычи. Пумы, размером с немецкую овчарку и с мордой, отражавшей суть кошачьей натуры. Однажды Джошуа видел, как пума свалила оленя, прыгнув ему на спину и перекусив сонную артерию. В отдаленных местах он видел волков и еще более экзотических животных — что-то вроде гигантского бобра, а в другой раз — ленивца, тяжеловесного, глупого, который вызвал у Джошуа смех. Все эти животные, как он полагал, обитали на месте Базового Мэдисона до того, как там появились люди, а теперь по большей части вымерли. Обитатели параллельных миров никогда раньше не видели человека, и даже самые жестокие хищники подозрительно относились к неизвестному. Москиты, в общем, доставляли Джошуа больше неприятностей, чем волки.

В первые дни Джошуа никогда не оставался в последовательных мирах подолгу, максимум — на несколько ночей. Иногда он извращенно мечтал о том, чтобы вдруг утратить способность переходить, — тогда бы он остался там и попробовал выжить. Когда он возвращался, сестра

Агнес спрашивала: «Тебе не бывает одиноко или страшно?» Но Джошуа никогда не было совсем уж одиноко. И он не понимал, чего бояться. Джошуа думал: с тем же успехом можно сказать человеку, который сунул палец в воду на тихоокеанском пляже, что он должен бояться океана.

И потом, скоро на Ближних Землях стало не протолкнуться от туристов, которые явились посмотреть, что тут творится. Публика с суровым взглядом и с решительными коленками. Туристы бродили по новым местам или, по крайней мере, путались в подлеске. Они задавали вопросы типа: «А чья это территория? Мы еще в Висконсине? Это Америка?»

Хуже всего были те, кто бежал от гнева Божьего — или нарывался на него. И таких оказалась чертова прорва. Неужели Долгая Земля стала предвестием конца света, гибели старого мира и возникновения нового, предназначенного для избранных? Слишком многие рвались в число избранных — и слишком многие думали, что в этих райских мирах Бог им даст полное обеспечение. И Бог не поскупился, разумеется, — огромное количество пищи бегало вокруг. Но Он обычно помогает тем, кто не плошает. Поэтому Бог, вероятно, надеялся, что избранные прихватят с собой теплую одежду, таблетки для очистки воды, базовые медикаменты и какое-нибудь оружие, например бронзовые ножи, которые в последнее время обрели такую популярность. Еще, может быть, палатку — короче говоря, что избранные не оставят дома здравый смысл. Если у человека не хватало мозгов, москиты

были наименьшим злом. Да, наименьшим. Если повезет. С точки зрения Джошуа, библейскую метафору следовало расширить: в данном случае всадников Апокалипсиса было четверо, и их звали Жадность, Неумение следовать правилам, Беспорядок и Многочисленные ссадины. Джошуа до тошноты надоело спасать Спасенных.

Впрочем, ему быстро надоели они все. Какое право эти люди имели шляться по *его* секретным местам?

А главное, они вмешивались в Тишину — так Джошуа выражался. Вытесняли спокойствие. И далекое глубинное ощущение чьего-то присутствия за нагромождением миров — присутствия, которое он сознавал с рождения и распознал, как только удалился от Базовой Земли настолько, чтобы его расслышать. Джошуа начал обижаться на каждого загорелого туриста, каждого шумливого ребенка, на шум, который производили незваные гости.

И все-таки он чувствовал себя обязанным помогать людям, которых презирал, и потому был в замешательстве. Также Джошуа смущало, что он проводит столько времени один, причем с наслаждением. Вот почему он решил поговорить с сестрой Агнес.

Сестра Агнес, разумеется, верила в Бога, хоть и своеобразно. В Приюте на стене ее крошечной комнатки висели две картинки — одна с изображением Сердца Христова, другая с Ми-

том Лоуфом¹. А еще она чересчур громко, с точки зрения других сестер, включала старые песни Джима Стейнмана. Джошуа плохо разбирался в мотоциклах, но в коляске древнего «Харлея» сестры Агнес, вероятно, ездил еще апостол Павел. Иногда в гараже на Союзном проезде появлялись фантастически заросшие щетиной байкеры, приезжавшие аж из других штатов. Сестра Агнес угощала их кофе и не разрешала трогать рисунки.

Ее любили все дети, и она платила им тем же, особенно Джошуа — особенно когда он ловко разрисовал «Харлей», в том числе старательно вывел на бензобаке девиз «Лети в рай» потрепавшим курсивным шрифтом, который нашел в библиотеке. После этого в глазах сестры Агнес Джошуа сделался непогрешим, и она разрешала ему брать свои инструменты в любое время.

Если он и мог кому-нибудь доверять, то только сестре Агнес. Если он странствовал слишком долго, обычная молчаливая сдержанность Джошуа порой превращалась в поток слов, как будто прорывало плотину. Все, что нужно было сказать, он выбалтывал единым порывом.

Поэтому Джошуа пожаловался, каково раз за разом спасать заблудившихся, глупых, неприятных личностей, которые на него пялятся и говорят: «Это ведь ты, да? Мальчик, который умеет переходить, не чувствуя себя первые пятнадцать минут полным дерьмом». Джошуа не знал, как они догадались, но слух каким-то образом разошелся, несмотря на заверения офицера Янсон.

¹ М и т Лоуф — американский рок-певец, кино- и театральный актер.

Он отличался от других, а отличаться значило Быть Проблемой. Джошуа знал, что Быть Проблемой — плохо, и не мог об этом забыть даже в комнате сестры Агнес. Потому что прямо над двумя картинками — с Сердцем Христовым и с Митом Лоуфом — висела маленькая фигурка человека, которого пригвоздили к кресту, потому что сочли Проблемой.

Сестра Агнес сказала, что, возможно, у него призвание, причем не так уж отличающееся от религиозного служения. Она-то знала, как трудно внушить людям то, чего они не желают понимать, — например, когда она утверждала, что «Громкий крик» — одна из самых благочестивых песен на свете. Сестра Агнес велела Джошуа следовать зову сердца, а еще разрешила приходить и уходить когда вздумается, потому что Приют все-таки был его домом.

Она заверила мальчика, что он может доверять офицеру Янсон, потому что она хороший человек и поклонница Стейнмана (сестра Агнес сказала «поклонница Стейнмана» таким тоном, каким другая монахиня сказала бы «добрая католичка»). Офицер Янсон побывала у сестры Агнес и спросила позволения повидаться с Джошуа. Она нуждалась в помощи.

ГЛАВА 9

Тем временем, спустя полгода после Дня перехода, карьера Моники Янсон неожиданно вильнула в сторону.

Янсон встала перед зданием мэдисонского полицейского участка, собралась с духом, передвинула рычажок выключателя на Переходнике и почувствовала привычный удар под ложечку, как только участок исчез, чтобы смениться высокими деревьями и тенью от зеленых крон. На прогалине в первобытном лесу стояли маленькая деревянная хижина с гербом Мэдисонского полицейского департамента и низкая скамейка, а на молодом деревце развевался звездно-полосатый флаг. Янсон села на скамейку и сложилась пополам, выжидая, когда пройдет тошнота. Скамейку поставили здесь именно для того, чтобы прибывший мог оклеветаться после перехода, прежде чем предстать перед коллегами.

После Дня перехода события развивались быстро. Техники явились сюда с выданным в полиции Переходником — прочным, в изящной черной пластмассовой коробке, способной устоять даже против выстрела в упор. Разумеется, как и в случае со всеми Переходниками, Янсон обнаружила это, имея дело с прототипом Линдси — чтобы он заработал, нужно было закончить сборку самостоятельно. Прибор служил исправно, хоть и приходилось пропускать мимо ушей шуточки о картошке, которая играла роль источника энергии. «Порцию фри, пожалуйста». Ха-ха.

Но ничего не удавалось поделаться с неизбежной тошнотой, которая мучила большинство людей десять-пятнадцать минут после перехода. Существовало лекарство, которое вроде бы по-

могало, но Янсон всегда старалась не подсаживаться на таблетки, и потом от этого лекарства моча становилась синей.

Когда тошнота и головокружение отступили, она встала. В тот день, по крайней мере, на «Запад-Мэдисон-1», было безветренно и холодно, пасмурно, но без дождя. Этот последовательный мир оставался по большей части таким же, как и во время ее первого визита, когда Янсон перенеслась сюда из развалин дома Уиллиса Линдси. Шелест листьев, чистый воздух, пение птиц. Но понемногу «Запад-1» менялся, в лес вгрызались просеки, полевые цветы отступали: домовладельцы расширяли свои участки, предприниматели ломали голову, как извлечь выгоду из здешней первоклассной древесины и экзотической природы, а официальные лица, наподобие полицейского департамента, устраивали в соседних мирах плацдармы — пристройки к базовым штаб-квартирам. Поговаривали, что в ясные дни уже был виден смог. Янсон задумалась, сколько времени пройдет, прежде чем в пустом небе появится след самолета.

Она задумалась, где сейчас Джошуа Валиенте. Джошуа, ее постыдная тайна.

Моника чуть не опоздала на встречу с Кличи.

В хижине сильно пахло крепким кофе.

Там находились двое — лейтенант Кличи сидел за столом и смотрел на экран лэптопа, сделанного на заказ и не содержащего никаких железных деталей, а младший офицер по име-

ни Майк Кристофер старательно писал какой-то рапорт в большой тетради с желтыми разлинованными страницами. По-прежнему вынужденные обходиться без электричества, копы заново учились писать красиво — или, по крайней мере, разборчиво.

Клича помахал ей, не сводя глаз с экрана.

— Кофе. Садись.

Янсон налила кружку кофе, на вид такого крепкого, что ему ничего не стоило растворить бронзовую ложку, которой она его мешала. Она села на грубый самодельный стул. Джек Клича был приземистый крепыш с лицом, похожим на старый чемодан. Янсон невольно улыбнулась.

— Вы прямо как дома, лейтенант.

Он смерил гостью взглядом.

— Не надо, Янсон. Кто я тебе, Дэви Крокет? Я вырос в Бруклине. Для меня даже Мэдисон — все равно что Дикий Запад. Здесь я себя чувствую как в каком-то гребаном заповеднике.

— Зачем я вам понадобилась, сэр?

— Стратегия, Янсон. Нас попросили поучаствовать в составлении правительственного отчета и рассказать, как мы намерены действовать в непредвиденной ситуации с лишними мирами. Изложить наши планы на ближайшее и дальнейшее будущее. Копия отчета пойдет на федеральный уровень. Шеф взял меня за жабры, потому что, как он верно заметил, у полиции нет никаких планов, ни ближайших, ни дальнейших. До сих пор мы просто реагировали на события.

— И поэтому я здесь?

— Сейчас найду файлы... — он застучал по клавиатуре.

У Кристофера затрещала рация, и он что-то забормотал в ответ. Мобильники здесь, конечно, не работали. Портативные радиопередатчики и приемники нашли себе применение, как только их начали выпускать без железных компонентов, чтобы они не пострадали во время перехода. Поговаривали о том, чтобы проложить сеть старомодных телефонных линий из медной проволоки.

— Так, — Клич развернул лэптоп, чтобы Янсон видела экран. — Здесь у меня логи и фрагменты видео. Я пытаюсь понять... Твое имя то и дело всплывает, Янсон, вот почему я тебя вызвал.

Она увидела ссылки на свои рапорты о пожаре в доме Линдси и о панике из-за пропавших детей в первый вечер.

— Мы пережили несколько нелегких дней. Пропавшие дети, которые затем возвращались со сломанными костями, потому что свалились с верхних этажей, или покусанные какими-то тварями. Побег из тюрем. Масса прогулов в школах, офисах, административных учреждениях. Экономика перенесла серьезный удар. Не только национальная, но и мировая. А ты не знала? Как мне сказали, наступил второй День благодарения, прежде чем эти идиоты вернулись на работу. Ну, или большинство из них.

Янсон кивнула. Основная масса людей, которые перешли в первый день, довольно быстро вернулась. Но не все. Бедняки предпочитали пе-

реселяться на новые территории; богатым было что терять на Базовой Земле. Поэтому из городов вроде Мумбая и Лагоса, даже из некоторых американских мегаполисов исчезали целые компании уличных ребятишек. Ошарашенные, совершенно не подготовленные, они оказывались посреди дикой природы. В мире, который не принадлежал никому. Так почему он не мог принадлежать им? Американский Красный Крест и другие организации посылали вдогонку спасательные отряды — разгрести последствия неизбежного повторения «Повелителя мух».

Вот что, с точки зрения Янсон, было главным. Поведение Джошуа Валиенте подтверждало это с самого начала. Последовательные миры дарили свободу. Место, куда можно сбежать и укрыться. Более того, бесконечное множество таких мест. По всему миру люди, один за другим, просто уходили — без плана, без подготовки. Они исчезали в лесу. И уже поступали жалобы от отчаявшегося, обиженного меньшинства, которое обнаружило, что не в состоянии перейти даже при наличии самых лучших Переходников.

Первоочередной задачей лейтенанта Клича, разумеется, было сделать так, чтобы новые миры не обратили против Базовой Земли.

— Вот посмотри, — сказал он. — Как только до людей дошло, преступления стали хитрее. Невероятные ограбления. Уйма террористов-смертников в больших городах. Убийство Брюэр. Во всяком случае, покушение. И тут начинается мелькать твое имя, офицер Янсон...

Янсон вспомнила. Мел Брюэр была блудной женой одного наркобарона, которая пообещала полиции, что будет свидетельствовать против мужа. Ей обеспечили надлежащую защиту. Она едва избежала гибели, когда к ней явился киллер с Переходником. Именно Янсон пришла в голову идея поместить женщину в подвал. В переходных мирах — «Восток-1» и «Запад-1» — на месте погребя находилась сплошная земля, поэтому перейти напрямую убийца не мог. Нужно было либо заранее вырыть дыру в соответствующем месте, либо взяться за лопату после перехода. Так или иначе, элемент неожиданности утрачивался. На следующее утро все подземные помещения в полицейских участках — и даже в здании Капитолия — переоборудовали в укрытия.

— Ты не единственная, кто до этого додумался, Янсон. Но ты была одной из первых в стране. Я слышал, даже президент спит теперь в бункере под Белым домом.

— Приятно слышать, сэр.

— Да, да. А потом стало еще экзотичней.

— Странно слышать, что экзотика у вас перестала ассоциироваться с массажем, сэр.

— Янсон, не зли меня.

Кличи продемонстрировал сообщения о разных религиозных сектах. Повернутые на Апокалипсисе типы толпой хлынули в «новые Эдемы», полагая, что внезапное появление последовательных миров предвещает Страшный суд. Одна христианская секта утверждала, что Христос выжил после распятия и перешел прямо из гробницы, когда апостолы явились забрать

Его тело. От подобных выводов недалеко было до заключения, что Он по-прежнему где-то там, на Долгой Земле. Полиция с огромным трудом наводила общественный порядок.

Клики отодвинул лэптоп и помассировал мясистую переносицу.

— Я что, Стивен Хокинг?..¹ У меня мозги кипят. А ты, офицер Янсон, кажется, счастлива, как свинья в луже.

— Я бы так не сказала, сэр...

— Просто скажи, что ты думаешь. Основная проблема — я имею в виду, для нас, мэдисонских ангелов-хранителей, — заключается в том, что на Долгую Землю нельзя протащить оружие в целости и сохранности. Так?

— Даже «глок», потому что в нем есть металлические детали. Переходу не поддается никакое железо, сэр. И сталь. Кроме этого, с собой можно взять что угодно. Конечно, в других мирах есть железная руда, но ее нужно добыть, обработать и сделать железо прямо на месте. Нельзя с ним перейти.

— Значит, приходится строить кузницу в каждом новом мире.

— Да, сэр.

— Знаешь, кое-что озадачивает даже такого неуча, как я. Я думал, у всех людей в крови есть железо или типа того. Отчего ж оно не остается на месте?

— В крови, сэр, железо имеет вид органических молекул. В гемоглобине. Молекулы же-

¹ Стивен Хокинг — известный физик-теоретик и космолог.

леза выдерживают переход, если находятся в химических соединениях, но только не в виде металла. Например, можно взять с собой ржавчину, потому что это смесь железа с водой и кислородом. Но вы не пронесете пистолет, сэр, за исключением ржавчины на рукоятке.

Кличи смерил ее взглядом.

— Это была непристойная шутка, да, Янсон?

— Что вы, я бы не посмела.

— Кто-нибудь знает, почему все так?

— Нет, сэр.

Янсон по мере сил следила за научными дискуссиями. Некоторые ученые напоминали, что атомы железа самые стабильные, а само железо — конечный результат сложного процесса слияния, который совершается на Солнце. Может быть, поэтому железо и не способно перемещаться между мирами. Может быть, переход, по сути, похож на квантовое туннелирование — маловероятный проход между энергетическими уровнями. А поскольку у железа самое устойчивое ядро, может быть, ему недостает энергии, чтобы вырваться из энергетической ямы на Базовой Земле. Или же дело в магнетизме. Или еще в чем-то. Никто не знал.

Кличи, человек практический, кивнул.

— По крайней мере, мы выучили правила. Хотя, конечно, это удар под дых для большинства американцев, которым внезапно навязали запрет на ношение оружия. Что дальше? В других мирах нет людей, правильно? Кроме тех, кто пролез туда из нашего.

— Так точно, сэр. То есть насколько нам известно. Систематические исследования пока не проводились даже в соседних мирах. Никто не знает, что скрывается за ближайшим горным хребтом. Но на разведку посылали воздушные шары и делали аэросъемку. Никаких признаков человека.

— Так. Значит, новых миров целая цепочка? В обе стороны, на восток и на запад?

— Да, сэр. Вы просто переходите из одного в другой, как будто идете по коридору. На восток и на запад, хотя названия даны произвольно. Они не соответствуют реальным сторонам света в нашем мире.

— И срезать нельзя? Сразу перемахнуть два миллиона миров?

— Кажется, нет, сэр.

— И сколько же их? Один, два, много? Миллион? Миллиард?

— И этого тоже никто не знает, сэр. Мы даже не выяснили пока, как далеко заходили люди. Процесс... — Янсон помахала рукой, — идет бесконтрольно...

— И каждый из миров — целая отдельная Земля?

— Насколько нам известно.

— А Солнце? Марс и Венера? Луна, наконец. Они такие же, как наши? То есть...

— Каждая Земля расположена в своей вселенной, сэр. Звезды те же самые. И дата совпадает. Даже время суток. Астрономы установили это с помощью звездных карт. Они бы уж заметили расхождение на век-другой.

— Звездные карты. Века. Гос-споди. Кстати, я приглашен на совещание по поводу юрисдикции, где председательствовать будет сам губернатор. Если человек совершит преступление, скажем, на «Мэдисон-Запад-14», блин, я вообще имею право его арестовать?!

Янсон кивнула. Вскоре после Дня перехода, в то время как одни люди просто уходили в никуда, другие начали заявлять права. Человек селился, вбивал табличку с названием и намеревался выращивать пшеницу и растить детей в девственном мире. Но кому, в конце концов, этот мир принадлежал? Заявить права несложно, но подтвердит ли их правительство? Считаются ли последовательные Америки территорией Соединенных Штатов? Наконец власть решила прийти к какому-то общему мнению.

Кличи сказал:

— Говорят, президент собирается объявить все последовательные Америки суверенной территорией Штатов, на которой действуют соответствующие законы. Последовательные территории «находятся под эгидой федерального правительства», как-то так. Я так думаю, это упростит дело. Конечно, если можно назвать «упрощением» дежурства, внезапно ставшие бесконечными. Мы работаем на пределе сил. Все агентства. Военных стягивают домой из горячих точек, нацбезы предугадывают бесконечные новые бреши, в которые прорываются террористы, а корпорация тем временем тихонько проникает на Долгую Землю и распускает там щупальца. Черт, говорила мне мама, чтобы я оставался в

Бруклине. Послушай, Янсон, — Кличи подался вперед, скрестив руки на груди, полный решимости. — Я объясню, зачем вызвал тебя. Какова бы ни была официальная точка зрения, мы по-прежнему должны поддерживать порядок в Мэдисоне. Так уж нам повезло, что Мэдисон притягивает разных психов.

— Я знаю, сэр...

В Мэдисоне изобрели Переходник, а потому, вполне естественно, город привлекал общее внимание. Изучая донесения о людях, которые приезжали сюда, чтобы начать долгое путешествие по последовательным мирам, Янсон тоже задумалась, что же их привлекает. Отчего-то переходить из Мэдисона было проще. Она подумала: может быть, главный закон Долгой Земли — стабильность. Может быть, самые древние и прочные участки континентов — похожие на атомы железа, у которых самая стабильная структура — легче открываются вовне. Мэдисон, расположенный в сердце Северной Америки, геологически был одним из наиболее стабильных мест на планете. Янсон решила уточнить у Джошуа, если она его однажды увидит.

Кличи сказал:

— У нас особая задача. Для этого ты мне и нужна, Янсон.

— Но я не эксперт, сэр.

— Ты эффективно работаешь, не обращая внимания на всякую хрень. Даже в первый вечер ты не потеряла голову и не забыла о наших первоочередных задачах, в то время как некоторые твои уважаемые коллеги прудили в штаны

и выблеывали пончики. Я хочу, чтоб ты стала главной по этому вопросу. Понимаешь? Ты будешь исследовать как разовые инциденты, так и стоящие за ними закономерности. Потому что всякие сукины дети придумывают, как бы обещать случившееся против нас. Ты будешь моим Малдером, офицер Янсон.

Она улыбнулась.

— Скорее Скалли.

— Не важно. Я тебе ничего не обещаю в награду. Мы заключаем неконвенционное соглашение, и твой вклад трудно будет отразить в отчете. Но я постараюсь. Готовься, что придется проводить много времени вдали от дома. И в одиночестве. Твоя личная жизнь...

Янсон пожала плечами.

— У меня кошка. Она сумеет о себе позаботиться.

Клички нажал на клавишу. Янсон догадалась, что он изучает ее персональное досье.

— Двадцать восемь лет...

— Двадцать девять, сэр.

— Родилась в Миннесоте, родители по-прежнему живут там. Нет ни братьев, ни сестер, нет детей. Э... распавшийся нетрадиционный брак?

— Сейчас я одна, сэр.

— Янсон, меня это не интересует, честное слово. Возвращайся на Базовую Землю, договорись с сержантом, подумай, что тебе нужно, чтобы устроиться здесь и в участке на «Восток-1»... Черт тебя подери, пусть мэр видит, что ты занята делом.

— Есть, сэр.

В общем, Янсон была довольна встречей и своим новым назначением. Она убедилась, что люди вроде Клича — и их непосредственное начальство — пытались, в меру сил, разобраться с неожиданным феноменом, внезапным открытием Долгой Земли. Как она знала из новостей и других источников, далеко не во всех странах дела обстояли так.

ГЛАВА 10

— Господин премьер, почему бы просто не запретить переходы? Это же откровенная угроза для системы безопасности!

— Джеффри, с тем же успехом можно запретить дышать. Даже моя мать переходила!

— Но население бежит. Бедные кварталы совсем опустели. Экономика терпит крах. Мы должны что-то предпринять!

Гермиона выдержала тактичную паузу.

Гермиона Доуз прекрасно умела держать паузу. Она гордилась способностью отсеивать то, что люди говорили, от того, что они хотели сказать. Этот навык она с успехом практиковала на протяжении почти тридцати лет, работая на политических зубров всех мастей. Она так и не вышла замуж, и, казалось, Гермиону не пугало одиночество: она со смехом рассказывала подругам-секретаршам, что золотое кольцо, которое она носила, играет роль пояса целомудрия. Она была достойна доверия — и ей доверяли; шефы отмечали, что единственный незначитель-

ный недостаток Гермионы Доуз в том, что она старательно коллекционировала все песни Боба Дилана.

Она чувствовала, что никто из коллег ее не знает, — даже джентльмены, которые периодически, когда Гермиона была на работе, влезали к ней в квартиру и устраивали осторожный обыск. Несомненно, они обменивались улыбками, осторожно кладя на место крошечную щепочку, которую Гермиона каждый день совывала между входной дверью и косяком. Она тоже улыбалась — когда замечала, что чьи-то большие грубые ноги в очередной раз раздавили крошку меренги, которую она неизменно бросала на ковер перед дверью гостиной и на которую они никогда не обращали внимания.

Поскольку Гермиона не снимала кольцо, никто, кроме нее самой и Господа Бога, не знал, что изнутри (за немалую сумму) была выгравирована строчка из песни Боба Дилана: «Все в порядке, мама, я истекаю кровью». Гермиона гадала: способен ли в наши дни хоть один проныра из числа ее коллег, включая большинство министров, опознать цитату?

И вот, спустя несколько лет после Дня перехода, в кабинете министров шли взволнованные дискуссии, а Гермиона размышляла, не слишком ли она стара, чтобы работать с мэтрами, в противоположность идиотам.

— Значит, нужно лицензировать Переходники. Долгая Земля — это, конечно, сточная труба в экономическом отношении, но штраф

за использование Переходников принесет хоть какой-то доход!

— Не говорите глупостей, — премьер-министр откинулся на спинку кресла. — Вы серьезно? Мы не можем запретить переходы только потому, что не в состоянии их контролировать.

Министр здравоохранения и безопасности, казалось, испугался.

— А я не понимаю, почему нельзя. Раньше нас это не останавливало.

Премьер-министр постучал ручкой по столу.

— Центральные районы пустеют. Экономика в упадке. Разумеется, есть и светлая сторона: эмиграция перестала быть проблемой... — Он засмеялся, но тут же приуныл, и в его голосе, как показалось Гермione, зазвучало отчаяние. — Знаете, господа, ученые говорят, что параллельных миров может быть больше, чем людей на Земле. Какую политику мы изберем, зная *это*?

Хватит.

Гермиона вдруг поняла, что чаша переполнилась.

Хотя шумный, нелепый и бессмысленный разговор продолжался, она, с тонкой улыбкой на губах, набросала пару строк безупречной питмановской скорописью, положила блокнот на стол и, получив кивок одобрения от премьер-министра, встала и покинула кабинет. Возможно, никто даже не заметил ее ухода. Оказавшись на Даунинг-стрит, она перешла в параллельный Лондон, который кишел охраной. Но за несколько лет Гермione настолько примелькалась,

что полицейские проверили у нее документы и пропустили.

Она перешла еще раз. И еще, и еще...

Впоследствии, когда Гермiony Доуз хватились, один из секретарей расшифровал оставленную записку с деликатными росчерками и изящными изгибами.

— Похоже на стихи, сэр. Или на песню. Что-то о людях, которые критикуют то, чего не в силах понять. — Она взглянула на премьер-министра. — Что это значит, сэр? Сэр? Вы в порядке, сэр?

— Вы замужем, мисс... извините, не знаю, как вас зовут.

— Каролина, сэр. У меня есть парень. Очень надежный, хозяйственный. Я могу вызвать врача, если надо.

— Нет-нет. Просто все мы чертовски не соответствуем ситуации, Каролина. Правительственные дела — просто нелепый фарс. Мы вообразили, что властвуем над своими судьбами. На вашем месте, Каролина, я бы немедленно вышел замуж за этого надежного хозяйственного парня, если вы действительно так считаете, и убрался в другой мир. Куда угодно...

Он плюхнулся в кресло и закрыл глаза.

— Господи, помоги Англии и всем нам.

Каролина не знала, спит он или бодрствует. Наконец она выскользнула за дверь, прихватив забытый блокнот Гермiony.

ГЛАВА 11

Через неделю после разговора с Кличи коллеги Моники начали называть ее Зловещей Янсон.

А через месяц Зловещую Янсон послали в Приют — «домой», как выражался Джошуа. Это был убогий перестроенный многоквартирный дом на Союзном проезде, в одном из самых неприятных районов Мэдисона. Но она сразу поняла, что Приют хорошо содержат. Там она вновь негласно встретила с четырнадцатилетним Джошуа Валиенте. Янсон поклялась, что, если Джошуа ей поможет, люди будут смотреть на него не как на проблему, а как на человека, который способен найти ответ. Ну... вроде как на Бэтмена.

Вот во что спустя несколько лет после Дня перехода превратилась молодая жизнь Джошуа.

— Вам теперь, наверное, кажется, что это случилось давным-давно, — ровным голосом сказала Селена, вместе с Джошуа углубляясь в недра Трансземного института.

Он не ответил.

— Значит, вы стали героем. У вас есть плащ супермена? — не унималась Селена.

Джошуа не любил сарказм.

— Только дождевик.

— Я пошутила вообще-то.

— Я понял.

Еще одна запретная дверь распахнулась перед ними, открылся очередной коридор.

— По сравнению с нами Форт-Нокс похож на дуршлаг, правда? — почувствовав неловкость, спросила Селена.

— Форт-Нокс сейчас и есть дуршлаг, — ответил Джошуа. — Просто удивительно, что оттуда еще не выносят золотые слитки.

Селена фыркнула.

— Я просто сравнила, Джошуа.

— Да. Я понял.

Она замолчала. Повисшая пауза ее раздосадовала, особенно в связи с тем, что она на самом деле пыталась сказать: что последовательные миры до сих пор пугали. Но, кажется, Джошуа ничего не боялся. Селена заставила себя улыбнуться.

— Здесь я вас оставляю. По крайней мере, пока что. Мне не разрешено подходить слишком близко к Лобсангу. Это можно лишь немногим. Я знаю, Лобсанг хочет обсудить один проблемный отчет по итогам вашего недавнего путешествия в отдаленные последовательные миры.

Она, конечно, пыталась что-нибудь вывести. Джошуа подумал, что нашел рычаг, которым надеялся воспользоваться Лобсанг, чтобы завербовать его.

Он ничего не сказал, и Селена не добилась никакой реакции.

Она вежливо провела Джошуа в комнату.

— Приятно было познакомиться лично.

Он ответил:

— Желаю вам такого рейтинга, о каком вы сами мечтаете, Селена.

Она застыла перед закрывающейся дверью и была готова поклясться, что бесстрастное лицо Джошуа расплылось в улыбке.

Внутренние покои этой внушительной цитадели напоминали кабинет джентльмена эдвардианской эпохи, вплоть до камина, в котором потрескивало полено. Огонь, Впрочем, был настоящим и даже не вполне убедительным, с точки зрения Джошуа, который каждую ночь, которую проводил в лесу, разводил настоящий костер.

— Добрый день, Джошуа, — произнес голос из ниоткуда. — Жаль, что вы меня не видите, но дело в том, что видеть действительно практически нечего. А то, что есть, созерцать, к сожалению, неинтересно.

Джошуа сел в кресло. Некоторое время стояла тишина. Почти дружеская. Рядом потрескивал искусственный огонь. Если прислушаться, можно было различить определенную последовательность, которая повторялась каждую секунду.

Голос Лобсанга успокаивающе произнес:

— Кажется, я уделил этому недостаточно внимания. Да, я имею в виду огонь. Не волнуйтесь, Джошуа, я не читаю мысли. Пока что. Но вы каждые несколько секунд поглядываете на камин и беззвучно шевелите губами, когда считаете. Интересно. Никто до сих пор не замечал несовершенство камина. Но вы, Джошуа, конечно, заметили. Вы наблюдаете, слушаете,

анализируете и в своем вместилищем черепе проигрываете все варианты развития текущей ситуации, какие только в силах представить. Один английский политик некогда сказал, что, если он получит пинка под зад, на его лице не дрогнет ни один мускул, пока он не решит, как быть. Ваша наблюдательность — свойство, которое делает вас весьма полезным. И вы к тому же не боитесь, не так ли? Я не замечаю никаких признаков страха. Наверное, потому, что из всех людей, бывавших в этой комнате, вы — единственный, кто знает, что может уйти в любой момент. Почему? Потому что вы умеете переходить без прибора — да, да, я знаю. И от тошноты вы тоже не страдаете.

Джошуа не проглотил наживку.

— Селена сказала, вы хотите что-то со мной обсудить. Насчет правительственного отчета.

— Да. Экспедиция. У вас ведь были неприятности, если не ошибаюсь, Джошуа?

— Слушайте... Здесь нас только двое, правда? И, если подумать, нет никакой необходимости раз за разом напоминать мне, как меня зовут. Я знаю, зачем вы это делаете. Вы показываете, кто тут главный, — доминантные личности были вечным пугалом для Джошуа. — Я, возможно, не слишком умен, Лобсанг, но необязательно быть гением, чтобы понять правила!

Некоторое время стояла тишина, не считая ритмичного потрескивания фальшивого огня. Потом уже Джошуа понял, что если в разговоре с Лобсангом возникала пауза, то намеренно: тактовая частота, с которой работал Лобсанг,

позволяла ему ответить на любой вопрос через долю секунды, причем с тем же успехом, как после многолетнего размышления.

— Знаете, мы с вами мыслим сходно, друг мой, — произнес Лобсанг.

— Давайте пока что будем считаться знакомыми.

Лобсанг засмеялся.

— Конечно. Принимаю поправку и не буду стоять на своем. Или, точнее, бестелесно витать на своем. Но я хотел бы стать вашим другом. Потому что, абстрактно говоря, в любой возможной ситуации мы оба, кажется, пытаемся выяснить, каковы, в конце концов, правила. Я не сомневаюсь, что вы необычайно ценная личность. Вы достаточно умны, Джошуа, иначе не выжили бы в одиночку на Долгой Земле. Да, разумеется, есть люди и поумнее вас, они просиживают штаны в университетах и не усваивают почти ничего. Но умный обязан идти не только вдаль, но и вглубь. Одни умники скользят по поверхности. А у других жернова движутся медленно, как десница Господа Бога, и мелют до зернышка. Когда они докапываются до ответа, то не забывают его проверить. Вот как обстоит дело с вами, Джошуа. — Лобсанг вновь засмеялся. — Кстати говоря, мой смех не диктофонная запись. Каждый раз он уникален и порожден моментом, а потому явно отличается в разных ситуациях. Я рассмеялся просто так. Я ведь был человеком. И остаюсь им. Джошуа, давайте узнаем друг друга поближе. Я хочу помочь вам. И, разумеется, хочу, чтобы вы помогли мне. На мой

взгляд, никто лучше вас не подходит для того, чтобы отправиться со мной в экспедицию, которую я планирую и которая предполагает очень дальние переходы. Думаю, вы оцените идею. Вам ведь хорошо вдали от безумной толпы, Джошуа, не так ли?

— Роман Томаса Гарди называется «Вдали от обезумевшей толпы».

— Ну да, конечно. Но я решил допустить маленькую оговорку, чтобы не выглядеть всезнайкой.

Джошуа раздражало столь неуклюжее совращение.

— Лобсанг, каким образом вы вознамерились мне помочь?

— Я знаю: то, что случилось с правительственной экспедицией, — не ваша вина. И я могу это доказать.

Ага, теперь они заговорили серьезно.

— А, те уроды, — сказал Джошуа.

— Да, да, уроды, — подтвердил Лобсанг, — именно так вы их и называли во время предварительного расследования. Неизвестная разновидность приматов, похожих на чрезвычайно отталкивающих плотоядных бабуинов. Но подозреваю, что Линнеевское общество не одобрит вашего определения. «Уроды»!

— Я никого не убивал. Да, я предпочитаю обходиться без людей. Но у меня нет причин кого-либо убивать. Вы читали отчет? Эти уро...

— Давайте будем говорить «бабуины», Джошуа, пожалуйста. Исключительно для протокола.

Это был платный контракт, сделка, которую устроила его старая знакомая, офицер Янсон... «Ты растешь, а я старею, Джошуа, — сказала она. — Я принесла тебе правительственное задание. Будешь чем-то вроде телохранителя и проводника...»

Экспедиция намеревалась отправиться на запад, в дальние миры. Она состояла из ученых, юристов и одного конгрессмена, а также отряда солдат. Все закончилось кровавой бойней.

Ученые собирали информацию. Юристы фотографировали конгрессмена, который шагал из одного мира в другой, зримо предъявляя права на последовательные Америки и символически утверждая власть Базового федерального правительства. Солдаты жаловались на еду и стертые ноги. Джошуа охотно помогал путешественникам, отрабатывая полученные деньги, но в то же время не терял благоразумия и не щеголял умением переходить без прибора и без неприятных последствий. Поэтому он прихватил с собой смесь из кислого молока и мелко нарезанных фруктов, которая могла сойти за рвоту — неизменный эффект перехода. В конце концов, кто стал бы рассматривать вблизи?

Все шло хорошо. Они ворчали, ссорились и жаловались на протяжении двух тысяч миров, и после каждого перехода Джошуа имитировал тошноту, разбрызгивая поддельную блевотину. А потом на экспедицию напали.

Обезьяны вроде бабуинов, но умнее и злее. «Супербабуины», как называли их ученые. А Джошуа, наблюдая за мелькающими вдалеке розо-

выми задницами, когда обезьяны бросились наутек, подумал «уроды».

В любом случае такова была его версия случившегося. Проблема заключалась в том, что не осталось свидетелей, способных ее подтвердить. Трагедия произошла слишком далеко, чтобы послать туда следственную комиссию.

— Эти твари спланировали атаку! Они не тронули меня, после того как я уложил двоих из них, но перебили солдат, а ученые вообще не умели защищаться!

— И вы оставили трупы бабуинам?

— Знаете, трудно копать могилу, держа одной рукой деревянную лопату, а другой — пластмассовый пистолет. Я сжег лагерь и свалил оттуда.

— Я подумал, что уклончивый вердикт следствия довольно-таки несправедлив по отношению к вам. Он открывает путь сомнениям. Запомните, Джошуа: я могу подтвердить правдивость ваших слов. Доказать, что примерно в километре от лагеря у водопоя есть черный валун, как вы и сказали, и за ним по-прежнему лежат останки крупного самца, которого вы застрелили. К счастью, валун состоит из низкосортного угля.

— Откуда вы знаете?

— Я прошел по вашим следам. Отчеты, которые вы привезли, были весьма точны. И я там побывал, Джошуа.

— Вы туда ходили? Когда?

— Вчера.

— Вы туда ходили вчера?

Лобсанг терпеливо повторил:

— Я отправился туда и вернулся вчера.

— Невозможно! Нельзя переходить так быстро!

— Так вам кажется, Джошуа. Но в свое время вы поймете. Вы действительно попытались забросать трупы камнями и сделать нечто вроде надгробия, как и сказали во время следствия. Я принес фотографии в качестве доказательства. Доказательства ваших слов. Понимаете? Более того, я реконструировал случившееся. Исследовал феромонные следы, проверил угол огня, положение тел. Разумеется, я взял образцы ДНК. И даже прихватил череп животного — и пулю, которая его убила. Все соответствует вашим показаниям. Солдаты не сумели оказать должного сопротивления, когда уроды-бабуины напали на экспедицию, я прав? «Супербабуины» — маньяки по меркам животного мира. Они невероятно агрессивны. Но я сомневаюсь, что они атаковали бы вас, если бы один рядовой не запаниковал и не выстрелил первым.

Джошуа вздрогнул от смущения.

— Если вы все это выяснили, то наверняка знаете, что я наложил в штаны во время перестрелки.

— И что, вы должны теперь упасть в моем мнении? Кстати, для животных нормально в угрожающей ситуации сбросить балласт. Примером тому служат поля сражений и любая парящая в воздухе певчая птица. Но вы вернулись, нанесли одному из супербабуинов рану в голову и преследовали остальных, пока не застрелили вожака. Вы вернулись, и это многое извиняет.

Джошуа ненадолго задумался.

— Так. Я понимаю. Вы можете меня обелить. Но зачем я вам вообще понадобился?

— Мы долго спорили. Вы нужны нам по той же причине, по какой Янсон сразу же порекомендовала вас для экспедиции Поппера. Знаете, что такое синдром Дэниэла Буна, Джошуа? Очень редкая штука. Вы не нуждаетесь в людях. Вы любите людей, по крайней мере некоторых, но их отсутствие вас не пугает. И там, куда мы направимся, это качество найдет себе применение. Я сомневаюсь, что по пути мы встретим изобилие человеческих существ. Ваша помощь нужна мне именно потому, что вы способны сосредоточиться, вас не отвлекает необычайное безлюдье Долгой Земли. Офицер Янсон с самого начала поняла, что ваш уникальный талант — способность переходить без посторонней помощи, а главное, быстро оправляться после каждого перехода — может быть полезен, если случатся неприятности. А они, несомненно, случатся. Если вы согласитесь меня сопровождать, то получите щедрую награду, соответствующую вашим нуждам. В том числе официальный отчет о гибели правительственной экспедиции, полностью обеляющий вас. Власти получат его на следующий день после нашего отбытия.

— Я стою стольких забот?

Лобсанг вновь рассмеялся.

— Джошуа, что такое стоимость? И что такое ценность в наши дни, когда золото ценят исключительно за блеск, потому что каждый может открыть персональную золотую шахту?

Что такое собственность? Физические характеристики Долгой Земли позволяют каждому, при желании, обладать целым миром. Настала новая эпоха, Джошуа, а значит, будут новые ценности и новые приоритеты — любовь, сотрудничество, доверие. И превыше всего, о да, дружба Лобсанга. Послушайте, Джошуа Валиенте. Я намереваюсь дойти до края света — точнее, до края Долгой Земли. И я хочу, чтобы вы отправились со мной. Вы согласны?

Джошуа сидел и смотрел в никуда.

— Знаете, теперь потрескивание огня звучит совершенно естественно.

— Да. Исправить было несложно. Я подумал, что тогда вы немного расслабитесь.

— Значит, если я соглашусь, вы аннулируете отчет следственной комиссии?

— Да, разумеется. Обещаю.

— А если я откажусь, что тогда?

— Я все равно разберусь с отчетом. На мой взгляд, вы сделали все, что могли, и гибель экспедиции — определенно не ваша вина. Доказательства будут представлены экспертам.

Джошуа встал.

— Правильный ответ.

Вечером Джошуа сидел за компьютером в Приюте и читал о Лобсанге.

Считалось, что Лобсанг существовал в высокоплотном запоминающем устройстве с возможностью быстрого доступа, где-то в Массачусетском технологическом университете, а стало

быть, совершенно за пределами Трансземного института. Прочтя это, Джошуа ощутил уверенность в том, что существо, обитающее в снабженном мощными кулерами ящике, — не Лобсанг, во всяком случае, не *весь* Лобсанг. При своем уме — несомненном уме — он просто обязан был распространиться *повсюду*. Отличное средство против кнопки «выкл.». Лобсанг наверняка создал себе положение, при котором никто не мог им командовать, даже всесильный Дуглас Блэк. «Он знает правила», — подумал Джошуа.

Он выключил компьютер. Еще одно правило: сестра Агнес свято верила, что оставленные включенными компьютеры рано или поздно взрываются. Джошуа в молчании откинулся на спинку стула и задумался.

Лобсанг — человек или искусственный интеллект, подражающий человеку? Он напоминал смайлик — две точки и улыбка, вот и человеческое лицо. Что минимально нужно, чтобы *увидеть* перед собой человека? Что он должен сказать, над чем посмеяться? В конце концов, люди созданы из глины — ну, в переносном смысле, хотя Джошуа плохо понимал метафоры, считая их чем-то вроде фокуса. Надо признать, Лобсанг и в самом деле хорошо угадывал мысли Джошуа, как мог бы угадывать восприимчивый человек. Возможно, единственная разница между умной симуляцией и живым человеком — это шум, который они издают при ударе...

Но... край Долгой Земли?

Существовал ли он? Говорили, что параллельные земли представляют собой круг, потому

что с помощью Переходника можно было идти либо на восток, либо на запад. И поэтому люди считали, что восток однажды встретится с западом! Но никто не знал наверняка. Никто не знал, отчего вообще появились последовательные миры. А вдруг настало время выяснить?

Джошуа посмотрел на последний Переходник, который только что собрал. Там был двухполюсный, двухпозиционный переключатель, который он заказал в Интернете. Коробочка лежала на столе — красно-серебряная, очень профессионального вида, в отличие от первого Переходника, для которого Джошуа использовал переключатель, снятый со старого подъемника. Он всегда брал с собой Переходник, потому что до него дошло: раз он не знает, каким образом переходит, неразумно отказываться от прибора. Способность, которая появилась внезапно и необъяснимо, может столь же легко исчезнуть. И потом, Переходник служил прикрытием. Джошуа не хотел выделяться из толпы путешественников.

Повертев коробку в руках, Джошуа задумался: знает ли Лобсанг, какая самая интересная часть конструкции? Он понял это в День перехода; честно говоря, ответ был очевиден. Странная маленькая подробность, которой никто как будто не придавал особого значения. Но офицер Янсон замечала такие подробности. Наверное, потому, что привыкла следовать инструкциям. Переходник работал лишь в том случае, если человек собрал его сам или, по крайней мере, завершил сборку.

Джошуа побарабанил пальцами по коробке. Он мог отправиться с Лобсангом — а мог остаться. Джошуа было двадцать восемь, разрешения спрашивать он не собирался. И на нем действительно висел проклятый отчет.

И Джошуа всегда нравилось быть вне досягаемости.

Несмотря на обещание, которое дала ему Янсон много лет назад, пару раз плохие парни пытались его достать. Вскоре после Дня перехода какие-то люди со значками вошли в Приют и попытались забрать Джошуа с собой, но сестра Агнес уложила одного из них монтировкой, а потом приехали копы, в том числе офицер Янсон. В дело вмешался мэр, и оказалось, что среди ребят, которых выручил Джошуа в День перехода, был его сын. В результате три неизвестных черных автомобиля спешно укатали из города. И тогда установили правило: всякий желающий поговорить с Джошуа должен сначала увидеться с офицером Янсон. Мэр сказал: Джошуа не представляет собой проблемы. Проблему представляют преступность, побеги из тюрем и падающий уровень безопасности. Городскому совету объяснили, что Джошуа, возможно, странноват, но в то же время обладает чудесным даром; офицер Янсон засвидетельствовала, что он уже оказал неоценимую услугу Мэдисонскому полицейскому департаменту. Такова была официальная позиция.

Но не всегда она приносила утешение самому Джошуа, который терпеть не мог, когда на него глазели. Все возрастающее число людей знало,

что он от них отличается, и не важно, считали они Джошуа проблемой или нет.

В последнее время он уходил один, глубже и глубже удаляясь в последовательные миры и оставляя далеко позади форты в духе Робинзона Крузо, которые строил подростком. Джошуа забирался в такие отдаленные места, где не нужно было беспокоиться о всяких психах — даже психах со значками и ордерами. Если они и появлялись, он шел дальше; когда они переставали блевать, Джошуа уже отделяла от них сотня миров. Хотя иногда он возвращался и связывал им шнурки, пока они выворачивались наизнанку. Время от времени нужно как-то развлекаться. Путешествия становились все более и более дальними и долгими. Джошуа называл их «творческий отпуск». Он нашел способ уйти от толпы и избавиться от неприятного давления в голове, которое он чувствовал, находясь на Базовой Земле и даже на Ближних Землях. Давление, которое мешало слушать Тишину.

Да, он был странным. Но сестры сказали, что странен весь мир. Сестра Джорджина так и объяснила, с вежливым английским акцентом. «Возможно, Джошуа, ты просто слегка опередил человечество. Думаю, ты чувствуешь себя, как первый *Homo sapiens*, когда смотришь на наши Переходники и на то, как нас тошнит. Наверное, *Homo sapiens* гадал, отчего остальным с таким трудом удастся произнести подряд два звука». Но Джошуа сам не знал, нравится ли ему отличаться от остальных, даже если непохожесть была связана с превосходством.

И все-таки сестру Джорджину он любил почти так же, как сестру Агнес. Сестра Джорджина цитировала Китса, Вордсворта и Ральфа Уолдо Эмерсона. Она училась в Кембридже — «не в том Кембридже, который в Массачусетсе, а в настоящем, который в Англии». Иногда Джошуа приходило в голову, что сестры, заправлявшие Приютом, совсем не похожи на монахинь, которых он видел по телевизору. Когда он спросил об этом у сестры Джорджины, она засмеялась и сказала: «Наверное, потому, что мы такие же, как ты, Джошуа. Мы здесь потому, что больше никуда не вписываемся». Он понял, что будет скучать по ним, когда отправится в путь с Лобсангом.

Отчего-то ответ пришел сам собой.

ГЛАВА 12

Через неделю после разговора в Трансземном институте сестра Агнес отвезла Джошуа в региональный аэропорт округа Дейн на своем «Харлее». Редкая честь. Он на всю жизнь запомнил, как по прибытии она сказала, что Бог, видимо, хотел, чтобы Джошуа успел на самолет. Каждый светофор по пути зажигался зеленым, как только она собиралась тормозить (насколько сестра Агнес вообще была склонна тормозить). Джошуа, впрочем, заподозрил, что ответственные за это подпрограммы Лобсанга, а отнюдь не воля Божья.

Джошуа бывал на бесчисленных Землях, но никогда раньше не летал на самолете. Сестра Аг-

нес, хорошо знакомая с процедурой, проводила Джошуа до самой стойки регистрации. Щелкнув нужной кнопкой, дежурный вдруг притих и взял телефон; Джошуа начал сознавать, что значит быть другом Лобсанга, когда его поспешно отделили от пассажирской очереди и повели по коридорам — вежливо, словно политика, прибывшего из какой-нибудь страны, которая владеет ядерным оружием и склонна относиться безалаберно к технике безопасности.

Джошуа провели в комнату с баром длиной с прилавков в закусочной. Зрелище впечатляло, но Джошуа пил редко и предпочел бы гамбургер. Когда он полушутя упомянул об этом молодому человеку, который нервно пританцовывал рядом, то через пару минут получил отличный гамбургер, до отказа набитый всякой всячиной, за которой котлета едва виднелась. Джошуа еще переваривал угощение, когда молодой человек появился рядом и проводил гостя в самолет.

Его место находилось сразу же за кабиной экипажа, отделенное от салона бархатной занавеской. Никто не спросил паспорт, которого у Джошуа в любом случае не было. Никто не удосужился проверить, не спрятал ли он в ботинке взрывчатку. И никто во время рейса не заговаривал с ним. Джошуа безмятежно просматривал сводку новостей.

В аэропорту Чикаго его пересадили в другой, удивительно маленький, самолет, ожидавший в стороне от основного терминала. Внутри все, что не было обито кожей, покрывали ковры, а остальное заслоняла ослепительная улыбка

молодой особы, которая, когда Джошуа сел, вручила ему колу и телефон. Джошуа задвинул свою небольшую сумку под переднее сиденье, чтобы не терять ее из виду. Потом включил мобильник.

Лобсанг позвонил немедленно.

— Приятно знать, что вы уже на борту, Джошуа. Как вам поездка? Сегодня самолет в вашем распоряжении. Позади вас спальня, которая, как мне сказали, чрезвычайно удобна. И не стесняйтесь пользоваться ванной.

— Полет будет долгим?

— Увидимся в Сибири, Джошуа. Засекреченный объект. Вы понимаете?

— Объект, который не высвечивается на радарх...

«И там, — подумал Джошуа, — они строят — что?..»

— Правильно. Неужели я раньше не упоминал про Сибирь?

Послышался шум моторов.

— Кстати, за штурвалом сидит не робот. Люди, насколько я понимаю, предпочитают видеть за приборной доской живого человека в форме. Но не пугайтесь. На самом деле полет контролирую я.

Джошуа откинулся на спинку роскошного кресла и разложил мысли по полочкам. Он подумал: Лобсанг настоящий эгоист, как сказали бы сестры. Но, возможно, Лобсанг просто занимал слишком много места — чем и заполнить такой объем, как не собой. Джошуа, некоторым образом, был окутан Лобсангом. Он не особенно

разбирался в компьютерах и в фантастической электронной цивилизации машин. В параллельных мирах не существовало мобильной связи, поэтому рассчитывать приходилось только на себя — на то, что ты знал и умел. При помощи отличного ножа из закаленного стекла Джошуа выживал в любых обстоятельствах. И ему нравилось так жить. Не исключено, что по этому поводу предстояли некоторые трения с Лобсангом — во всяком случае, с той частью Лобсанга, которая отправлялась в путь.

Самолет взлетел, производя не больше шума, чем швейная машинка сестры Агнес, стоявшая в соседней комнате. Во время полета Джошуа смотрел первую серию «Звездных войн», потягивал джин с тоником и наслаждался детскими воспоминаниями. Потом он принял душ, не из необходимости, а из интереса, и улегся на огромную кровать. Юная особа последовала за ним и несколько раз спросила, не хочет ли он еще чего-нибудь. Кажется, она была разочарована, когда Джошуа попросил всего лишь стакан теплого молока.

Некоторое время спустя он проснулся и обнаружил, что стюардесса пытается его пристегнуть. Он оттолкнул ее — Джошуа ненавидел любые ограничения. Девушка спорила с вежливой непреклонностью, как положено стюардессе, пока не зазвонил телефон. Ответив на звонок, она сказала:

— Прошу прощения, сэр. Насколько я понимаю, правила безопасности временно отменяются.

Он ожидал, что Сибирь будет плоской, ветреной, холодной. Но там было лето, и самолет спускался среди невысоких холмов, покрытых темной травой, среди которой цветы и бабочки казались брызгами яркой краски — красной, желтой, синей. Сибирь поразила Джошуа неожиданной красотой.

Самолет буквально поцеловал посадочную полосу.

Зазвонил мобильник.

— Добро пожаловать в Никуда, Джошуа. Надеюсь, вы и впредь будете летать рейсами Несуществующей авиакомпании. В шкафу за дверью вы найдете термобелье и подходящую верхнюю одежду.

Джошуа, покраснев, отказался, когда стюардесса предложила ему помощь в натягивании термобелья. Тем не менее он не отказался от лишней пары рук, надевая объемную верхнюю одежду, в которой, по ощущениям, походил на рекламный пончик — но она оказалась удивительно легкой.

Он спустился по трапу и увидел группу людей, одетых точно так же. Во влажном воздухе Джошуа немедленно вспотел. Один из мужчин, ухмыльнувшись, воскликнул «На Запад!» с отчетливым бостонским акцентом, нажал переключатель на коробочке, пристегнутой к поясу, и исчез. Вслед за ним стали пропадать и остальные.

Джошуа перешел на Запад и оказался почти в точно таком же месте, с той разницей, что там мела метель. Он понял, зачем понадобилась зимняя одежда. Неподалеку стояла хижина, и бо-

стонец манил его, стоя за полуоткрытой дверью. Хижина походила на гостевые домики — приюты для путешественников, ставшие распространенными в последовательных мирах. Они были сугубо утилитарны — укрыться от ветра, проблеваться и подождать относительного улучшения, прежде чем двинуться дальше.

Бостонец, которого явно мучило, закрыл за Джошуа дверь.

— Вы ведь и есть он, да? Хорошо себя чувствуете? Меня самого почти не тошнит, но... — он махнул рукой.

Джошуа посмотрел в дальний угол, где вниз лицом на краю узкой постели лежали двое, и у каждого под головой стояло ведро. Запах был очень красноречив.

— Если вы в порядке, тогда двигайтесь дальше. Вы здесь желанный гость. Необязательно нас дожидаться. Нужно сделать еще три перехода на Запад. На каждом будет пункт отдыха — но, полагаю, они вам не потребуются. И... вы это правда умеете? В смысле, как вы это делаете?

Джошуа пожал плечами.

— Не знаю. Дар, наверное.

Бостонец открыл дверь.

— Эй, прежде чем вы пойдете... у нас тут есть поговорка: осторожней, когда ступаешь в степь.

Когда Джошуа безуспешно попытался выдать смешок, бостонец виновато произнес:

— Сами понимаете, мы редко принимаем гостей. Удачи, приятель.

Три перехода — и Джошуа оказался под дождем. Невдалеке стояла очередная хижина,

а рядом еще двое сотрудников, в том числе женщина. Она пожала Джошуа руку.

— Рада вас видеть.

Она говорила с сильным русским акцентом.

— Как вам нравится наша погода? В здешней Сибири на два градуса теплее, никто не знает почему. Я должна дожидаться остальных, а вы идите по дороге из желтого кирпича.

Она показала на вереницу оранжевых маркеров на палках.

— Так ближе всего на стройку.

— На стройку? Что там строят?

— Поверьте, вы мимо не пройдете.

Он и не прошел. Целые акры леса были вырублены, а над голой землей витало нечто, с первого взгляда похожее на парящий в воздухе дом. Парящий, да; сквозь пелену дождя Джошуа разглядел отходящие к земле тросы. Настоящий летающий кит. Частично надутая оболочка представляла собой мешок из какого-то сверхпрочного волокна, украшенный логотипами Трансземного института, а внизу висела гондола, совершенно в стиле ар-деко, с несколькими палубами, сплошь из полированного дерева и зеркального стекла.

Воздушный корабль!

Пока Джошуа стоял и смотрел, к нему заспешил человек, размахивая телефоном.

— Вы Джошуа?

Акцент у него был европейский, возможно — бельгийский.

— Приятно познакомиться. Очень рад. Идите за мной. Давайте я понесу вещи.

Джошуа выдернул сумку так быстро, что, должно быть, обжег непрошеному помощнику ладонь.

Мужчина отступил на шаг.

— Простите, простите. Если хотите, оставьте вещи при себе; в отношении вас правила безопасности не действуют. Пойдемте.

Джошуа зашагал вслед за ним по раскисшей земле, под бесформенную оболочку. Гондола, имевшая форму корпуса деревянного корабля, была привязана к подъемному крану, скорее всего сделанному из добытого на месте железа, с открытой кабиной лифта внизу. Его проводник осторожно забрался внутрь и, как только Джошуа присоединился к нему, нажал на кнопку.

После короткого подъема они, пройдя через люк в брюхе гондолы, укрылись от дождя. Джошуа оказался в маленьком помещении, где насыщенно пахло полированным деревом. Там были окна или, скорее, иллюминаторы, но сейчас за ними виднелись только полосы дождя.

— Хотел бы я отправиться с вами, молодой человек, — бодро объявил бельгиец. — Полететь куда-нибудь на этой штуке... нам-то, конечно, не нужно знать куда. Если будет время, оцените, как она устроена. Никакого железа, разумеется, алюминиевый корпус... вот так. Мы все ею гордимся. Приятного путешествия, наслаждайтесь!

Он зашел в лифт, и кабина исчезла из виду. Крышка люка скользнула на место, закрыв отверстие в полированном полу.

Зазвучал голос Лобсанга:

— Еще раз приветствую вас на борту, Джошуа. Ужасная погода, да? Ничего страшного, скоро мы поднимемся над облаками, а точнее сказать, просто улетим от дождя.

Джошуа ощутил рывок, и пол качнулся.

— Нас отцепили от взлетной площадки. Мы уже летим?

— Ну, вас бы не привели сюда, если бы корабль не был готов к отлету. Внизу как раз уничтожают лагерь, после чего сюда упадет уменьшенная версия Тунгусского метеорита.

— Я так понимаю, в целях безопасности.

— Конечно. Что касается рабочих, это пестрая компания — русские, американцы, европейцы, китайцы. И среди них нет людей, склонных общаться с представителями властей. Умные ребята, которые работали уже на многих объектах. Очень полезные и похвально забывчивые.

— Чей это был самолет?

— А, вам понравилось? «Лир» принадлежит акционерной компании, которая время от времени сдает его одной рок-звезде. Сегодня звезда страдает, что самолет на техосмотре и потому недоступен. Но скоро она утешится, узнав, что ее последний альбом поднялся в хит-параде на две строчки. Возможности Лобсанга велики. Итак, мы отправляемся...

Внутренняя дверь бесшумно открылась, и Джошуа увидел коридор с деревянными панелями и неяркими лампами, ведущий к синей двери в дальнем конце.

— Добро пожаловать на «Марк Твен». Чувствуйте себя как дома. В этом коридоре вы най-

дете шесть совершенно одинаковых кают; выберите любую. Верхнюю одежду можно снять. Также обратите внимание на синюю дверь. Она, в числе прочего, ведет в лабораторию и мастерскую. Такую дверь вы найдете на каждой палубе, и я попросил бы не заходить за нее без приглашения. Есть вопросы?

Джошуа переоделся в каюте, которую выбрал наугад, и пошел изучать «Марка Твена».

Огромная оболочка, колыхаясь от напора воздуха, была, судя по всему, снаружи покрыта фотогальванической пленкой, служившей источником энергии; увидел он и силовые установки — огромные, хрупкие на вид пропеллеры, которые могли поворачиваться и наклоняться. Гондола изнутри оказалась такой же шикарной, как и снаружи. Несколько палуб с каютами, рулевая рубка, наблюдательный пункт, салон с кухней, оборудованной не хуже, чем в первом классе ресторана, просторный зал, способный вместить пятьдесят обедающих, а еще — совсем уж невероятно — кинотеатр. И на каждой палубе — синяя дверь, закрытая и запертая.

Закончив осмотр, Джошуа начал понимать, в чем суть перехода на воздушном корабле — если только эта штука могла переходить, а он пока что не понимал, каким образом. Большой проблемой для путников были препятствия. Джошуа убедился во время самого первого путешествия на Долгую Землю, что некоторые препятствия просто невозможно обойти — например, дости-

гающий нескольких миль в высоту ледник, который покрывал Северную Америку в ледниковый период. Воздушный корабль был призван решить проблему — он попросту пролетал над такими преградами, как ледники и разлившиеся реки, делая путешествие гораздо более гладким.

Джошуа спросил у воздуха:

— Зачем он такой большой, Лобсанг?

— А почему бы нет? К чему прятаться? Я хочу, чтобы мое экспедиционное судно походило на китайские корабли-сокровищницы, которые вселили благоговейный ужас в души индейцев и арабов в пятнадцатом столетии.

— Да уж, ужас вы вселяете. И здесь нет никакого железа, я так понимаю?

— Боюсь, что так. Непроницаемость межмирового барьера для железа по-прежнему озадачивает даже ученых из корпорации Блэка. Много теорий, но мало практических результатов.

— Знаете, когда вы заговорили о путешествии, я решил, что мне придется вас нести.

— Нет-нет. Я встроен в системы корабля. Некоторым образом весь корабль — мое тело. Это я буду вас нести, Джошуа.

— Но переходить могут только разумные существа...

— Да. Я, как и вы, разумен.

И тогда Джошуа понял. Корабль и был Лобсангом или, по крайней мере, его телом; когда Лобсанг переходил, корабль переходил вместе с ним, точно так же как Джошуа «забирал» с собой тело и одежду. Вот каким образом они намеревались перемещаться между мирами.

Лобсанг источал самодовольство и похвалюбу.

— Разумеется, ничего бы не получилось, не будь я разумным существом. Вот вам еще одно доказательство, что у меня есть сознание, не правда ли? Технику я уже опробовал — как вы знаете, я отправился по следам вашей злополучной экспедиции. Просто невероятно, да?

Джошуа добрался до самого низа гондолы и вошел на наблюдательный пункт, который уже видел раньше, — в пузырь из закаленного стекла, откуда открывался потрясающий вид на иную Сибирь. Внизу простиралась строительная площадка, которая вторгалась щупальцами в лес — там были склады, домики для рабочих, взлетная полоса...

Джошуа задумался и начал понимать, какого рода прорыв задумал Лобсанг — если только корабль перейдет, как обещано. Никто до сих пор не нашел способа заставить какое-нибудь транспортное средство переходить из мира в мир, как это делали люди. Отсутствие транспорта препятствовало развитию любой торговли на Долгой Земле. В некоторых районах Ближнего Востока и даже в Техасе выстраивались цепочки, передававшие из рук в руки нефть в ведерках. Если Лобсанг действительно нашел решение, каким-то образом превратившись в корабль, — значит, он стал пионером путей сообщения и мир ждали большие перемены. Все миры. Неудивительно, что уровень безопасности был настолько высок. Если только у них получится. Разумеется, пока это эксперимент. Джошуа по-

плывет над Долгой Землей в чреве серебристого кита.

— Вы серьезно думаете, что я намерен рисковать жизнью, сидя на воздушном шаре?

— Более того. Если «шар» не выдержит испытания, вы доставите меня домой.

— Вы с ума сошли.

— Не исключено. Но у нас контракт.

Синяя дверь открылась, и, к огромному изумлению Джошуа, Лобсанг предстал перед ним во плоти — точнее, в образе ходячего манекена.

— И еще раз добро пожаловать! Я решил, что стоит принарядиться в честь первого путешествия.

Автомат был мужского пола, изящный, спортивного сложения, с внешностью кинозвезды и густыми черными волосами, в черном пиджаке. Он походил на восковое изображение Джеймса Бонда; когда он двигался — а главное, когда улыбался, — ощущение подделки не исчезало.

Джошуа уставился на Лобсанга, стараясь сдержать смех.

— Джошуа?

— Извините! Очень приятно увидеть вас лично...

Палуба завибрировала, когда включились моторы. Джошуа ощутил странный трепет при мысли о фантастическом путешествии, о котором мечтают мальчишки.

— Как по-вашему, что мы там найдем, Лобсанг? Я так думаю, если забраться достаточно далеко, можно встретить что угодно. Как насчет драконов?

— Полагаю, мы должны быть готовы к обнаружению различных форм жизни, способных существовать в имеющихся условиях, в пределах ограничений, налагаемых законами физики. Также следует помнить, что наша планета не всегда была такой мирной, как теперь. Все живые существа на Земле эволюционировали, в том числе с учетом силы тяжести, которая влияет на размеры и морфологию. Поэтому я скептически настроен по отношению к бронированным рептилиям, которые способны летать и извергать пламя...

— Звучит как-то уныло.

— Я не был бы человеком, если бы не признавал одного важного фактора, а именно, что я могу и ошибаться. И это добавляет интереса.

— В общем, посмотрим. Если ваш корабль перейдет.

Пластмассовое лицо Лобсанга расплылось в улыбке.

— На самом деле мы переходим уже целую минуту.

Джошуа повернулся к окну и убедился, что Лобсанг прав. Стройка исчезла; должно быть, за первые несколько шагов они миновали целый пласт известных миров, хотя слово «известный» звучало как ирония. Даже миры по соседству с Базовым были едва изучены; люди колонизировали Долгую Землю тонкими линиями, которые тянулись по планете. А в глуши лесов могло водиться что угодно... при том что Джошуа, несомненно, заходил в них дальше всех.

— С какой скоростью мы движемся?

— Вы будете приятно удивлены, Джошуа.

— Эта штука изменит мир.

— Знаю. До сих пор Долгую Землю исследовали пешком. Как в Средние века. Нет, даже хуже, ведь мы обходимся без лошадей. Каменный век! Но, конечно, люди упорно двигались вперед, начиная со Дня перехода. Они мечтали о новых границах, о богатствах новых миров...

ГЛАВА 13

Моника Янсон всегда хорошо понимала, что именно соблазн неизведанных богатств манил таких, как Джим Руссо, на Долгую Землю, чтобы снова и снова попытать удачи там, где закон порой казался лишь незначительным препятствием на пути амбиций.

Во время первого визита в «Портедж-Восток-3», спустя десять лет после Дня перехода, у Янсон, как только она оправилась после приступа дурноты, ушла всего пара минут, чтобы понять, отчего это место кажется таким знакомым. В новом Портедже стояли паровые лесопилки с трубами, извергавшими дым, и плавильни, откуда пахло раскаленным металлом. Она слышала возгласы рабочих, паровые гудки, мерный лязг кузнечных молотов. Общая картина напоминала романы-фэнтези, которые она читала в детстве. Впрочем, ни в одной книге не было рабочих бригад, которые взваливали на плечи двенадцатиметровые бревна, после чего исчезали. Но Янсон не сомневалась, что в этом конкретном мире скром-

ная так называемая Торговая Компания Долгой Земли превращала уголок последовательного Висконсина в стимпанковый тематический парк.

К ней подошел человек, который заправлял здешними делами.

— Сержант Янсон? Спасибо, что заглянули на мое маленькое предприятие.

Джим Руссо был ниже Янсон, в мятом сером костюме. Ухоженные волосы отливали подозрительно ярким каштановым оттенком, широкая улыбка то ли от природы, то ли с некоторой медицинской помощью лучилась нахальством. Янсон знала, что Руссо сорок пять лет и его трижды объявляли банкротом, но он всегда всплывал и наконец заложил собственный дом, чтобы наскрести денег на новую межмировую авантюру.

— Не за что меня благодарить, сэр, — сказала она. — Вы знаете, наша обязанность — расследовать жалобы.

— А, снова анонимное нытье от рабочих. Ну, это в порядке вещей.

Руссо повел ее по глинистой площадке, явно надеясь впечатлить масштабом деятельности.

— Хотя, пожалуй, я ожидал визита из портеджского полицейского управления. Это наше местное отделение.

— Ваш офис зарегистрирован в Мэдисоне.

Кроме прочего, к Зловещей Янсон часто обращались в серьезных случаях, связанных с проблемами на Долгой Земле в окрестностях Висконсина.

Они остановились, чтобы полюбоваться на очередную бригаду рабочих, которые поднимали чудовищно длинное бревно; десятник скомандовал «раз, два, три», и они перешли с легким хлопком.

— Сами видите, работа кипит, сержант Янсон, — сказал Руссо. — Начали мы, разумеется, с нуля. Только то, что могли принести с собой, и никаких железных инструментов. В первые дни кузницы были главным приоритетом после лесопилок. А теперь у нас поток высококачественного железа и стали, и скоро мы построим паровые комбайны и жатки. Тогда вы увидите, как мы врежемся в здешние леса, словно горячий нож в масло. Наша древесина отправляется на Базовую Землю, где ее ждут сотни грузовиков.

Он подвел Янсон к бревенчатой хижине без передней стенки, служившей своего рода выставочным залом.

— Мы осваиваем и другие области, помимо поставки сырья. Вот, посмотрите.

Руссо показал пистолет, отливавший бронзой.

— Никаких железных деталей. Идеально подходит для современных пионеров. Я знаю, что открытие Новой Земли стало причиной экономического спада, но надо просто подождать. Отток неквалифицированной рабочей силы и переизбыток ценных металлов — все это пройдет. Там, на Базовой Земле, Америка проделала путь от колониальной эпохи до высадки на Луну за несколько веков. Не понимаю, почему мы не можем повторить то же самое в любом количестве параллельных миров. Лично я в восторге.

Настала новая эра, сержант Янсон, и с такой продукцией я надеюсь оказаться в авангарде...

...как уже надеялись сотни и тысячи бедняков-предпринимателей. Большинство были мо-
ложе и умнее Руссо, их не угнетали предыдущие неудачи, которые в случае Руссо начались с комически наивной попытки искать золото в последовательной копии Саттеровой лесопилки. Типичная экономическая ошибка новой эры.

— Проблема в том, мистер Руссо, чтобы сбалансировать доход, который вы получаете, и давление, которое вы оказываете на ваших рабочих. Что скажете на это?

Он добродушно улыбнулся, готовый к этому вопросу.

— Я не строю пирамиды, мистер Янсон. И не подгоняю рабов кнутом.

Но, как понимала Янсон, Руссо создал отнюдь не благотворительное заведение. Рабочие, в основном молодые и необразованные, зачастую не имели никакого представления о том, что происходит на Долгой Земле, пока не отправлялись туда работать. Как только они понимали, что могут употребить свою силу для самих себя, они, как правило, начинали агитировать за то, чтобы присоединиться к одной из новых Компаний, отправиться в неведомые дали и основать колонию. А иногда, если до них доходило, что существует бесчисленное множество миров, которые не принадлежат джимам руссо, они просто удирали в бесконечное пространство. Многие шли и шли, питаясь тем, что удавалось добыть. Это называлось «синдром Долгой Земли». Поэтому на Руссо и жаловались. По слу-

хам, он привязывал рабочих к месту штрафными санкциями, чтобы пресечь бродяжничество, а если они сбегали, посылал вслед погоню.

Янсон вдруг посетило внезапное предчувствие, что Руссо снова потерпит крах, как уже бывало. И когда его предприятие начнет тонуть, он тем более будет склонен решать проблемы простейшим путем.

— Мистер Руссо, давайте обсудим конкретику жалоб. Мы где-нибудь можем поговорить наедине?

— Конечно.

Янсон знала, что на всех ближайших Землях, в параллельных мирах, которые за одну ночь превратились в потогонные мастерские, люди мечтали о бегстве и свободе. Ожидая кофе, она заметила листовку на подносе с письмами — всего лишь грубо отпечатанное на рыхлой бумаге объявление о создании очередной Компании, намеревающейся пуститься на Запад. Грезы о новых рубежах, даже здесь, в кабинете мелкого предпринимателя... Иногда Янсон, которой уже подступило под сорок, задумывалась, не сорваться ли ей самой в дорогу, оставив в прошлом Базовую Землю и гнусные ближние миры.

ГЛАВА 14

Мечты о Долгой Земле. Мечты о границах возможного. Да, через десять лет после Дня перехода Джек Грин это понял. Потому что его жена мечтала о новом мире, и Джек боялся раскола в семье.

«1 января. Мэдисон-Запад-5. Мы провели Рождество Рождество дома а сюда приехали погостить на Новый год но потом мы вернемся на Базовую чтобы чтобы опять пойти в школу. Меня зовут Хелен Грин. Мне одинаццать одиннадцать. Моя мама (доктор Тильда Лэнг Грин) говорит чтобы я вела днвник днивник в этой тетрадке которую мне на Рождество подарила тетя Мэрил. потомучто потому что здесь нет никакой эликтроники электроники эта штука не проверяет как я пишу с умма сойти!!!»

Джек Грин осторожно переворачивал страницы дневника, который походил на толстую книгу в мягкой обложке. Такой рыхлой была почти вся бумага, которую производили здесь, на «Западе-5». Он сидел один в комнате Хелен солнечным воскресным вечером. Хелен играла в мяч в Парковой зоне. Кейти тоже гуляла, и Джек даже не знал где. А Тильда внизу болтала с друзьями и коллегами, которым успела внушить мысль о том, что неплохо бы составить Компанию и двинуться на запад.

— ...империи расцветают и умирают. Посмотрите на Турцию. Когда-то это была великая страна, а теперь даже не верится...

— ...если человек из среднего класса, он смотрит налево и видит активистов, подрывающих традиционные американские ценности, а потом направо — и понимает, что фритрейдеры экспортируют его продукцию...

— ...мы верили в Америку. А теперь мы погрязли в болоте посредственности, тогда как Китай летит вперед на всех парах...

Голос Тильды:

— Теория божественного промысла, конечно, исторически сомнительна. Но невозможно отрицать ту роль, которую сыграл опыт фронта в становлении американского сознания. И теперь фронт открыт вновь, для нашего поколения и, возможно, для бесчисленных последующих...

Общий разговор превратился в сплошной гул, и Джек уловил приятный аромат. Настало время для кофе с печеньем.

Он вернулся к дневнику. Наконец-то он добрался до записи, где упоминался его сын. Джек читал, перескакивая через ошибки и зачеркивания.

«23 марта. Мы переехали в новый дом на Мэдисон-Запад-5. Летом тут будет клево. Мама и папа по очереди возвращаются потому что они работают на Базовой и получают деньги. Нам пришлось снова оставить Рода с тетей Мэрил потому что он фобек. (То есть фобик, человек, не умеющий переходить, — Джек не сразу разобрал, что написано.) И это очень грустно я плакала когда мы перешли а Род не плакал. Или он потом плакал когда мы ушли. Я напишу ему летом и схожу в гости. ЭТО ОЧЕНЬ ГРУСТНО, потому что летом тут клево, а Род не может прийти...»

— Эй, эй, — произнес голос жены. — Это личное.

Джек виновато повернулся.

— Знаю, знаю. Но мы переживаем большие перемены. Мне нужно знать, что творится в головах у детей. Думаю, сейчас личное должно слегка отступить.

Она пожала плечами.

— А я не согласна.

Жена принесла ему кофе — полную до краев кружку. А потом повернулась и встала у большого окна, лучшего в доме, с самым прямым стеклом, какое только удалось найти на местной стекольной фабрике. Они смотрели на «Мэдисон-Запад-5», по которому как раз начали растягиваться вечерние тени. Соломенно-светлые, коротко остриженные волосы жены сидели, изящный изгиб шеи отчетливо вырисовывался на фоне окна.

— Прекрасный день, — сказала она.

— И прекрасное место.

— Да, почти идеальное.

Почти идеальное. Под этой фразой скрывался медвежий капкан.

«Мэдисон-Запад-5» уютно раскинулся примерно в том же месте, что и его старший брат на Базовой Земле. Но здесь было красиво, светло и просторно — сюда перебралась лишь часть изначального населения Мэдисона. Да, большинство зданий выглядели неуклюже. Архитектурные стили, которые развивались в параллельных мирах, в основном отличались... весом. Сырые в этих девственных мирах ничего не стоило, а

потому и дома и мебель представляли собой различные вариации на тему бревна. Поэтому появлялись городские ратуши с толстыми, как у кафедрального собора, стенами, и потолочные балки, вырезанные лазерами из цельных деревьев. Но в «Мэдисон-5» было много электроники и прочих приятных мелочей, портативных, легко переносимых с Базовой Земли. Поэтому то и дело попадались бревенчатые хижины с крышами, покрытыми солнечными батареями.

Но никогда не удавалось забыть, что ты не на Земле — то есть не на Базовой. По периметру города тянулась целая система заборов и канав, призванных держать на расстоянии самых экзотических представителей дикой природы. Миграция стада колумбийских мамонтов однажды стала причиной спешной эвакуации из пригородов.

В первые годы после Дня перехода многие пары вроде Джека и Тильды, у которых была работа, дети и сбережения в банке, начали поглядывать на параллельные миры в надежде прикупить там небольшой участок в качестве игровой площадки для детей. Они быстро поняли, что «Мэдисон-Запад-1» — раб Базовой Земли, мешанина поспешно возведенных пристроек к домам и офисам. Поначалу Грины сняли небольшой домик на «Западе-2», но скоро это место превратилось в тематический парк. Слишком хорошо организовано и чересчур близко к дому. И земля уже кому-то принадлежала.

А потом они присоединились к проекту по освоению «Мэдисон-Запад-5», где можно было

начать с чистого листа. Высокие технологии, экологически чистые разработки. Нечто большее, чем обыкновенный город. Оба исполнились энтузиазма и вложили изрядную долю собственных сбережений, чтобы поучаствовать в проекте с самого начала. Джек и Тильда потратили немало сил, нанося завершающие штрихи — он как инженер программного обеспечения, разработывавший местные технические новинки, она как лектор по истории культуры, изобретавший оригинальные формы местного управления и общинных принципов жизни. Лишь по несчастливому стечению обстоятельств они зарабатывали в «Мэдисоне-5» недостаточно и оба вынуждены были мотаться на Базовую Землю.

— Это наш город. И он лишь «почти идеален»? — уточнил Джек.

— Угу. Мы живем как в сказке, только в чужой. А я хочу свою.

— Но наш сын фобик...

— Не надо.

— Так говорят люди, Тильда. Он-то не сможет поучаствовать в твоей сказке.

Она отхлебнула кофе.

— Нужно думать о том, как будет лучше для всех нас. Не только для Рода, но и для Кейте и Хелен... нельзя же, чтобы его проблемы приковали семью к месту. Это уникальная возможность, Джек. Именно сейчас, при новых правилах и новых законах о поселенцах, правительство буквально даром раздает участки в последовательных Америках. Окно не останется открытым навечно.

Джек буркнул:

— Это все идеология...

«Новый фронтир» — вот как звучал слоган, позаимствованный из старой предвыборной рекламы Джона Кеннеди. Федеральное правительство поощряло переселение американцев — и не только — в новые миры, с единственным уточнением, что под эгидой Америки надлежит повиноваться американским законам и платить американские налоги, то есть *быть* американцем.

— Федеральное правительство просто хочет сделать так, чтобы все последовательные версии США были колонизированы нами прежде, чем туда придет кто-нибудь еще.

— Ну и ничего страшного. То же самое стремление погнало экспансию на запад в девятнадцатом веке. Интересно, что большинство американцев предпочитают запад, пусть даже это произвольное название, которое никак не соотносится с географическим западом. Сходным образом, как я слышала, большинство китайских эмигрантов предпочитают восток.

— Господи, само по себе путешествие займет несколько месяцев. Ради возможности оказаться вместе с детьми в нецивилизованной глуши. Какой прок там будет от компьютерного инженера? И от лектора по истории культуры, кстати говоря.

Тильда ласково улыбнулась. Джека это страшно бесило: он понимал, что жена совершенно не воспринимает его всерьез.

— Мы научимся тому, чего не знаем.

Она поставила кофе и обняла мужа.

— Я думаю, нужно рискнуть, Джек. Это отличный шанс. Для нашего поколения. Для наших детей.

«Для детей, — подумал Джек. — Для всех, кроме бедного Рода». Рядом стояла Тильда, одна из самых умных людей, кого он только знал, и ее голова была полна идеалистических грез о будущем Америки и человечества в целом. В то же время жена всерьез намеревалась бросить собственного сына. Джек прислонился щекой к седеющим волосам Тильды и задумался, смогут ли они когда-нибудь понять друг друга.

ГЛАВА 15

По всему миру мечтали о Долгой Земле. Некоторые мечты были новы и в то же время очень, очень стары...

Друзья сидели возле машины, в глубине буша, пили пиво и рассуждали о меняющемся мире и о Переходниках, которые они смастерили и которые сейчас лежали на красном песке. В небе над головами теснились звезды — некоторым даже приходилось ждать своей очереди, чтобы мигнуть.

Спустя некоторое время один из друзей мрачно сказал:

— Кто-то выпустил Джимбо кишки, так что он стал похож на каноэ. Представляешь? Ничего себе. Туда пошел коп. И вернулся без лица!

Билли, который никогда не высказывался, не подумав предварительно с недельку, наконец произнес:

— Это ж как «время сна», мужик. Так здесь было до того, как пришли наши предки. Помнишь, нам рассказывал тот тип в очках? Они выкопали кости каких-то здоровенных животных, зашибись каких здоровых. Большие, тупые, но с огромными зубами. Прикинь, куча новых миров под тем же самым небом. И ни души вокруг! Совсем как наш мир, пока его не испортили. Ты представь, как можно развернуться, если туда попасть.

Кто-то по другую сторону костра отозвался:

— Да, чувак, давай тоже испортим мир-другой. И я не хочу, чтоб мне съели лицо.

Все рассмеялись. Но Альберт сказал:

— Знаете что? Наши предки, их всех поубивали, к дьяволу, и съели. Осталось только то, что есть сейчас. Но нам-то так необязательно? Говорят, миры там совсем такие же, как здесь, только нет людей, нет копов, городов, оружия, только земля от края и до края. Если здесь река — там тоже река. Все готово и ждет нас.

— Нет здесь реки. Она за полмили.

— Без разницы. Короче, ты меня понял. Почему бы не рискнуть, парни?

— Да-а, но здесь наша страна. В смысле... вот тут.

Альберт, сверкнув глазами, подался вперед.

— Да... но знаете что? И те страны — тоже наши. Я слышал, как эти, в очках, говорили. Каждый камень, каждая кочка, вообще все. Ей-богу!

Утром небольшая и слегка похмельная компания бросила монетку, чтобы выбрать героя, которому предстояло рискнуть.

Билли вернулся через полчаса, сгибаясь от тошноты. Он вылетел прямо из ниоткуда. Приятели подняли его, напоили водой и подождали. Он открыл глаза и сказал:

— Все так и есть, только там дождь идет, парни.

Они переглянулись.

Кто-то сказал:

— А как насчет тех тварей, про которых я слышал? Которые водились в старину. Типа кенгуру с зубами. Здоровые, мать твою, такие. С зубищами и когтями.

Настала тишина. Альберт поинтересовался:

— Мы что, хуже наших предков? Они перебили тварей. А нам разве слабо?

Послышалось смущенное шарканье.

Альберт сказал:

— Слушайте. Завтра я пойду туда насовсем. Кто со мной? Там все есть, парни. Там все есть и ждет нас. Давным-давно ждет...

К концу следующего дня тропы песен начали удлиняться, а «никогда» постепенно превращалась во «всегда».

Хотя иногда они возвращались за пивом.

Впоследствии там возникли города, хоть и необычные, и необычный образ жизни, смесь прошлого и настоящего, где старое плавно сливалось с новым. И еда тоже была хорошая.

В конце концов исследования показали, что самой большой этнической группой, навсегда покинувшей Базовую Землю в период великой миграции, последовавшей за Днем перехода, стали австралийские аборигены.

ГЛАВА 16

«Отрывки из дневника Хелен Грин, пачительно почтительно исправленные папой он же мистер Дж. Грин.

*История о том,
как семья Гринов путешествовала
по Долгой Земле к новому дому*

11 февраля 2026 г. Сначала мы полетели на вертолете, ого! Мы стартуем из Ричмонд-Запад-10, это который в Вижинии Вирджинии потому что нужно обойти с юга все эти льды, которые там лежали в ледниковый период. Поэтому мы вернулись на Базовую и полетели в Ричмонд на вертолете!!! Только пришлось попрощаться с Родом в аэропорту, и мне было грустно-грустно...»

Джеку Грину, как инженеру по программному обеспечению, всегда приходилось много путешествовать, и в последние годы поездки сделались намного интереснее. Кто не перемещался по Базовой Земле, с ее замысловатыми транспортными сетями?.. Переходник мог от-

править человека на тысячу миров дальше, не сдвинув при этом ни на шаг в сторону. Поэтому транспорт стал одним из немногих процветающих структур в пошатнувшейся экономике Базовой Земли, которая фактически превратилась в перекресток путей Долгой Земли.

Невозможно было угадать, кого ты встретишь на следующей пересадке — пионеров, которые вернулись, чтобы купить новый набор бронзовых инструментов и побывать у стоматолога, современных хиппи, которые обменивали козий сыр на мазь от мастита. Однажды Джек увидел женщину, одетую как Покахонтас, которая счастливо прижимала к себе белое свадебное платье в целлофановом пакете, и в ее улыбке читалась целая история. Люди, открывшие для себя новый образ жизни, смешивались на Базовой Земле, по крайней мере во время путешествия.

Поэтому во время последней поездки в Ричмонд Джек и Тильда решили побаловать детей и прокатиться на вертолете. В будущем им предстояло ездить на повозках, запряженных волами, и плавать на самодельных каноэ. Почему бы не насладиться высокими технологиями, пока еще есть такая возможность?

И потом, новое приключение отвлекло их от печальной сцены на взлетной площадке, когда пришлось проститься с Родом. Мэрил, сестра Тильды, охотно взяла к себе мальчика, но даже не трудилась скрывать неодобрение по поводу распавшейся семьи. А тринадцатилетний Род молчал. Джек заподозрил, что все они испыта-

ли облегчение, когда вертолет наконец взлетел; он увидел запрокинутое личико и коротко стриженные соломенные волосы, совсем как у матери... и вот они отправились в путь, и девочки визжали от восторга.

«Ричмонд-Запад-10» представлял собой сборный пункт для партий путешественников, которые отправлялись в последовательные версии восточных Соединенных Штатов. В числе этих партий была и компания Тильды. Джек понятия не имел, чего ожидать.

Он стоял на пустой немощеной улице, которую с двух сторон обрамляли одинаковые дома, выстроенные из массивных бревен, досок и даже кусков дерна. Рукописные указатели сообщали, что в числе зданий на Главной улице есть церкви, банки, закусочные, гостиницы, магазины продуктов, одежды и прочих вещей, необходимых для путешественников, собирающихся далее. На крышах и шестах трепетали звездно-полосатые флаги, среди них изредка попадались и флаги Конфедерации. Поселок кишел людьми, некоторые из них были чистенькими новичками в костюмах из ярких искусственных тканей, как Грины, но большинство расхаживало в поношенных нарядах первооткрывателей — в залатанных куртках и штанах, иногда даже в пальто и плащах из выделанной кожи. Все это напоминало прежние времена, когда Базовый Ричмонд сам стоял на границе пустого континента и там обменивали меха, шкуры и табак.

Происходящее походило на сцену из старомодного вестерна. Джек чувствовал, что смотрится неуместно. Он потерял живот, отгоняя тошноту.

Гостиница «Степной мрамор» называлась в честь материала, из которого главным образом была построена, — дерна, нагроможденного вокруг деревянных рам. Мрачное, сырое, битком набитое людьми здание. Женщина за стойкой сказала, что прочие участники собрались в «бальной зале» — в сарае с грубой деревянной мебелью, стоявшей на лоскутном ковре. Там теснились человек сто, в основном взрослые, среди них несколько подростков и детей. Один мужчина, шумный, с внушительной светлой шевелюрой, произносил речь. Он убеждал будущих спутников, что необходимо установить график дежурств. Кое-кто обернулся к новоприбывшим — настороженно, с полуулыбкой.

Тильда улыбнулась в ответ.

— С большинством я общалась в Сети, когда мы договаривались. Раньше мы никогда не виделись лично...

Джек подумал: вот люди, с которыми, возможно, он проведет остаток жизни. Полнейшие незнакомцы. Джек предоставил подготовку Тильде, но понимал, что нужна изрядная ловкость, чтобы собрать жизнеспособную партию путешественников. Настоящая экспедиция не обходилась без профессиональных капитанов, которые ее возглавляли, а еще без разведчиков, проводников, носильщиков, которых относительно несложно было найти и нанять. Но ядро

партии составляли люди, которым предстояло жить вместе за сто тысяч миров от Базы. Искали портных, плотников, медников, кузнецов, колесников, мельников, ткачей, мебельщиков... Разумеется, врачей. Если повезет — дантистов. Тильда, после того как ее отвергли в первых партиях, к которым она пыталась присоединиться, пошла на курсы переквалификации и теперь числилась учителем и историком. Джек упирал на то, что у него есть базовые сельскохозяйственные навыки — он считал, что физически достаточно силен для работы на земле, — и кое-какие медицинские познания.

При первом взгляде на будущих спутников Джек подумал, что они в основном похожи на него и на Тильду. Люди самых разных национальностей, но вполне преуспевающие на вид, серьезные, слегка встревоженные. Представители среднего класса, отправляющиеся навстречу неведомому. Классический типаж пионера Долгой Земли — точно так же, по словам Тильды, было и на старом Диком Западе. Самые богатые не путешествуют: им слишком уютно на Базовой Земле, чтобы бросить налаженный быт. И самые бедные тоже, по крайней мере, не сбиваются в организованные партии, потому что не могут оплатить дорогу. Нет, на Запад отправлялись именно средние классы, особенно те, на ком сказался экономический кризис.

Болтуна звали Рис Генри, как выяснил Джек — торговый агент, в свободное время увлекающийся выживанием в дикой природе. Он перешел к дежурствам по уборной.

— И опять молодые американцы отправляются в глушь, туда, где не горят уличные фонари и где на другом конце провода вам не ответит полицейский. Урбанизированные, цивилизованные, ухоженные, изнеженные, привыкшие к постоянному доступу в Интернет — мы отброшены назад, в объятия природы.

Он ухмыльнулся.

— Дамы и господа, добро пожаловать в реальный мир.

ГЛАВА 17

Единственный книгопродавец на «Ричмонд-Запад-10» радовался каждый раз, когда продавал что-нибудь будущим пионерам, проходившим мимо. Книги, целиком и полностью отпечатанные на бумаге, которая сделана из упавших деревьев! Сведения, которые при бережном хранении способны жить тысячелетиями. И не надо никаких батареек. «Нужно написать рекламный плакат», — подумал он.

Если бы Хамфри Ллевелин Третий мог вернуть жизнь на свой лад, все книги, когда-либо написанные, ценились бы как сокровища и как минимум один экземпляр был бы переплетен в пергамент из овечьей кожи и вручную иллюминирован монахами (ну или обнаженными монахинями, поскольку склонности Хамфри, скорее, тяготели к этой плоскости). И теперь, как он надеялся, появился шанс вновь привить человечеству любовь к книгам. Он тайно ликовал. В новооткрытых мирах нет никакой элек-

троники, верно? Ну и где ваш Интернет? Ха! Где Гугл? Где старая мамочкина электронная книга? Где iPad 25? Где Википендия? (Хамфри всегда ее именно так и называл, с самым невозмутимым видом, просто чтобы выказать отвращение; что характерно, мало кто замечал.) Все проходит, малoverы! Электронные игрушки остались дома в ящиках, и их экраны тусклы, как глаза мертвеца.

Книги — да, настоящие книги — не залеживались на полках. Над Долгой Землей человечество вернулось в каменный век. Оно восстанавливало прежние навыки. Выяснялось, что можно есть, а что нельзя, как построить сортир во дворе, как удобрять поля человеческими и животными отходами в разумных пропорциях. Как выкопать колодец. Как тачать башмаки. Да, а еще нужно было знать, как добывать железную руду, обрабатывать графит, делать чернила. Поэтому печатный станок Хамфри раскалялся докрасна — он выпускал геологические карты, топографические обзоры, сборники полезных советов, альманахи, возвращая людям утраченное знание.

Он погладил закованный в гладкую кожу том. О, рано или поздно информация снова будет заключена в ненадежный плен электричества. Но до сих пор книги терпеливо ждали — и вот их время настало вновь.

В другой части «Ричмонд-Запад-10» находилось нечто вроде биржи труда, где Компании искали рекрутов, заполняя бреши. Франклин

Тэллимэн осторожно пробирался через толпу, держа над головой табличку. День был жаркий, и он жалел, что выпил слишком мало воды.

К нему приблизилась кучка людей, которую возглавлял мужчина средних лет.

— Вы мистер Тэллимэн, кузнец? Мы видели ваше резюме в «Степном мраморе».

Он кивнул.

— Да, сэр.

— Нам в партии как раз не хватает кузнеца, — мужчина протянул руку. — Я Джек Грин. Вот мистер Бэтсон, наш капитан. Тэллимэн... это ведь карибская фамилия?

— Нет, сэр. Так на Карибах называется наша профессия, если не ошибаюсь. Точно не скажу, я там никогда не был. Я родился в Бирмингеме. Это тот, что в Англии, а не в Алабаме. В настоящем Бирмингеме.

В ответ на него устремились непонимающие взгляды.

— Значит, вы видели мою заявку?

Беспокойного вида женщина спросила:

— Вы правда умеете делать все, о чем написали? Работать с бронзой? Сейчас вообще этим кто-нибудь занимается?

— Да, мэм. На «Западе-1» я четыре года пробыл подмастерьем у кузнецов, которые свое дело знали. Что касается железа, так мне, кроме руды, ничего не нужно. Я могу построить кузню, могу сделать печь, могу тянуть проволоку. Кстати, я еще и электрик неплохой — сооружу водяное колесо, и в вашей колонии будет элек-

тричество. А вот еще оружие — я могу сделать приличный мушкет. С современным ружьем, конечно, не сравнится, но для охоты сойдет. Я хочу контракт на три года, — Франклин подошел к самому главному пункту. — По нынешним законам я через три года получу американское гражданство. А вы, дамы и господа, на голову опередите остальных.

Он достал блокнот и открыл нужную страницу.

— Вот сколько я хочу получать.

Будущие граждане Нового Фронттира ахнули. Наконец Грин спросил:

— А поторговаться можно?

— Боюсь, только в плюс. Можете внести за-
даток в Центре поддержки. Кстати, если хотите, чтобы я обучил подмастерьев, придется заплатить дополнительно, потому что ученики больше мешают, чем помогают.

Франклин улыбнулся, глядя на полные сомнения лица. Он решил, что не стоит навязываться. Эта публика казалась вполне приличной. Они собирались отправиться на запад в компании людей со сходными мыслями и устремлениями, в поисках места, где можно свободно расселиться, доверять соседям, дышать чистым воздухом и начать с чистого листа в надежде на лучшее будущее. Они мечтали. И не они первые.

Даже дети сияли от радости.

— Послушайте, мистер Грин, я ведь тоже кое-что разузнал. Я видел ваше объявление и знаю, что вы свое путешествие обдумали как

следует. У вас есть медик, плотник, химик. Мне это нравится. Ваше предложение у меня сегодня наверняка будет не единственным, но, кажется, вы люди основательные, с головами на плечах. Я иду с вами, если вы согласны. Договорились?

Договорились.

Вечером Франклин собрал вещи, в том числе ящик с инструментами без единой железной детали. Оставалось лишь хранить секрет во время путешествия; а для этого, в свою очередь, не следовало забывать, что в Переходнике должна быть картошка.

Он читал в Сети о прирожденных Путниках. И однажды вечером, на «Западе-1», просто из любопытства попытался перейти с пустым Переходником, лишенным источника энергии. Франклин страшно удивился, когда у него получилось. Тем не менее он по-прежнему нуждался в коробке с выключателем. Казалось, ему было необходимо услышать щелчок, чтобы перейти. Уму непостижимо.

Да, он слышал о прирожденных Путниках. А еще — что таких порой бьют. Потому что это странно и противоестественно. Поэтому Франклин решил помалкивать в пути о своих способностях, положить в Переходник картошку, симулировать тошноту и так далее. Ничего сложного, если есть привычка.

Хотя он уже начал гадать, сколько людей вокруг тоже притворяются.

Франклин хорошо спал в ту ночь, и ему снились огнедышащие кузни и далекие холмы.

ГЛАВА 18

*«День 3-й**(после ухода из «Ричмонд-Запад-10»).*

Уже три дня! Но капитан Бэтсон говорит, что нужно целых сто дней, чтобы пересечь Ледовый пояс. А потом еще несколько месяцев, чтобы пересечь Рудный пояс, не знаю, что это такое. Мы должны добраться до места, пока не наступила зима. А зима во всех мирах наступает одинаково.

Мы делаем примерно по переходу в минуту и идем по шесть часов в день. Мы постоянно пьем таблетки, чтобы не тошнило, но все-таки тяжело. Мы переходим, где уровень земли в разных мирах не особенно отличается. Иногда падаешь, а если увязнешь в земле на пять дюймов, то перейти вообще нельзя. Потрясающее зрелище — двести человек, с рюкзаками и другими вещами, пропадают из глаз, а потом появляются в следующем мире, и так снова и снова.

Я скучаю без Интернета.

Я скучаю без мобильного.

Я скучаю по школе. По некоторым одноклассникам, во всяком случае. А по некоторым совсем не скучаю.

Я СКУЧАЮ ПО РОДУ. Хотя, конечно, иногда он был такой странный.

Я скучаю по группе поддержки.

Папа говорит, я должна еще написать о том, что мне нравится. Иначе внукам будет скучно читать. Внукам?! Мечтать не вредно.

День 5-й.

Мне нравится жить в палатке, вот.

Мы уже жили в палатке на Западе-5 и когда готовились к путешествию, но сейчас намного веселее. Мы тут подружались с одной семьей, с Доуками. У них четверо детей, два мальчика и две девочки, и мы так устроились, что я живу в палатке с их девочками, Бетти и Мардж, и у нас как будто каждый день вечеринка с ночевкой!

Я умею разводить костер! У меня есть линза, чтобы зажечь огонь, и я знаю, как подкладывать дрова, и как раздувать, и какое дерево лучше всего горит. Я умею искать еду, травы, корни, грибы. Я знаю про орехи, фрукты и еще разное, только сейчас не сезон. Я могу сделать удочку из нитки и даже из стебля крапивы. Я знаю, как искать рыбное место. Клево.

Сегодня мистер Генри учил нас ставить ловушки на форель. Копаешь в воде яму со стенками, они туда заплывают и остаются. Мистер Генри смеется, когда глушит рыбу дубинкой, а я чуть не плакала. Мистер Генри говорит, что молодежь должна привыкать.

Мардж Доук тоже была в группе поддержки! Мы теперь с ней тренируемся.

День 8-й.

Вчера мы дошли до льдов.

Мы идем по тропе. Здесь повсюду указатели, как на шоссе, условные знаки и столбы, на которых написано, в каком мире ты находишься,

а иногда тайники с разными вещами. Даже маленькие ящички, в которые можно складывать почту, которую потом отнесут на Восток или на Запад, если кто-то пойдет мимо.

И вот мы пришли к указателю, на котором написано: «Дальше лед». Мы прошли в первые дни несколько миров, где сейчас ледниковый период, но по одному зараз, так что через них можно было быстро проскакивать. А теперь перед нами целая куча. Всем пришлось остановиться, подошли носильщики и раздали теплые куртки, брюки, лыжные маски и прочее. На следующее утро капитан Бэтсон велел связаться веревками, по восемь-десять человек, и проверил, чтобы маленьких детей хорошо укутали, чтобы у них пальцы и носы не торчали наружу.

Мы перешли и увидели яркое-яркое синее небо, никаких облаков и не так уж много льда, но земля под ногами была замерзшая и твердая, как камень. А потом мне стало холодно, как будто щеки кололи иголками.

Мы перешли еще раз, и еще, и еще. Снова зимние миры. Иногда выходишь в белую мглу или в метель. А в другой раз выходишь, и там немного теплее, и земля такая болотистая, что мы сбились бы с тропы, если бы шли пешком, и всюду такие странные карликовые деревья, страшно скрюченные. И комары! Я видела огромного оленя, у него рога как канделябр (папа сказал, как это слово пишется). Бен Доук говорит, что видел мохнатого мамонта, только ему никто не верит.

Вот почему мы уехали так далеко на восток, в Ричмонд, чтобы потом отправиться на запад. Потому что Базовая Земля находится в центре ледяного пояса — кучи миров, где ледниковый период, — а значит, надо идти на юг, туда, где можно перейти. Но даже там, где льда нет, все равно холодно.

Несколько человек после первой ночевки на морозе вернулись обратно. Их типа не предупредили. Хотя, конечно, предупредили. Надо было слушать.

День 25-й.

На ночь нужно забиваться в маленькую палатку. Там тесно. И с посторонними людьми. Мардж Доук нормальная, а Бетти ковыряется в зубах. И храпит.

Мама поссорилась с мистером Генри, который говорит, что женщины должны готовить и стирать на всех. Капитан Бэтсон говорит, что мистер Генри не имеет никакого права распоряжаться. Правда, в лицо ему он это не сказал.

Начинаются проблемы, тра-ля-ля!

День 43-й.

Я забываю записывать. Слишком устаю. И потом столько всего происходит.

Между ледяных миров вдруг попадают те, где тепло, совсем как дома, они называются межледниковые (записал папа). В этих межледниковых мирах ПОЛНО животных. Я видела

огромные стада — тут водятся лошади, очень смешные коровы, антилопы и верблюды. Верблюды! Папа говорит, что примерно такие животные, наверное, жили в Америке, пока туда не пришли люди. Волки. Койоты. Лоси. Кроншнепы. Медведи! Капитан Бэтсон говорит, в лесах живут гризли, поэтому ходить туда не надо. И повсюду змеи, нужно быть осторожным. Вороны, грифы, совы. Целый день поют птицы, а ночью квакают лягушки и гудят москиты, если стоять у воды. Мужчины иногда охотятся. Кролики, утки, даже антилопы.

И броненосцы! Большие, не как в зоопарке. Папа говорит, они пришли сюда из Южной Америки, где у них родина. А еще в Америке видели обезьян. Иногда континенты сливаются, и животные ходят туда-сюда. А иногда нет. Никто не знает, почему так. Ни у кого нет карты этих миров.

В некоторых мирах вообще нет деревьев. Тогда приходится собирать буйволоковый НАВОЗ! Он хорошо горит, но запах... о боже.

И есть странные миры, где все как будто покрыто пеплом или вокруг сплошная пустыня. А в следующем уже нормально. Если место опасное, обычно стоят указатели, и тогда мы надеваем шляпы или закрываем рты респираторами. Капитан Бэтсон называет такие миры «джокерами».

Иногда видно, где раньше уже кто-то был. Мусорные кучи, развалины хижин, сгоревшие шалаши. Даже кресты. Мистер Бэтсон сказал, что на Долгой Земле недостаточно надеяться на лучшее.

День 67-й.

Бен Доук заболел. Он напился из ямы, которую не успели проверить. А вода там была грязная после буйвола. Бена накачали антибиотиками. Надеюсь, все обойдется. У нас еще несколько человек заболели, но никто пока не умер.

Еще кое-кто повернул домой. Капитан Бэтсон пытался их уговорить, а мистер Генри смеялся над ними и называл слабаками. А мне не кажется, что признать свою ошибку значит проявить слабость! Для этого вообще нужна сила.

Мы, наверное, очень странными кажемся для животных, которые здесь живут и никогда раньше не видели человека. Зачем мы вообще приходим и мешаем?

День 102-й.

Мы вышли из Ледового пояса! И всего на два дня отстали от графика.

Странно подумать, что мы прошли тридцать шесть тысяч миров, но продвинулись вбок только на несколько миль. А теперь мы собираемся по-настоящему идти по земле, на которой оказались, и проделать несколько сотен миль на север, в сторону Нью-Йорка. Там мы пройдем еще шестьдесят тысяч миров или что-то такое, пока не окажемся в том месте, где собираемся поселиться.

Я думала, нам придется идти пешком. Нет! Здесь стоит настоящий город. Ну, маленький.

Торговая фактория. Здесь можно обменять ледовое снаряжение на вещи, которые больше подходят для миров Рудного пояса. И нас ждет караван повозок! Большие крытые повозки — папа сказал, что они называются конестогами. Они похожи на лодки на колесах, и их тащат лошади, очень смешные, но самые настоящие. Тут есть литейная мастерская, где делают разные железные вещи, и у повозок железные шины на колесах, как у машин. Когда мы увидели повозки, то стали кричать «ура» и прямо побежали к ним! Конестоги! Это еще интереснее, чем лететь на вертолете.

День 199-й.

Мы на Западе-семьдесят тыщ плюс-минус, как сказал папа. Я пишу рано утром, пока не свернули лагерь. Вчера вечером взрослые допоздна спорили из-за обязанностей. Но пока они на своих собраниях болтают, мы с ребятами ненадолго удираем.

Мы ничего плохого не делаем. Ну, почти ничего. Мы в основном... (Пауза. Подбирает слово.)...наблюдаем. Вот. Мы смотрим. Я знаю, папа нервничает, что мы все как зомби, потому что заняться нечем, кроме дежурств по лагерю, ну и еще взрослые заставляют нас учиться. Но это же не так. Мы просто наблюдаем, и нам ничего не мешает. Поэтому мы очень тихо себя ведем. Не потому, что у нас голова перестала работать. Потому что мы наблюдаем.

И мы видим то, чего не видят взрослые.

Например, очень странных животных и растения, которых нет ни в одной книжке об эволюции. Миры-джокеры, посреди пачки скучных и одинаковых миров Рудного пояса. Взрослые думают, что там нет никакой жизни. Ага, как же.

А еще Серые. Мы их так зовем, хотя они оранжевые. Они похожи на маленьких волосатых детей, но если посмотреть поближе, видно, какой прибор у них висит между ног, у детей такого не бывает. У Серых большие глаза, как у пришельцев в мультиках. Они шныряют вокруг лагеря. То они здесь, то нет. Они, кажется, переходят.

Животные, которые умеют переходить!

Долгая Земля страньше, чем люди думают. Даже папа. Даже капитан Бэтсон. И мистер Генри. Особенно мистер Генри.

День 281-й.

Сейчас ноябрь? Надо спросить у папы.

Мы дошли.

Мы дошли до Запада-100 000, до Старой Доброй Сотни, как говорим мы, закаленные первопроходцы, ха. Здесь начинается Кукурузный пояс.

На Старой Доброй Сотне стоит *сувенирный магазин*. Здесь продаются футболки и кружки. «Я дошел до старой доброй Сотни». А на ярлычках написано: «Сделано в Китае»!

Миры постепенно меняются. Становятся зеленее. Влажнее. Животные тоже другие.

А главное, деревья. Деревья, леса — вот что нужно в первую очередь, когда строишь колонию, город и вообще. Вот почему мы зашли так далеко. В Рудном поясе деревьев мало. А здесь прерии, дожди и леса. Самое оно для фермы. Никто не знает, как далеко тянется Кукурузный пояс. Здесь много места, и вряд ли его заполнят в ближайшее время.

Короче, мы пришли. Кстати, тут есть несколько полей сразу за магазином, там торчит кукуруза и пасутся овцы, совсем как дома. Овцы! Папа сказал, их вырастили из маленьких ягнят, которых принесли с Базовой Земли на руках, потому что в Северной Америке овец нет, ни в одном известном мире.

В магазине все стали вокруг нас суетиться. Там продавали пиво и лимонад, то и другое домашнее, с косточками, потрясающе вкусное! Люди расспрашивали, как дела на Базовой и на Ближних Землях. Мы болтали и хвастались, ну и рассказывали историю нашего путешествия. С каждым годом, наверное, здесь все немножко меняется.

Одна англичанка, которую зовут Гермiona Доуз, записала нашу историю в большую книгу и отнесла в маленькую библиотеку, где полно таких записей. Она сказала маме, что цель ее жизни — все записывать и она здесь счастлива, потому что пишет настоящую историю. Она, наверное, проживет на Старой Доброй Сотне до самой смерти, записывая рассказы тех, кто проходит мимо. По-моему, странно, но если

она счастлива, то пускай. Кстати, она жената на фермерше.

Мы пошли в магазин! Какая роскошь!

А взрослым пришлось зарегистрироваться. Здесь есть чиновник американского правительства, они сменяются каждые несколько лет. Он проверяет и утверждает права на земельные участки, которые мы купили на Базовой, прежде чем отправиться в путь. Мы все сравнили наши бланки, чтобы решить, куда идти. В конце концов взрослые выбрали наугад мир 101753. Неделя пути, если не спешить. Мы построились — Доуки, Гарри Бергрин со скрипкой (да!), Мелисса Гаррис (ну ладно), Рис Генри (не будем о грустном)... короче, сто человек.

И пошли. Мы перешли и разбили лагерь так живо, что капитан Бэтсон гордился бы. Хотя миссис Гаррис по-прежнему отказывается стирать.

Когда мы через неделю добрались до 101753, там шел дождь. Поэтому мы переглянулись, взялись группами за руки, перешли еще разок и увидели солнечный свет.

Так мы выбрали себе мир. Потому что там светило солнце. Может быть, в 753-м были алмазные горы, только мы никогда этого не узнаем. Ну и ладно. Запад-101754. Наша Земля. Мы пришли».

ГЛАВА 19

В первый вечер «Марк Твен» переходил и переходил, и от каждого перехода по спине Джошуа пробегала дрожь. Скорость постепен-

но увеличивалась, по мере того как Лобсанг исследовал возможности корабля. Джошуа следил за количеством пройденных миров с помощью маленьких мониторов, которые Лобсанг называл землеметрами. Они были вмонтированы в стены всех кают. По словам Лобсанга, цифр в них хватило бы, чтобы дойти до нескольких миллионов.

Переходя, корабль двигался и в пространстве — он летел на запад над Евразией. На мониторах была небольшая карта, так что Джошуа мог следить и за курсом; положение «Марка Твена» вычислялось по положению звезд, но карта ландшафта, который они пересекали в неизведанных мирах, строилась на догадках.

В наблюдательном пункте Лобсанг улыбался своей пластмассовой улыбкой, сидя напротив Джошуа. Оба держали кружки с кофе — Лобсанг тоже пил, и Джошуа мысленно рисовал себе, как наполняется контейнер в животе робота.

— Как вам полет? — спросил Лобсанг.

— Пока что нормально.

На самом деле более чем. Как всегда, когда Джошуа покидал Базовую Землю, давящее ощущение замкнутого пространства, которое он неизбежно там испытывал, быстро проходило. Ощущение, которое он не вполне осознавал в детстве до тех пор, пока оно не исчезло. Джошуа казалось, что на него давит мир, переполненный чужими сознаниями, чужими мыслями. У Джошуа была обостренная восприимчивость: даже в отдаленных последовательных мирах он всегда чувствовал, если поблизости появлялся кто-нибудь еще. Хотя бы маленькая группа. Но

Джошуа не обсуждал свою странную квазителипатическую способность — или ущербность — ни с кем, кроме сестры Агнес, даже с офицером Янсон, и не хотел говорить об этом с Лобсангом. Так или иначе теперь ему было свободно и спокойно. А еще он с особой остротой чувствовал Тишину как чье-то далекое сознание, смутно ощущаемое, похожее на звон огромного древнего колокола в дальних горах... точнее, он слышал ее, когда Лобсанг молчал.

Но сейчас Лобсанг говорил:

— Мы движемся вдоль линии широты на запад. Приблизительно. Корабль с легкостью покрывает тридцать миль в час. Неспешный прогулочный темп. Мы здесь, чтобы исследовать миры. Таким образом, через несколько недель мы достигнем континентальной Америки...

Джошуа подумал: лицо Лобсанга кажется ненастоящим, как слегка поплывшее компьютерное изображение. Но здесь, на фантастическом корабле, воплощавшем удивительные мечты Лобсанга, Джошуа вдруг почувствовал к нему странное расположение.

— Знаете, Лобсанг, я изучил вашу историю, когда вернулся в Приют после разговора в Трансземном институте. Говорят, лучшее, что может сделать суперкомпьютер, как только его включают, — это позаботиться, чтоб его не выключили. И что историю о переродившемся тибетце вы придумали для прикрытия, именно чтобы вас не выключили. Мы столько об этом говорили, и сестра Агнес сказала: ну, если компьютер не хочет выключаться, значит, у него есть сознание

и, следовательно, душа. Я знаю, что папа римский решил иначе, но я в любом случае готов поддержать сестру Агнес против Ватикана.

Лобсанг задумался.

— Когда-нибудь я охотно познакомлюсь с сестрой Агнес. Я хорошо подумаю. Спасибо, Джошуа.

Джошуа помедлил.

— Раз уж вы меня благодарите... может быть, ответите на один вопрос? Это — *вы*, Лобсанг? Или на самом деле вы сейчас на Базовой Земле, в Массачусетском университете? Вопрос вам понятен?

— Конечно, понятен. Джошуа, на Базовой Земле я рассредоточен по многочисленным запоминающим устройствам и процессорам. Отчасти в целях безопасности, отчасти ради эффективного и быстрого извлечения и обработки информации. При желании я бы мог сделать так, чтобы моя *личность* была рассредоточена по многочисленным центрам, фокусам сознания. Но я — человек, я — Лобсанг. Я помню, каково было выглянуть наружу из костяной пещеры — единственного очевидного местонахождения сознания. Именно в таком виде я все и поддерживаю. Я существую в единственном числе, Джошуа, только один Лобсанг, хотя моя резервная память находится на нескольких резервных носителях, разбросанных по разным мирам. И сейчас с вами именно «я». Я полностью посвятил себя нашей миссии. Кстати, когда я нахожусь внутри передвижного модуля, это тоже некоторым образом «я», хотя снаружи оболочки

тоже остается достаточное количество «меня», чтобы корабль летел. Если я потерплю неудачу или пропаду, в ход пустят резервную копию с Базовой Земли, которую синхронизируют с тем, что вы сможете извлечь с корабельных носителей памяти. Но это будет другой Лобсанг, он будет помнить меня, но не будет вполне мной... Надеюсь, я излагаю ясно.

Джошуа задумался.

— А я рад, что я — обыкновенный человек.

— Да, более или менее обыкновенный, — сухо ответил Лобсанг. — Кстати, раз уж мы стартовали, хочу сообщить, что мой отчет о гибели правительственной экспедиции уже на столе у властей. А также, страховки ради, у некоторых редакторов, которых я считаю достойными доверия. В том числе в «Паранормальных известиях» — сущем подарке для всех исследователей феномена Долгой Земли. Прошлые номера вы можете просмотреть на экране в своей каюте. Итак, дело сделано. Сделка есть сделка.

— Спасибо, Лобсанг.

— Итак, мы в пути. Кстати говоря, не пугайтесь, если вдруг с вами заговорит кофейный фильтр, это бета-версия искусственного интеллекта — подарок от одного из наших друзей. А как вы относитесь к кошкам?

— Я от них чихаю.

— От Шими не будете.

— Шими?

— Еще одна разработка Трансземного института. Вы же видите размеры гондолы; в ней полно труднодоступных уголков, и грызуны

могут стать для нас проблемой. Им не составит труда вскарабкаться по якорному канату во время стоянки. Меньше всего нам нужны крысы, грызущие провода. Поэтому познакомьтесь с Шими. Кис-кис-кис...

В комнату вошла кошка. Гибкая, бесшумная, достаточно убедительная. Но в каждом глазу светилась искорка диода.

— Заверяю вас, что она...

— Она, Лобсанг?

— Она может по требованию издавать приятное мурлыканье, которое звучит максимально успокаивающе для человеческого слуха. Она умеет выслеживать мышей с помощью инфракрасного зрения, и у Шими превосходный слух. Она парализует добычу слабым разрядом тока, «глотает» ее, помещая в специальный мешок с запасом пищи и воды, а затем осторожно переносит в маленький виварий, где мышка будет счастливо жить, пока не отправится целой и невредимой на землю.

— Многовато забот из-за какой-то мышки.

— Я буддист. Наш прототип — вещь чистая и гигиеничная, он не причинит вреда добыче и, в общем, ведет себя как домашняя кошка, разве что не гадит в наушники — как я слышал, владельцы частенько на это жалуются. Кстати, согласно дефолтным настройкам Шими будет спать у вас на кровати.

— Кошка-робот на корабле-роботе?

— Есть и некоторые плюсы. У нее гелевый мозг, как и у моего модуля, а значит, она на-

много умнее обычной кошки. И синтетическая шерсть. Чихать вы не будете, обещаю...

Внезапно корабль остановился, и Джошуа ощутил странный крен, как будто его толкнули в спину. Палубу залил свет. Джошуа посмотрел в иллюминатор. В этом мире сияло солнце. И лежал лед.

— Почему мы остановились?

— Поглядите вниз. В шкафчике есть бинокли.

Крошечное разноцветное пятнышко на фоне белизны оказалось оранжевой палаткой с круглым верхом, двое людей неуклюже двигались вокруг, совершенно бесполье в своих плотных арктических костюмах. На льду стояла портативная буровая установка, на шесте вяло висел американский флаг.

— Ученые?

— Университетская экспедиция с Род-Айленд. Изучают флору и фауну, замеряют толщину льда и так далее. Я, разумеется, отмечаю все следы человеческого присутствия, какие только нахожу. Этих людей я ожидал увидеть, хотя они остановились на несколько миров дальше, чем планировали изначально.

— Но вы все-таки их нашли.

— У меня божественное зрение, Джошуа.

Джошуа, глядя вниз, сомневался, что ученые вообще заметили воздушное судно — кита, внезапно повисшего в воздухе.

— Мы спускаемся?

— Незачем. Если угодно, поговорить можно и не приземляясь. На корабле множество средств коммуникации, начиная с коротко- и

средневолновых раций, которые, надеюсь, позволят нам передавать и получать сообщения из любой точки каждого мира, до... устройств попроще. Гелиограф морского образца. И даже громкоговоритель.

— Громкоговоритель! Лобсанг, который гремит с неба, как Господь Саваоф!

— Наше снаряжение сугубо практично, Джошуа. Не каждое действие несет символический смысл.

— Каждое *человеческое* действие его несет. А вы ведь человек, Лобсанг, не так ли?

Лобсанг без предупреждения перешел. Корабль снова дал легкий крен. Палатка исследователей исчезла, и мимо замелькали новые миры.

После первой ночевки на корабле Джошуа проснулся, чувствуя, словно внутри у него полно битого стекла. Корабль равномерно переходил, и звук работающих механизмов напоминал мурлыканье кошки. Более того, Джошуа обнаружил, что у него в ногах действительно клубочком свернулась кошка; когда он пошевелился, Шими элегантно поднялась, потянулась и спрыгнула.

Подгоняемый урчанием в животе, Джошуа исследовал кухню.

В параллельных мирах было несложно раздобыть себе сносный обед; первопроходцам нравилось видеть Джошуа, они знали его имя и историю и обращались с ним как с талисманом на счастье. Он всегда мог получить еду по первому требованию в каждом пристанище для

путников, так называемом «убежище», из числа рассеянных по Ближним Землям. Но сестра Агнес говорила, что нехорошо попрошайничать, поэтому Джошуа обычно приносил с собой свежую оленью тушу или дикую птицу. Неопытные пионеры любили свежее мясо, но еще не смирились с мыслью о том, что придется разрубить Бемби на части, поэтому Джошуа тратил некоторое время на разделку добычи. Обычно он уходил с парой мешков муки и корзинкой яиц, если только удосуживался прихватить корзинку.

Так или иначе, кухня «Марка Твена» была оборудована роскошнее, чем в любом попутном убежище. Джошуа обнаружил холодильник с достаточным запасом бекона и яиц и шкафчик для специй, набитый солью и перцем. Джошуа впечатлился: во многих мирах в обмен на пригоршню соли предлагали ужин и приют на ночь, а перец ценился еще выше. Джошуа принялся жарить бекон.

Голос Лобсанга заставил его вздрогнуть.

— Доброе утро, Джошуа. Надеюсь, вы хорошо спали?

Джошуа подбросил бекон на сковородке и ответил:

— Даже не помню, что мне снилось. Такое ощущение, что корабль не движется. Где мы?

— Более чем в пятнадцати тысячах миров от дома. Я сбавил скорость удобства ради, пока вы едите. Мы летим на высоте три тысячи футов, время от времени снижаемся, если датчики находят что-нибудь интересное. Во многих здешних мирах утро солнечное и на траве лежит

роса, поэтому я предлагаю вам после завтрака пройти в наблюдательный пункт и насладиться видом. Кстати говоря, в кладовке лежат упаковки мясли; не сомневаюсь, сестра Агнес хотела бы, чтобы желудок у вас работал как положено.

Джошуа яростно уставился в пустоту, потому что больше было некуда, и ответил:

— Сестры Агнес тут нет.

Тем не менее, памятуя о том, что монахи-ни всегда знают, чем ты занят, где бы ты ни находился, он виновато порылся в кладовке и принялся жевать сухие фрукты и орехи, среди которых изредка попадался ломтик дыни.

А потом уже принялся за бекон и поджарил ломтик хлеба, чтобы вымазать жир с тарелки. В конце концов, было холодно и организм нуждался в топливе.

С этой мыслью Джошуа вернулся в каюту. В шкафчике, рядом с верхней одеждой, в которой он прибыл на корабль, Джошуа обнаружил целый ряд костюмов для умеренного климата, некоторые из которых к тому же имели камуфляжную расцветку. Он выбрал куртку с капюшоном, спустился в наблюдательный пункт и уселся в одиночестве, разглядывая миры, мелькавшие мимо, как на экране божественного кинопроектора.

Корабль внезапно миновал несколько скованных льдом Земель.

В глаза ударил свет, ослепительно-яркий солнечный свет, отражавшийся ото льда и наполнявший воздух. Казалось, будто наблюдательный пункт вдруг превратился в лампочку, а

Джошуа в насекомое, попавшее внутрь. Проплывавшие внизу миры представляли собой ледяные равнины с чуть заметным рельефом, лишь изредка под снегом темной тонкой полоской проглядывали возвышенности. Потом облака, потом град, и снова солнечный свет, в зависимости от местного климата в каждом следующем мире. От мерцающего света болели глаза. От мира к миру уровень ледяного покрова менялся, напоминая гигантский прилив. Огромная ледяная корка, покрывающая Евразию, словно пульсировала, ледяные купола двигались, южный край качался туда-сюда, меняясь век от века. Джошуа наблюдал движение континентов как бы на слайдах.

А потом они миновали Ледяной пояс и поплыли над межледниковыми мирами, где Джошуа видел в основном верхушки деревьев. На Долгой Земле было много лесов. Мир за миром, лес за лесом.

Джошуа редко скучал. Но утро шло, и он с удивлением понял, что соскучился. Так быстро. В конце концов, перед ним проплывали тысячи пейзажей, которые, с вероятностью, не видел больше никто. Джошуа вспомнил сестру Джорджину, которая любила Китса.

Так и Кортес, уставив острый взор
На океан, в молчании счастливым
Смотрел, ошеломлен, на пики гор,
Что над Дарьенским высились заливом.

В детстве Джошуа думал, что «ошеломлен» — это какой-то сподвижник Кортеса, который смотрел на океан рядом с ним. И вот

теперь он чувствовал себя именно таким «ошеломленном».

Позади послышались шаги. Появился передвижной модуль Лобсанга, ради такого случая надевший куртку с короткими рукавами и брюки. Джошуа подумал: как же быстро он начал считать Лобсанка одушевленным существом.

— Сбивает с толку, да? Вспоминаю собственные ощущения во время первого разведполета. Долгая Земля тянется и тянется, Джошуа. Излишек чудес способен притупить восприятие.

Наконец они притормозили в мире под номером, перевалившим за двадцать тысяч. Небо было затянуто облаками и грозило дождем. Без солнечного света бесконечная травяная равнина внизу казалась тускло-серой. Кое-где пятнами виднелись темные рощи. Джошуа не видел никаких человеческих следов, даже струйки дыма. Но кто-то двигался вдалеке. На севере он заметил огромное стадо, бредущее по равнине. Лошади? Бизоны? Или даже верблюды? Или что-нибудь еще более экзотическое? На берегу озера собрались и другие животные — черная линия на кромке воды.

Они остановились, и заработали системы «Марка Твена». Люки в гондоле и наверху облочки открылись, чтобы выпустить шары-зонды; вешки затрепетали, направляясь на парашютах к земле. Каждая была украшена логотипом Трансземного института, а также американским флагом. Небольшие ракетные зонды с шипением взмыли ввысь, оставляя в воздухе дымные перистые хвосты.

— Стандартная процедура при остановке для взятия образцов, — объяснил Лобсанг. — Для меня — способ распространить исследование любого отдельно взятого мира за пределы наблюдательного пункта. Я соберу некоторое количество информации и загружу результаты наблюдений с зондов на обратном пути, ну или это сделает в будущем другой корабль, проходя мимо.

Среди животных у озера топтались и гигантские твари, похожие на носорогов, только с тонкими ногами. Они теснились у кромки воды, отпихивая друг друга в попытке напиться.

Лобсанг сказал:

— Рубка оснащена биноклями и фотоаппаратами. Кажется, перед нами эласмотерии. Или их изрядно эволюционировавшие потомки.

— Мне это ничего не говорит, Лобсанг.

— Ну конечно. Хотите дать им имя в свою честь? Придумывайте любое. Я записываю все, что мы видим, слышим, говорим и делаем, так что по возвращении сможете предъявить законные требования.

Джошуа откинулся на спинку.

— Летим дальше. Мы тут зря тратим время.

— Время? Да нам совершенно некуда торопиться. Но как хотите...

Корабль снова перешел, и носорогоподобные животные исчезли. Джошуа непрерывно ощущал легкие толчки, как будто ехал в машине с хорошей подвеской по разбитой дороге.

Он прикинул, что переход занимает несколько секунд, итого сорок тысяч новых миров в

день, если поддерживать темп круглые сутки (чего они не делали). Джошуа был впечатлен, хоть и не собирался этого признавать. Под носом корабля сменялся ландшафт, предоставляя ему догадываться об облике очередной Земли лишь по самым очевидным чертам; миры мелькали со скоростью биения пульса. Стада и отдельные животные появлялись и тут же исчезали, скрываясь в нереальности Долгой Земли. Даже купы деревьев меняли форму и размер — меняли, меняли, меняли... То секундная темнота, то внезапные вспышки света, то брызги странных цветов на фоне пейзажа. По-своему исключительные миры, которые исчезали из поля зрения раньше, чем Джошуа успевал их оценить. Не считая этого — просто цепочка миров, Земля за Землей, которые казались приглаженными и однообразными.

— Джошуа, вы когда-нибудь задумывались о том, где находитесь?

— Я и так знаю. Я здесь.

— Да, но что такое «здесь»? Каждые несколько секунд вы оказываетесь в новом мире. Где он находится относительно Базовой Земли? А каждый следующий? И как они вообще все тут помещаются?

Честно говоря, Джошуа об этом задумывался. Невозможно переходить и не задавать себе подобных вопросов.

— Я знаю, что Уиллис Линдси оставил записку: «Последовательный мир удален от нас на толщину мысли».

— К сожалению, больше ничего в его записях нам просто не удалось понять, и мы совсем запутались. Где же находится этот мир, эта конкретная Земля? В том же времени и пространстве, что и Базовая. Как будто гитарная струна стала вибрировать чуть иначе. Единственная разница в том, что теперь мы можем побывать в последовательных мирах, а раньше мы их даже не замечали. Лучшего ответа наши прикормленные ученые из Трансземного института пока не дают.

— И в записках Линдси все это тоже есть?

— Неизвестно. Он, похоже, изобрел собственную математику. Над интерпретацией работает университет Уорика. Вдобавок Линдси делал записи каким-то невероятно сложным шифром. Ай-би-эм даже не назначает награду за расшифровку. И почерк у Линдси ужасный.

Лобсанг продолжал говорить, но Джошуа немного отвлекся. Он понял, что эти знания придется довести до совершенства.

На палубе зазвучали холодные звуки клавирина.

— Не могли бы вы выключить музыку?

— Это Бах, — заметил Лобсанг. — Фуга. Оптимальный выбор для совокупности математических данных, коей являюсь я.

— Я предпочитаю тишину.

— Ну разумеется. — Музыка затихла. — Вы не возражаете, если я продолжу слушать в голове?

— Делайте что угодно, — Джошуа невозмутимо смотрел на пейзаж внизу.

И на следующий, и на следующий...

Потом он встал, откатив кресло, и заглянул в уборную. Там оказались химический туалет и узкая душевая кабина с пластмассовыми стенками. Джошуа задумался, есть ли у Лобсанга глаза и там. Конечно, есть.

Так и прошел день. Наконец во всех мирах стемнело, и тысячи солнц удалились за соответствующий горизонт.

— Мне обязательно идти спать к себе?

— Кресло, в котором вы сидите, раскладывается. Потяните за рукоятку слева. А в ящике лежат одеяла и подушки.

Джошуа потянул за рукоятку. Кресло походило на сиденье в первом классе авиалайнера.

— Разбудите, если будет что-нибудь интересное.

— Здесь все интересно, Джошуа. Спите.

Устроившись под приятно тяжелым одеялом, Джошуа прислушивался к шуму моторов и чувствовал слабые, вызывающие легкое головокружение рывки во время переходов. Ему нравилось качаться между мирами. Он быстро заснул.

А когда проснулся, корабль опять стоял.

ГЛАВА 20

«Марк Твен» приземлился возле груды валунов, за которые Лобсанг зацепил якорь. Было раннее утро, и над головой синело небо, испещренное редкими облачками. Типичный мир Ле-

дového пояса. Вокруг сверкали снежные поля, а неподалеку виднелась полоска открытой воды.

Джошуа отказался даже посмотреть в окно, пока не выпил кофе.

— Добро пожаловать на «Запад-33157», Джошуа. Мы встали на якорь еще до рассвета, и я ждал, когда вы проснетесь.

— Я так понимаю, вы нашли что-то интересное.

— Посмотрите вниз.

На скальном выступе, за который они зацепились, на черном валуне, торчавшем из-под снега, возвышался естественный памятник — одинокая сосна, большая, старая, уединенная. Еще недавно возвышался — дерево было аккуратно срублено почти под корень, спутанные ветви и верхняя часть ствола валялись на земле, бледный диск сердцевины торчал на морозе. Здесь, очевидно, поработали топором.

— Я подумал, что вам будет интересен этот знак человеческого присутствия. И есть вторая причина, Джошуа. Пора испытать мой запасной передвижной модуль.

Джошуа обвел взглядом гондолу.

— А именно?

— Вас.

В ящике лежала одежда. На грудь пришлось повесить легкий рюкзак, в котором лежали маска с экстренным запасом кислорода, аптечка, фонарик, пистолет, не содержащий железных деталей, тонкая веревка и так далее. На спине Джошуа нес парусиновый мешок с каким-то загадочным прибором, упакованным в прочный,

твердый запечатанный футляр. Еще он надел старомодного вида наушник, чтобы держать связь с Лобсангом, хотя Джошуа подозревал, что костюм в изобилии нашпигован микрофонами и динамиками.

Он ушел в свою каюту, вернулся в неуклюжем облачении и взвалил на спину рюкзак.

— Черт, тяжело.

— Вы будете брать его всякий раз, выходя из корабля.

— А что внутри той запечатанной коробки?

— Я, — коротко ответил Лобсанг. — Точнее, дистанционный модуль. Можно сказать, страховочный. Пока существует корабль, рюкзак синхронизируется с главными процессорами на борту. Если корабль погибнет, моя память останется в рюкзаке, пока вы не вернетесь домой.

Джошуа рассмеялся.

— Вы даром потратили деньги, Лобсанг. При каких же обстоятельствах, по-вашему, эта штука будет нам полезна? Если в каком-нибудь дальнем мире мы останемся без корабля, никто не вернется домой.

— Никогда не помешает обдумать все возможные случайности. Вы — мое аварийное хранилище, Джошуа. Именно поэтому вы здесь. И потом, ваша экипировка еще не завершена.

Джошуа вытащил из ящика еще один прибор. Он представлял собой каркас, утыканный линзами, микрофонами, датчиками и снабженный наплечным креплением.

— Да вы шутите.

— Он легче, чем кажется. Датчик надежно пристегивается к плечу, а вот провод обратной связи, который подключается к рюкзаку...

— Вы хотите, чтобы я ходил по миллионной Земле с этим попугаем на плече?

Лобсанг, казалось, обиделся.

— Пусть будет попугай, если угодно... Но я не думал, что вы тщеславны, Джошуа. Кто вас там увидит? И потом, устройство очень практично. Я буду видеть то же, что и вы; слышать то же, что и вы. Постоянная связь. И если возникнут проблемы...

— Оно что, снесет яйцо?

— Пожалуйста, просто наденьте его, Джошуа.

«Попугай» удобно устроился на правом плече и оказался очень легким, как и обещал Лобсанг. Но Джошуа знал: он не сможет забыть, что на нем эта штука и что Лобсанг буквально дышит ему в затылок на каждом шагу. Ну и черт с ним. Он в любом случае не ожидал, что путешествие будет увеселительной поездкой, и попугай не особенно ухудшал положение. И потом, он наверняка должен был быстро сломаться.

Без дальнейших разговоров Джошуа спустился в выходной отсек, открыл дверь, преодолевая легкую перегрузку — давление поддерживали высоким, чтобы внешняя атмосфера не проникла на корабль прежде, чем Лобсанг проверит ее на предмет безопасности, — и шагнул в маленькую кабину лифта. Механизм гладко опустил его на землю рядом со скалистым выступом.

Оказавшись на земле и по колено в снегу, Джошуа глубоко втянул в себя воздух этого

холодного мира и медленно повернулся. Небо затягивали облака, но видно было далеко — собирался снегопад.

— Видите? Обычные снежные поля.

Лобсанг негромко ответил на ухо:

— Вижу. Понимаете ли, у попугая есть носовые фильтры, которые позволяют мне чують...

— Хватит, — Джошуа сделал несколько шагов, повернулся и окинул взглядом корабль. — Даю вам возможность проверить его на износ.

— Хорошая мысль, — проговорил попугай.

Джошуа опустил на колени рядом с деревом.

— Здесь маленькие флажки, которыми отмечены годовые кольца. — Он выдернул один и разобрал надпись. — Краковский университет. Здесь побывали ученые. А смысл?

— По годовым кольцам судят о климате, Джошуа. Как и на Базовой Земле. Что интересно, результаты исследований наводят на мысль, что зазор между соседними мирами составляет около пятидесяти лет. Примерно срок жизни средней сосны. В связи с чем возникает уйма вопросов...

Джошуа услышал шум, плеск и нечто похожее на звонкий сигнал трубы. Он медленно повернулся, догадавшись, что не одинок в этом мире. Неподалеку он заметил хищника и жертву: похожее на кошку существо с огромными клыками, пригibasшими голову к земле, гнало какое-то неуклюжее животное, покрытое шкурой, похожей на броню. Первые звери, которых он здесь увидел.

Лобсанг тоже наблюдал за происходящим.

— Чрезмерно вооруженный в погоне за чрезмерно защищенным — результат эволюционной гонки. То же самое много раз происходило и на Базовой Земле в различных контекстах, пока обе стороны не покорились вымиранию, и так начиная с эры динозавров и далее. Универсальный процесс, судя по всему. Как на Базовой Земле, так и на Долгой. Джошуа, обойдите вокруг скального выступа. Вы увидите открытую воду.

Джошуа повернулся и легко обошел скалу. По глубокому снегу он пробирался с трудом, но было так приятно размять ноги после многих часов, проведенных в гондоле.

Перед ним простиралась ширь озера. На озере тоже лежала корка льда, но рядом с берегом виднелась полоска воды, и там тяжеломерно и изящно копошились слоны, целое семейство, большие, мохнатые, с детенышами, жавшимися меж массивных родительских ног. Некоторые бродили по мелководью. У взрослых особей были необычные клыки в форме лопаты, которыми они бороздили дно, поднимая тину на несколько ярдов вокруг. В россыпи кристалльных брызг мать-слониха играла с детенышем. Начал падать снег, и большие тяжелые хлопья усеивали шкуру бесстрастных животных.

— Гомфотерии, — прошептал Лобсанг. — Или их родственники, или потомки. Я бы на вашем месте не подходил к воде. Подозреваю, там живут крокодилы.

Джошуа странно растрогала эта сцена; от огромных животных веяло спокойствием.

— Вы именно поэтому спустились?

— Нет. Хотя эти миры кишат слонообразными. Изобилие толстокожих. В обычной ситуации я не стал бы привлекать к ним ваше внимание. Но они — высокоорганизованные травоядные, и, по-моему, их выслеживают. Что интересно, также и вас.

Джошуа замер.

— Спасибо, что предупредили.

Он оглянулся, всматриваясь в густую пелену снега, но не увидел ничего движущегося.

— Просто скомандуйте, когда бежать, ладно? Я даже не против, если вы скажете «прямо сейчас».

— Джошуа, эти существа осторожно крадутся к тому месту, где вы стоите, и ведут оживленное обсуждение, хотя я и сомневаюсь, что вам слышно, потому что разговор идет на очень высоких частотах. Возможно, у вас ноют запломбированные зубы.

— У меня нет пломб, я всегда как следует чистил зубы.

— Ну разумеется. Их разговор довольно сложен, и он ускоряется, как будто они пытаются прийти к какому-то соглашению относительно того, что им теперь следует делать. Разговор обрывист, потому что эти существа постоянно переходят. Слишком быстро для глаз — по крайней мере, для ваших. По их поведению я могу сделать вывод, что они каким-то ловким способом производят триангуляцию, чтобы главные охотники окружили добычу — кстати сказать, это вы...

— Погодите. Еще раз. Вы сказали, что они переходят? Животные, хищники, которые уме-

ют переходить? — перед Джошуа все завертелось. — Ничего себе новости.

— О да.

— Эти животные и есть причина, по которой вы здесь остановились, так?

— Я полагаю, вам нечего бояться.

— *Вы* полагаете, что *мне* нечего бояться?

— Они, кажется, любознательны. И не голодны. Возможно, они испуганы сильнее, чем вы.

— На что поспорим? На мою жизнь?

— Давайте посмотрим, что будет дальше. Джошуа, пожалуйста, помашите руками в воздухе. Вот так. Пусть они вас увидят. Снег, очевидно, сокращает обзор. Теперь пройдите по кругу. Правильно. А теперь стойте на месте, пока я не скажу. Не беспокойтесь, я контролирую ситуацию.

Заверение Лобсанга ничего не значило для Джошуа. Он старался сохранять спокойствие. Снег валил густо. Если он запаникует, то может случайно перейти и... что дальше? Учитывая существование хищников, умеющих переходить, он рискует оказаться в еще более неприятной ситуации.

Лобсанг забормотал в ухо, явно чувствуя его напряжение и пытаясь успокоить:

— Джошуа, не забывайте, что я построил «Марка Твена». И он — точнее, я — непрерывно за вами наблюдает. Все, что, на мой взгляд, попытается вам повредить, умрет прежде, чем успеет спохватиться. Я, естественно, пацифист, но на «Марке Твене» есть оружие самых разных калибров, от незримо малого до незримо

крупного. Я, разумеется, не произношу слово «ядерный».

— Да. Вы не произносите слово «ядерный».

— Значит, мы достигли соглашения. А если так... пожалуйста, не могли бы вы спеть?

— Спеть? Что?

— Любую песню! Решайтесь и пойте. Что-нибудь веселое... *просто спойте песню!*

В словах Лобсанга, при их несомненном безумии, прозвучали властные нотки сестры Агнес, когда в чашу терпения угрожала упасть последняя капля. Даже тараканы спешили убраться из города, когда сестра Агнес гневалась. Поэтому Джошуа запел первое, что пришло в голову:

— Салют командиру, он наш командир, салют командиру, который достался нам...

Когда он закончил, на снежном поле воцарилась тишина.

— Интересный вариант, — заметил Лобсанг. — Несомненно, еще одно наследие ваших монахинь. Когда доходит до политических дебатов, они исполняются энергии, не правда ли? Что ж, с задачей вы справились. Теперь подождем. Пожалуйста, не двигайтесь.

Джошуа ждал. Едва он открыл рот, чтобы сказать: «С меня хватит», вокруг появились темные фигуры — угольно-черные дыры в снежной пелене. Они были широкогрудыми, большеголовыми, с огромными лапами, или, точнее, руками, на которых, слава богу, Джошуа не заметил когтей. Зато кулаки напоминали боксерские перчатки.

Животные пели. Большие розовые рты открывались и закрывались с очевидным удовольствием. Они не повторяли дурацкую песенку, которую исполнил Джошуа, и не издавали звериный рев. Они пели нечто вполне человеческое, и Джошуа начал разбирать слова, которые они повторяли снова и снова, украшая их разнообразными руладами и повторами. Многоголосие переливалось в воздухе, как рождественское украшение. Несколько минут Джошуа бродил по лабиринтам и закоулкам необычной музыки, пока пение наконец не сменилось всеобъемлющим добродушным молчанием.

Припев был примерно таким:

Все соседи скажут: «Стой!
Ты куда шагаешь, Билл?
Нос ты задираешь, Билл!»
Зря смеетесь надо мной,
Я не умер, я живой —
По дороге старой Кентской
Шел парнишка деревенский...

Потрясенный Джошуа едва дышал.

— Лобсанг?..

— Как интере-есно. Песня написана неким Альбертом Шевалье, уроженцем лондонского Ноттинг-хилла. Что любопытно, впоследствии ее исполняла Ширли Темпл...

— Ширли Темпл... Лобсанг! Я так думаю, эти здоровяки не без веской причины, стоя под снегом, поют старые английские комические песенки.

— О, несомненно.

— И я так думаю, вы знаете причину.

— У меня есть некоторые догадки, Джошуа. Все в свое время.

Одна из тварей зашагала прямо к нему, сложив ладони, размером с теннисную ракетку, чашечкой. Приоткрыв рот, существо отдувалось после пения; в пасти виднелось множество зубов, но... оно улыбалось.

— Потрясающе, — выдохнул Лобсанг. — Несомненный примат, какая-то разновидность человекообразной обезьяны. Держится достаточно прямо, как любой гоминид, хотя это во все не обязательно коррелирует с человеческой эволюцией...

— Не время читать лекцию, Лобсанг, — сказал Джошуа.

— Да, конечно, вы правы. Нужно довести дело до конца. Примите подарок.

Джошуа осторожно шагнул вперед и вытянул руки. Существо казалось взволнованным, как ребенок, которому поручили важное дело и который теперь хочет убедиться, что все сделал правильно. Оно вручило Джошуа что-то довольно увесистое. Джошуа опустил взгляд и увидел нечто вроде огромного лосося, радужного, красивого.

И услышал голос Лобсанга:

— Превосходно! Не могу сказать, что ожидал именно этого, но, несомненно, я надеялся на благоприятный исход! Кстати, будет весьма уместно, если вы, в свою очередь, тоже им что-нибудь подарите.

Предыдущий владелец великолепной рыбы ободряюще улыбался Джошуа.

— У меня есть стеклянный нож, но что-то я сомневаюсь, что ему он когда-нибудь понадобится... — Джошуа помедлил, испытывая неловкость. — И потом, я не хочу отдавать *свой* нож, который я сам вырезал из куска обсидиана.

Обсидиан Джошуа подарил человек, которому он спас жизнь.

— Он со мной уже давно...

Лобсанг нетерпеливо сказал:

— А теперь подумайте хорошенько. Совсем недавно вы ожидали жестокого нападения, не так ли? Очевидно, что это была *его* рыба, и он отдал ее *вам*. Я полагаю, акт дарения важнее, чем сам подарок. Если без оружия вы чувствуете себя голым, пожалуйста, возьмите что угодно в нашей оружейной, хорошо? Но прямо сейчас... отдайте ему нож.

Джошуа, злясь на самого себя, сказал:

— А я даже не знал, что на корабле есть склад оружия!

— Век живи — век учись, друг мой. Скажите спасибо, что у вас еще есть шанс сделать и то и другое. Подарок имеет цену, которая никак не связана с деньгами. Протяните нож и добродушно улыбнитесь в камеру, Джошуа, потому что вы творите историю — первый контакт с пришельцами, у которых, впрочем, хватило совести эволюционировать на Земле.

Джошуа протянул неведомой твари любимый нож. Его с преувеличенной осторожностью взяли, поднесли к свету, восхитились, осторожно

пощупали лезвие. В наушниках раздалась какофония, как будто в бетономешалку набросали шаров для боулинга.

Через несколько секунд шум, слава богу, прекратился и сменился бодрым голосом Лобсанга:

— Как интересно! Они обращаются к вам, используя частоты, которые мы способны воспринимать, в то время как между собой, похоже, общаются ультразвуком. То, что вы слышали, было моей попыткой перевести ультразвуковой разговор на тот уровень, на котором человек мог бы его воспринять, если не понять.

А потом в одну секунду они пропали. Ничего не наводило на мысль, что здесь стояли какие-то существа, не считая огромных следов на снегу, которые уже заносила метель. И, разумеется, не считая лосося.

Вернувшись на корабль, Джошуа засунул огромную рыбину в холодильник. Налив кофе, он устроился в гостиной и сказал, обращаясь к воздуху:

— Я хочу с вами поговорить, Лобсанг. Не с голосом в пустоте. Мне нужно лицо, по которому я смогу двинуть.

— Я понимаю, что вы сердитесь. Но заверяю, что никакая опасность вам не грозила. Как вы, должно быть, уже догадались, вы не первый, кто повстречался с этими существами. У меня есть сильная уверенность, что человек, который увидел их первым, решил, что они — русские...

И Лобсанг рассказал Джошуа историю рядового Перси Блэки, восстановленную по записям в дневнике и обрывистым историям, которые слышала удивленная сиделка во французской больнице, куда Перси отвезли после его внезапного возвращения в 1960-х годах.

ГЛАВА 21

Для рядового Перси, который стоял лицом к лицу с бесстрастными поющими незнакомцами в глубине девственного леса, события явно обрели счастливый оборот.

Ну конечно. Это, наверное, русские. Ведь русские сейчас тоже воюют, так? И совсем недавно в окопах ходил номер «Панча», где русских нарисовали... ну да, похожими на медведей.

Его дедушка, тоже Перси, побывавший в плену во время Крымской кампании, охотно рассказывал любопытному мальчику про русских:

— Они воняют, парень, и грязные как черти, по-моему, просто дикари, а иные из них живут черт знает в какой глуши — я таких вообще никогда не видел! Они волосатые, а уж бороды такие, что козу можно спрятать, только, наверное, коза сбежит, потому как ей не понравятся те мелкие обитатели, что кишат в бороде. Но петь они умеют, мальчуган, хоть и воняют, — петь они мастера, еще лучше, чем валлийцы, помяни мое слово, поют они здорово. Но если заранее не знаешь, примешь их за зверей.

И теперь Перси смотрел на толпу волосатых, бесстрастных, но не выказывающих враждебность лиц. Он отважно сказал:

— Я — английский Томми. Ясно? Я на вашей стороне! Да здравствует царь!

Волосатые люди вежливо слушали и переглядывались.

Может быть, они хотели, чтобы он спел еще. В конце концов, мать говорила, что музыка — универсальный язык. По крайней мере, они не взяли его в плен и не пристрелили. Поэтому Перси с большим подъемом исполнил «Типперери», а в финале лихо отдал честь и крикнул: «Боже, храни короля!»

И тут русские неожиданно принялись размахивать в воздухе огромными ручищами и с явным энтузиазмом греметь: «Боже, храни короля». Их голоса раскатывались, как эхо выстрелов в туннеле. Потом они сомкнули косматые башки, как будто совещаясь, и снова запели «Сунь заботы в заплечный мешок».

Правда, на сей раз и заботы и мешок были другими. Рядовой Перси отчаянно силился понять, что же такое он слышит. Да, песня была та же самая, но они исполняли ее, как церковный хор. Отчего-то она, отчужденная от Перси, обрела собственную, хоть и странную жизнь, гармонии переливались и сплетались, как спаривающиеся угри, а затем опять расходились в потоке звуков — и все-таки это был старый добрый «Заплечный мешок». Нет, он стал даже лучше, словно обрел реальность. Рядовой Перси никогда еще не слышал такой музыки, он захо-

пал в ладоши, и русские тоже — в лесу как будто зазвучала тяжелая артиллерия. Они хлопали так же энергично, как и пели. Может быть, даже еще энергичнее.

И вдруг до Перси дошло, что вчерашние раки были закуской, а не обедом. Что ж, если русские ему не враги, может, они поделятся пайком? Под своими меховыми шубами они казались довольно крупными. Стоило попытаться, поэтому Перси потерял живот, недвусмысленно потыкал пальцем в рот и с надеждой взглянул на русских.

Закончив пение, они вновь сгрудились кучкой; до Перси доносился только тихий шепот, похожий на гудение комара — тонкий раздражающий писк, который не дает ночью заснуть. В любом случае, придя к согласию, они опять запели. На сей раз они издавали сплошь свистки и трели, как будто подражали птицам, притом неплохо. Перси различал нотки соловья и скворца, птичья песня лилась как лучший рассветный хор, который он когда-либо слышал. И все-таки его не оставляло впечатление, что русские разговаривают или, точнее, поют — о нем.

Один из лохмачей подошел ближе, под пристальными взглядами остальных, и пропел голосом Перси «Типперери» безошибочно от начала до конца — Перси не сомневался, что это был его собственный голос, даже родная мать бы не отличила. Затем двое русских скрылись в лесу, оставив других невозмутимо сидеть вокруг Перси.

Сев наземь, Перси внезапно почувствовал страшную усталость. Он несколько лет провел в окопах и ни дня — среди мирной зелени. На-

верное, заслужил небольшую передышку. Поэтому Перси выпил несколько пригоршней воды из ручья и, невзирая на присутствие волосатых русских, лег на траву и закрыл глаза.

Он медленно возвращался к реальности.

Рядовой Перси был практичным молодым человеком. А потому, лежа в траве, он в полудреме подумал, что не стоит беспокоиться насчет русских, пока они не пытаются его убить. Как говорили ветераны, «лишь бы сапоги не сперли».

Сапоги! Вот о чем напомнил сонный мозг. Сапоги — это главное. Не забывай о сапогах, а сапоги не забудут о тебе. Он всегда тратил массу времени, размышляя о сапогах.

И тут до рядового Перси, который медленно просыпался, усталый от войны, затерянный во времени и пространстве, дошло, что надо удостовериться, на месте ли ноги, на которые можно натягивать пресловутые сапоги. Бывает, теряешь обе ноги и ничего не чувствуешь, пока не пройдет шок. По крайней мере, так ему объясняли. Например, бедный старина Мак не понял, что ему оторвало ступни, пока не попытался встать. Перси помнил, что расхаживал по лесу — конечно, помнил, — но, возможно, он просто видел сон, тогда как на самом деле лежал в грязи и крови.

Поэтому он осторожно попытался принять вертикальное положение и с облегчением убедился, что, по крайней мере, обе руки у него на месте. Двигаясь потихоньку, он приподнял ною-

щее тело и увидел... да, сапоги! Слава богу, сапоги! И, судя по всему, на ногах, которые, видимо, принадлежали ему и в качестве дополнительного бонуса по-прежнему крепились к туловищу.

Сапоги бывают теми еще плутишками, как и ноги. Как в тот раз, когда сорокафунтовый снаряд ахнул в ящик с боеприпасами и Перси пришлось идти наводить порядок. Сержант притих и был на удивление ласков, когда Перси нашел сапог, лежавший в почернелой грязи, но не нашел никакой соответствующей ноги и потому расстроился. Сержант сказал, похлопав Перси по плечу: «Ладно, парень, поскольку голову ты тоже не нашел, он, наверное, не обидится. Делай, что я тебе сказал, дружище, — ищи платёжные книжки, часы, письма, все, что поможет опознать этих бедолаг. А потом поставь убитых так, чтоб они выглядывали из траншеи. Слышишь, парень, поставь их стоймя. Они, конечно, получают пулю-другую, но, клянусь спасением души, ничего не почувствуют, потому что уже умерли, а на нашу с тобой долю придется чуть меньше свинца. Вот и умница. Хочешь глоточек рома? Для подкрепления сил».

Поэтому, обнаружив ноги, собственные ноги, по-прежнему прикрепленные к нему, рядовой Перси пришел в восторг. Рядовой Перси, известный среди приятелей под кличкой Прыщ, потому что, если человека зовут Перси Блэрни (рифмуется с «кукарекни») и он в двадцать лет не избавился от прыщей, он принимает кличку Прыщ с благодарностью за то, что не придумали

что-нибудь похуже. Перси снова лег и, должно быть, на некоторое время задремал.

Когда он в следующий раз открыл глаза, еще был день и ему хотелось пить. Он сел. Русские сидели вокруг и терпеливо наблюдали. Глаза на заросших лицах, как показалось Перси, смотрели почти ласково.

Видимо, у него понемногу прояснялось в голове. До Перси впервые дошло, что нужно как следует проверить содержимое вещмешка.

Он выложил вещи на траву. И обнаружил, что его ограбили! Исчезла фляга, пропали штык и лезвие саперной лопатки. Более того, каску он тоже не нашел. Перси не помнил, была ли она при нем, когда он проснулся, хотя нашел на шее ремешок от каски. Черт возьми, кто-то забрал даже металлические наконечники шнурков и вытащил из подошв гвозди! Пропало все железное. А главное, хотя фляжка и пропала, кожаный чехол лежал на траве нетронутым — исчезла только металлическая емкость. Осталась на месте платежная книжка, и никого не заинтересовали несколько пенни, валявшихся в мешке, и даже стеклянная бутылка с порцией рома. Какой занятный вор! Он не украл краски — но улетучилась металлическая коробка, в которой лежали тюбики. А главное, кто-то даже не поленился снять металлические ободки с кисточек, так что щетина рассыпалась по дну вещмешка. Но зачем?

А оружие? Перси схватился за пистолет на поясе. Осталась только деревянная рукоятка. Опять-таки, почему? Украсть пистолет — да,

понятно, но нужно изрядно постараться, чтобы воспользоваться пистолетом без рукоятки. Бессмысленно. Но, впрочем, когда это здесь, на западном фронте, здравый смысл хоть кому-то помогал?

Русские молча наблюдали, явно удивленные лихорадочными движениями Перси.

Потихоньку возвращались забившиеся в дальний угол воспоминания.

Рядового Перси назначили в маскировочное подразделение после ранения в ногу. Удивительно, но начальство узнало, что некогда он был чертежником. Армия иногда нуждается в людях, способных не только владеть оружием или не дрогнув принять пулю, но и держать карандаш и выбрать из цветового спектра нужный оттенок, чтобы превратить танк в безобидный стог сена — пусть даже стог сена с выходящей из него струйкой дыма, если ребята решили устроить перекур. Перси радовался передышке. Он носил с собой коробку с красками, чтобы подбирать тона и наносить завершающие штрихи после стандартных щедрых мазков зеленой краской.

Что еще он помнил? Что произошло прямо перед обстрелом? А, сержант распекал новобранца, который носил в нагрудном кармане злополучное Евангелие, из тех, что матери и невесты присылали на фронт в надежде, что святые слова сохранят жизнь их мальчикам. Или, если одних слов недостаточно, металлический переплет сделает то, что не под силу вере. Перси, собирая вещи, чтобы отправиться на очередное задание, видел, как раскраснелся сержант, ко-

торый размахивал книжкой перед носом парня и вопил: «Ах ты, чертов, чертов идиот, твоя дура матушка что, никогда не слышала о шрапнели? У нас тут был один сапер, отличный парень, он тоже носил дурацкую железную Библию, и в нее попала пуля, да так, что у него сердце из груди вылетело!»

И тут гневную тираду грубо прервал обстрел. Но почему смущенный новобранец и сержант исчезли в белой вспышке от разрыва снаряда, упавшего совсем рядом с Перси, который сидел сейчас в этом благословенном месте, в компании добродушных русских и слушал чудесное пение птиц? В глубине души Перси знал, что никогда не получит ответ на свой вопрос.

Значит, лучше и не спрашивать.

Русские, сидя на траве, терпеливо наблюдали за ним, пока он пытался выбраться из черной ямы в собственном сознании.

Когда вернулись двое русских охотников, один тащил только что убитого оленя, большую обмякшую тушу, причем без особых усилий.

Более слабый духом человек смутился бы, если бы рослый косматый русский бросил прямо перед ним оленью тушу, но в своем быстро промелькнувшем отрочестве рядовой Перси браконьерствовал, затем несколько лет голодал на фронте, а потому думал исключительно об одном. Разделить тушу без единого кусочка железа было нелегко, но в мешке нашелся тонкий латунный крючок для застегивания пуговиц,

подошедший в качестве подручного средства. Также Перси разбил бутылку, содержащую остатки рома, и обзавелся еще несколькими импровизированными лезвиями.

Его смутило, что русские ели голыми руками. Они тщательно извлекали оленье легкое, печень и прочее, что Перси всю жизнь незамысловато именовал «кишками», и засовывали в рот, но он снисходительно подумал, что этих бедолаг, видимо, никто не учил хорошим манерам. Он не видел здесь никакого железа и тем более никаких винтовок, чему немало удивлялся. В конце концов, русские ведь сражались на стороне англичан, так? Значит, у них должно быть хоть какое-нибудь оружие, ведь что такое солдат без оружия?

И тут для рядового Перси забрезжил свет. Разумеется, кто-нибудь мог назвать *его* дезертиром, хотя бог свидетель, он сам не знал, что с ним случилось. А что, если эти русские — дезертиры? Они бросили оружие и оставили себе только огромные косматые шубы. Если так, зачем Перси беспокоиться? Пусть волнуются они и их царь.

Поэтому он взял кусок оленины, дипломатично отошел подальше, чтобы не наблюдать застольные манеры русских, собрал сухой травы, наломал веточек с полусгнившего упавшего дерева и истратил еще одну драгоценную спичку, чтобы развести костер.

Спустя пять минут, пока жарилось мясо, косматые сидели вокруг рядового Перси, как вокруг короля.

А потом они вместе шагали прочь, распевая на ходу, и Перси потчевал своих новых друзей всеми мюзик-холльными песенками, какие только знал.

ГЛАВА 22

— Откуда вы это знаете, Лобсанг?

— Про рядового Перси? В основном из «Паранормальных известий». В декабре 1970 года там поместили статью о некоем старике в старинной британской солдатской форме, которого за несколько лет до того привезли в одну французскую больницу. Он пытался общаться свистом. Если верить армейской платежной книжке, которая нашлась у него в кармане, он был рядовым Перси Блэки из Кентского полка, пропавшим без вести после битвы при Райми-Ридж. Так или иначе, он вернулся сытым и в здравом уме, хоть и изрядно озадаченным, а вдобавок сильно пострадавшим: старика переехал трактор. За рулем сидел фермер, который и доставил беднягу в больницу. Полиции фермер заявил, что этот тип стоял посредине поля, как будто раньше никогда не видел трактора, и он просто не успел вовремя затормозить. Несмотря на все усилия врачей, Перси умер от полученных травм. Какая ирония судьбы! Но незадолго до того одна из сиделок, говорившая по-английски, услышала от пациента примерно следующее: «В конце концов я сказал русским, что хочу вернуться и посмотреть, как там дела

на фронте. Они славные парни, они отправили меня обратно. Отличные ребята, очень любили петь, такие добрые...» И так далее. Поскольку незнакомец был одет в лохмотья британской военной формы и говорил о каких-то русских, в целях безопасности пришлось обратиться в жандармерию и начать следствие. Британский легион подтвердил, что некий Перси Блэки действительно участвовал в сражении при Вими и пропал без вести после бомбардировки. Похоже, никто и не пытался официально объяснить, отчего его платежная книжка внезапно оказалась несколько десятилетий спустя в руках загадочного бродяги, который ныне покоится на кладбище в Центральной Франции.

— Но у вас, я вижу, объяснение есть.

— И, кажется, вы меня понимаете, Джошуа.

— Он перешел? И оказался в лесу с русскими?

— Возможно, — ответил Лобсанг, — или же один из троллей случайно попал в траншею и забрал с собой Перси.

— Троль?

— Этот мифологический термин лучше всего описывает встреченные нами существа, если экстраполировать его за пределы легенд, которые, несомненно, возникли на основании еще более ранних встреч с подобными созданиями — созданиями, которые заглядывали в наш мир лишь затем, чтобы исчезнуть вновь, не достигнув понимания. Истоки легенды... слово, которое уже вошло в обиход в некоторых районах Долгой Земли, Джошуа. Перси был не единственным.

— Значит, вы рассчитывали обнаружить этих... переходящих гуманоидов?

— Я произвел логическую экстраполяцию. И после рассказа Перси ожидал услышать пение. Подумайте сами. Люди умеют переходить, а шимпанзе нет — для проверки проводились эксперименты. Но, возможно, наши человекообразные родственники в прошлом — или, скорее, их современные потомки — могли, а точнее, *могут* переходить. Почему бы нет? Обнаружив эти существа так быстро, мы, разумеется, достигли важной цели. И мы вправе ожидать — или, по крайней мере, надеяться, — что по пути встретим еще немало подобных групп. Какой интеллектуальный прорыв, Джошуа!

— Значит, они много лет удерживали Перси живым?

— Похоже на то. Так называемые «русские» обнаружили Перси, блуждавшего по Франции, в которой не было ни одного француза, и десятилетиями заботились о нем. Возможно, на протяжении нескольких поколений. Что примечательно. Насколько я понимаю, он так и не узнал правды о своих новых друзьях. Но, вероятнее всего, Перси никогда не видел иностранцев, прежде чем отправился воевать во Францию. Этот молодой неграмотный англичанин, наверное, заранее был готов поверить в то, что любой иностранец выглядит странно. Почему бы русским и не походить на больших косматых обезьян? Большую часть жизни рядовой Перси странствовал вместе с «русскими» по спокойному, покрытому лесами и водоемами миру, где его

кормили мясом и овощами и окружали заботой, пока в один прекрасный день он не дал понять — хотя я не знаю, как он с ними общался, — что хочет вернуться туда, откуда пришел.

— Песни бывают очень выразительны, Лобсанг. Можно выразить тоску по дому в песне.

— Не исключено. И, как мы сами убедились, они хорошо заучили песни Перси. Возможно, тролли передавали их из поколения в поколение или даже от племени к племени. Как интригующе. Нужно узнать побольше о социальной жизни этих созданий. И в конце концов тролли, как добрые феи, вернули его обратно, во Францию, но, к сожалению, не в ту эпоху, когда одни люди расчленили других при помощи взрывчатых веществ.

Сквозь синюю дверь в дальнем конце палубы вошел передвижной модуль и без запинки, довольно-таки зловещим образом принял эстафетную палочку беседы у своего бесплотного двойника.

— У вас есть еще вопросы, Джошуа?

— Я читал про ту войну. Она не так уж долго шла. Почему Перси не вернулся раньше?

Автомат положил холодную руку на плечо Джошуа.

— А вы бы вернулись? Это был жестокий, бесчеловечный конфликт. Война, которая превратилась в мясорубку для молодых людей. Жестокою и беспощадною. Думаете, ему хотелось возвращаться? И не забывайте, Перси сам не знал, что умеет переходить. Он и правда думал, что его занесло в отдаленную часть Франции.

И потом, «русские» были просто счастливы, познакомившись с ним. Подозреваю, дружбу укрепили песни. Перси утверждал, что они просто обожали слушать, как он поет. Он научил «русских» всем песням, какие знал, — и вы, Джошуа Валиенте, слышали одну из них сегодня. Итак, состоялась первая наша полевая практика. Предлагаю провести оперативное совещание. Вы думаете, что я подверг вас опасности, не так ли? Пожалуйста, поверьте, я бы не стал рисковать. Это, кроме прочего, не в моих интересах.

— Оказывается, вы заранее знали, с чем нам предстояло столкнуться. Так сложно было предупредить?

— Да, согласен. Нужно выработать некоторые правила общения. Послушайте, наше эпическое путешествие едва началось, мы почти не знаем друг друга. Может быть, как-нибудь потусим вместе?

Иногда остается лишь немо смотреть в пустоту. Робот сказал «потусим»! Джошуа, разумеется, знал слово «тусить», пусть даже потому лишь, что сестра Агнес приходила в ярость каждый раз, когда слышала его. Эти вспышки трудно было назвать страшными — сестра Агнес почти не произносила бранных слов, не считая «республиканца» (страшное ругательство в ее устах) — и, разумеется, ничем не швырялась. Во всяком случае, ничем тяжелым или таким, что могло бы повредить. Но выражения типа «тусить» приводили сестру Агнес в бешенство. «Безобразные, корявые слова! Лишенные всякого смысла! Они означают что угодно по ва-

шему желанию, а в конце концов, уже *ничего!* Никакой *точности!*» Джошуа помнил тот день, когда по телевизору кто-то сказал «зашоренное мышление». Некоторые дети попрытались, предчувствуя взрыв.

Потусить. С Лобсангом.

Джошуа посмотрел на ненастоящее лицо робота. Оно выглядело почему-то усталым или подавленным, насколько можно было разгадать его выражение.

— Вы когда-нибудь спите, Лобсанг?

На лице появилась обида.

— Во всех моих компонентах заложен цикл бездействия, когда за работу берутся вспомогательные системы. Я полагаю, это сродни сну. Вижу, вы хмуритесь. Я дал неудовлетворительный ответ?

Джошуа слышал негромкие шумы корабля, органические потрескивания и поскрипывания, гул разнообразных систем. Лобсанг непрерывно работал. Как чувствует себя тот, кто постоянно находится в полном сознании? Как если бы Джошуа пришлось контролировать каждый вдох, который он делал, или каждый удар сердца. А Лобсанг, несомненно, должен был контролировать переходы — продукт сознания.

— Вас что-то беспокоит, Лобсанг?

Искусственное лицо расплылось в улыбке.

— Да, конечно. Меня беспокоит все, особенно то, что я не знаю и чем не могу управлять. В конце концов, знать — моя работа, мое задание, смысл существования. Впрочем, психически я совершенно здоров. Полагаю, это нуж-

но прояснить. Велосипеда у нас, пожалуй, нет, но, полагаю, я сумел бы за час-другой создать достаточно быстрый тандем... Вижу, вы не понимаете, о чем я говорю? Завтра мы попробуем кино, и первым будет «2001». Нужно пополнить ваше образование, Джошуа.

— Если допустить, что вы действительно человек, со всеми человеческими слабостями... вы когда-нибудь утомляетесь? Если да, то, наверное, вам было бы полезно иногда отдыхать от самого себя. Конечно, давайте вместе потусим, только не выдавайте меня сестре Агнес. — Джошуа вдруг посетила странная мысль. — А драться вы умеете?

— Джошуа, я способен опустошить целые области.

— Нет, я имею в виду на кулаках.

— Объясните.

— Ну, легкий спарринг поддерживает человека в тонусе. Мы, мужчины, иногда деремся, просто чтобы не утратить хватку, ну, понимаете. Даже если побить боксерскую грушу, и то почувствуешь прилив бодрости. И потом, бывает весело. Что скажете? Это очень по-человечески. Отличный шанс исследовать реакции вашего искусственного тела.

Немедленного ответа не последовало.

— Эй, ну так что?

Лобсанг улыбнулся.

— Извините. Я смотрел «Грохот в джунглях».

— Вы — что?

— Да, поединок между Джорджем Форманом и Мохаммедом Али. Я провожу исследо-

вание, Джошуа. Вижу, Али выиграл, прибегнув к хитрости, поскольку был старше и опытнее. Превосходно.

— Вы хотите сказать, что в каком-то портативном хранилище памяти у вас записаны все боксерские матчи, какие только шли по телевизору?

— Да, разумеется. А почему бы нет? Предвосхищение и экстраполяция. Я уже начал создание двух пар тренировочных перчаток, одинаковых платков, шортов, капп, просто приличия ради, и одной пластиковой защиты для ваших половых органов.

Джошуа услышал шум, поднявшийся в мастерской, и, не в силах забыть о защите своих половых органов, сказал:

— «Грохот в джунглях» — это не дружеский поединок, Лобсанг. Скорее маленькая война. Я несколько раз видел запись. Сестра Симплисити иногда смотрит лучшие матчи. По-моему, она равнодушна к большим потным мужчинам...

— Одновременно я изучил правила спарринга, — перебил Лобсанг, вставая. — За две миллионных доли секунды, если быть точным. Прошу прощения, я кажусь хвастуном?

Джошуа вздохнул.

— Честно говоря, я решил, что вы преувеличиваете шутки ради.

— Прекрасно. Именно на это я и рассчитывал.

— А вот теперь вы хвастаетесь.

— Давайте признаем, что мне есть чем похвастать, не так ли? Прошу прощения...

Лобсанг зашагал прочь. Когда Джошуа впервые увидел передвижной модуль, он двигался рывками, довольно искусственно. С тех пор Лобсанг обзавелся пластикой атлета. Он явно верил в самосовершенствование. Лобсанг отсутствовал несколько минут, после чего появился в толстом белом халате и протянул Джошуа пакет. Джошуа повернулся спиной и начал переодеваться.

Лобсанг процитировал:

— Спарринг. Здоровый способ сохранять форму и в то же время тренировать некоторые участки мозга, ответственные за наблюдение, дедукцию и предвидение. Наконец, спарринг воплощает дух честной игры. Предлагаю сразиться по правилам, придуманным специально для тренировок, а не настоящей драки, которые сформулировал в 1891 году бригадный генерал Хаусман. Который, спешу заметить, вскоре случайно получил смертельную рану в голову от одного из своих солдат в Судане. Несчастный случай, от которого не спасет никакой спарринг. Ирония судьбы. После чего я обнаружил еще несколько тысяч отсылок к данному виду спорта. Честное слово, Джошуа, вы проявляете похвальную скромность, поворачиваясь ко мне спиной, чтобы надеть шорты, хотя это не так уж обязательно.

Джошуа повернулся — и увидел нового Лобсанга. Под халатом, прикрытое боксерской майкой и трусами, оказалось тело, способное напугать Арнольда Шварценеггера.

— А вы подошли к делу серьезно, да, Лобсанг?

— В каком смысле?

— Забудьте. Так, — сказал Джошуа. — Нужно стукнуться перчатками, отступить на шаг, а потом мы начнем...

Он взглянул в иллюминатор, за которым мелькали миры.

— А за «Марком Твеном» не нужно присматривать? Мне как-то не по себе при мысли о том, что мы здесь будем обмениваться ударами, а корабль — переходить вслепую.

— Ни о чем не беспокойтесь. У меня есть автономные модули, которые позаботятся о корабле, пока мы заняты. И, кстати говоря, сам Марк Твен счел бы эту ситуацию как нельзя более уместной. Расскажу потом, когда выиграю. Ну что, потанцуем?

Джошуа не удивился, обнаружив, что сохранил неплохую форму. В конце концов, на Долгой Земле ты или сохраняешь здоровые рефлексy, или умираешь. Он, казалось, чаще доставал перчаткой до Лобсанга, чем наоборот. Отражая очередной удар, Джошуа спросил:

— Вы, кажется, деретесь вполсилы, Лобсанг.

Они разошлись, и противник ухмыльнулся.

— Мне ничего не стоит убить вас одним ударом. При необходимости мои руки могут работать как копер.

Он осторожно уклонился от пробной атаки Джошуа.

— Поэтому я позволяю вам нанести удар первым, чтобы прикинуть силу, необходимую для ответа. Я дерусь с вами на вашем собственном уровне, но, к сожалению, не с вашей ско-

ростью, которая, подозреваю, изначально выше моей благодаря феномену мышечной памяти — воплощенное познание, мышцы как часть общего интеллекта. Просто удивительно. Я намерен отобразить это в личной анатомии и сделать процесс обработки данных более рассредоточенным, когда примусь за создание улучшенного варианта модуля. Вы, Джошуа, на удивление ловко умеете обманывать противника, даже с вашими ограниченными невербальными способностями. Поздравляю.

И по заслугам, потому что в этот момент Джошуа нанес удар прямо в середину мощной груди.

— Не знаю, как насчет Тибета, но у нас есть старая поговорка: «Когда дерешься, не болтай».

— Да, конечно, вы правы. Драться нужно, вкладываясь всем сознанием.

И внезапно кулак оказался у Джошуа ровно между глаз. Удара не было; Лобсанг остановил руку с пугающей точностью, и Джошуа лишь почувствовал легкое давление в носу.

Лобсанг сказал:

— Одно подходящее тибетское изречение так есть. «Не стой слишком близко к тибетцу, который рубит дрова». Вы слишком медлительны, Джошуа. Но, возможно, вы сможете еще некоторое время побеждать меня хитростью, пока я не превзойду ваши способности. Я нахожу это упражнение оздоравливающим, воодушевляющим и весьма познавательным. Продолжим?

Джошуа, тяжело дыша, вновь взялся за дело.

— Вам действительно нравится? Хотя я, признаться, ожидал, что вы, с вашим прошлым, выкинете что-нибудь этакое в стиле кун-фу.

— Вы смотрели не те фильмы, друг мой. Не забывайте, что я чинил мотоциклы. Я лучше разбираюсь в механике и электронике, чем умею размахивать руками и ногами. Однажды я прикрепил индуктор над дверью мастерской, и сосед, который регулярно ходил ко мне воровать детали, получил серьезный разряд. Что-то вроде немедленной кармы. И это был единственный случай, когда я кого-то унизил. Не потребовалось никакого кикбоксинга.

Они опять разошлись.

Лобсанг сказал:

— А вы, мой друг, сейчас помогаете мне воссоздавать ситуацию из жизни Марка Твена, который, если верить автобиографической «Жизни на Миссисипи», однажды подрался в рубке парохода, идущего полным ходом, с другим лоцманом за то, что тот тиранил ученика. Марку Твену то и дело приходилось прерывать поединок, чтобы удостовериться, что пароход идет нужным курсом. Точно так же, как я веду наш корабль сквозь миры, даже когда мы деремся. Учитывая жизнерадостную склонность Твена приукрашивать любое событие, я сомневаюсь, что это чистая правда, но все-таки восхищаюсь им, потому и окрестил корабль в его честь. На самом деле он хотел назвать свою книгу «Путь на запад», но Уильям Вордсворт, увы, успел первым. Старый классик из Озерного края, отличный поэт, но «путешествие на

«Вордсворте» звучит как-то странно, вам так не кажется?

Джошуа ответил:

— У Вордсворта есть удачные места, если верить сестре Джорджине. «Исполнен вечер истинной красоты, святое время тихо, как черница...»

— «...проникнутая благостью; садится светило дня, как в облаке росы»¹. Знаю, конечно. Очень уместно. Мы сражаемся и на стихах, Джошуа?

— Заткнись и дерись, Лобсанг.

ГЛАВА 23

Когда они закончили, миры уже озарялись закатным солнцем.

Джошуа принял душ, размышляя над всеми значениями и смыслами слова «странный». Боксировать как лоцман девятнадцатого века с искусственным человеком, пока внизу мелькают бесчисленные Земли... Неужели жизнь способна принять еще более причудливый оборот? Не исключено, смиренно подумал Джошуа.

Ему начинал нравиться Лобсанг, хотя он сам не знал почему. До сих пор он не знал толком, что представлял собой его спутник. Лобсанг был странным, это несомненно. Но, в свою очередь, многие люди считали как минимум странным Джошуа.

Он вытерся, натянул чистые шорты и свежую футболку с надписью «Не волнуйся, в другом

¹ Пер. В. Топорова.

мире это уже произошло» и вернулся в салон. Пустые каюты, мимо которых Джошуа проходил, нервировали его; «Марк Твен» походил на корабль-призрак, а сам Джошуа на первое и, возможно, последнее привидение на нем.

Он зашел на кухню, и там уже стоял Лобсанг в черном комбинезоне, неподвижный, как статуя.

— Ужинать, Джошуа? По результатам предварительного кладистического анализа, твой лосось, строго говоря, не лосось, но для гриля сойдет. У нас есть все необходимые специи. И так называемые заправки, о которых, держу пари, ты никогда раньше не слышал.

— Заправки — это такие штуки, которые дополняют главную составляющую блюда и по крайней мере традиционно должны произрастать по соседству с упомянутой составляющей. Например, хрен в скотоводческих областях. Я впечатлен, Лобсанг.

Лобсанг явно был приятно удивлен.

— Ну, если на то пошло, я тоже. Учитывая тот факт, что я подтвержденный гений с доступом ко всем когда-либо опубликованным словарям. Могу я поинтересоваться, как ты познакомился с этим архаичным словом?

— Сестра Серендипити — мировой специалист по истории кулинарии. В частности, у нее есть книжка какой-то Дороти Гартли под названием «Английская еда». Серендипити знает ее наизусть. Она может приготовить отличный обед из ничего. Она научила меня жить на подножном корме.

— Весьма примечательно, что женщина с такими талантами посвящает жизнь детям, обремененным судьбой. Притом с полной самоотдачей...

Джошуа кивнул.

— Да. Возможно, дело в том, что ее разыскивает ФБР. Поэтому она редко выходит на улицу и спит в подвале. Сестра Агнес говорит, это ошибка, и вообще, пуля разминулась с сенатором на целую милю. Ну, они, конечно, по-малкивают.

Лобсанг заходил туда-сюда по палубе, изящно поворачиваясь возле переборки, как часовой.

Джошуа принялся разделявать лосося, но бесконечные шаги и скрип половиц действовали ему на нервы. Когда Лобсанг прошел мимо в двадцатый раз, Джошуа сказал:

— Если помнишь, так делал капитан Ахав. И знаешь, что с ним случилось? О чем ты думаешь, Лобсанг?

— О чем я думаю! Практически обо всем на свете! Хотя должен признать, что небольшая физическая разрядка, а именно наш спарринг, действительно творит чудеса в отношении познавательных процессов. Я сделал очень человеческое наблюдение, правда?

И он продолжал ходить туда-сюда.

Наконец квазилоסף оказался в духовке под наблюдением Джошуа.

Лобсанг перестал ходить.

— Ты хорошо умеешь сосредоточиваться. Не обращаешь внимания на помехи. Очень полезный навык, он способствует спокойствию духа.

Джошуа не ответил. За окном блеснул свет — среди бесконечных евразийских равнин мелькнул далекий вулкан, чтобы исчезнуть в мгновение ока, как только «Марк Твен» перешел.

Лобсанг сказал:

— Послушай, Джошуа. Давай поговорим о прирожденных Путниках, таких как ты.

— И рядовой Перси?

— Ты спросил о моих исследованиях. С самого Дня перехода я пытался постичь различные аспекты этого необычайного нового феномена. Например, я разослал исследователей во всему миру, чтобы изучить пещеры, в которых жили первобытные люди. Ученые получили задание осмотреть аналогичные пещеры в ближайших мирах в поисках признаков живых существ. Предприятие было дорогостоящее, но оно принесло несомненные плоды, потому что мои ученые быстро обнаружили в пещере близ Шове, в последовательной Франции, в числе прочих вещей наскальную роспись. Точнее, эмблему кентского полка времен Первой мировой войны, причем воспроизведенную с достаточной точностью.

— Рядовой Перси?

— Да. Во всяком случае, я уже знал о нем и его подвигах. Но потом в последовательной версии Чедар-Горж, в Сомерсете, мои неутомимые исследователи обнаружили полный скелет мужчины средних лет, которому принадлежали окаменевшая бутылка сидра, несколько монет и золотые часы производства середины восемнадцатого века, от которых остались только золо-

тые и латунные детали. В пещере было сыро, но сохранились сапоги, которые слегка блестели, как и сам бедолага, благодаря тонкой пленке карбоната кальция, накапавшей с потолка. Интересно, что сапожных гвоздей и металлических наконечников шнурков мы нигде не нашли. Я рисую тебе общую картину, Джошуа.

— Довольно мрачную.

— Терпение. Вот что самое интересное в данном конкретном случае. Труп был обнаружен лишь потому, что лежал, просунув пальцы одной руки в маленькую щель внизу стены. Мои агенты нашли упомянутого джентльмена, когда исследовали пещеру на нижнем ярусе. Они увидели кости, торчащие из потолка, как будто пленник безнадежно пытался расширить крошечное отверстие. Очень в духе Эдгара Аллана По, не правда ли? Разумеется, они прорыли ход из нижней пещеры, а остальное можешь себе представить. Этот человек оказался отъявленным вором и бродягой, известным среди местных под кличкой Пасха.

— Он перешел? — спокойно спросил Джошуа. — Держу пари, что других входов в пещеру не было...

На мгновение он представил себе, как ледяная вода стекала в темноте по окровавленным пальцам, пока человек пытался выбраться из пещеры, похожей на гроб...

— Наверное, он изрядно выпил. Сестра Серендипити как-то рассказывала, что сомерсетский сидр готовили из свинца, яблок и опилок. Он заблудился, перешел, оказался в маленькой

пещере, не понял, что случилось, и, разумеется, еще больше растерялся. Он пытался выбраться, ударился головой, потерял сознание... Я прав?

— Абсолютно. Череп действительно слегка поврежден, — ответил Лобсанг. — Неприятная смерть. Хотел бы я знать, сколько еще людей оказались в ловушке, прежде чем успели понять, что произошло. Прирожденные Путники, Джошуа. История Базовой Земли полна ими, главное — уметь искать. Таинственные исчезновения. Таинственные появления. Загадки запертых комнат. Превосходный пример — Томас Рифмач, шотландский пророк, который, по легенде, поцеловал королеву эльфов и покинул этот мир. В позднейшие времена множество случаев запечатлено в научной литературе и среди разведанных, разумеется.

— Разумеется.

— Ты необычный человек, Джошуа, но не уникальный.

— Отчего ты говоришь мне об этом сейчас?

— Потому что не хочу, чтобы между нами оставались секреты. А еще я собираюсь ступить на опасную почву. Рассказать тебе о твоей матери.

«Марк Твен» двигался на запад почти бесшумно, не считая легких хлопков вытесняемого воздуха.

Джошуа осторожно отвернулся от пышущей жаром рыбины и спросил как можно спокойнее:

— А что ты знаешь о моей матери? Сестра Агнес рассказала мне все, что было.

— Сомневаюсь, потому что она сама не знала историю до конца. А я знаю. И эта история, позволь заметить, в общем и целом позитивная и вдобавок объясняет множество вещей. Думаю, тебе было бы небесполезно. Но если ты скажешь, я выкину эту идею из головы. То есть сотру из памяти навсегда. Выбор за тобой.

Джошуа вновь переключился на рыбу.

— Ты правда думаешь, что я сказал бы: «Не надо, молчи»?

— Прекрасно. Ты, конечно, знаешь — или, по крайней мере, догадываешься, — что сестра Агнес оказалась во главе Приюта в первую очередь в результате случившегося. Я имею в виду скандальные обстоятельства, сопутствовавшие твоему рождению. По сравнению с этим событием изгнание торговцев из храма — просто разве-селый мальчишник. Я видел документы, поверь; и я сомневаюсь, что целый конклав кардиналов теперь рискнет отнять у Агнес ее должность. Она знает всю подноготную. И более того... Твоя мать была очень молода, когда забеременела. Слишком молода. Очевидно, Приют недо-смотрел. Кстати, твой отец неизвестен даже мне.

— Я знаю. Мария не назвала его имени.

— При старом порядке вещей ее жизнь представляла собой каждодневное покаяние. Соответствующие письменные показания относительно того, каким образом это происходило, хранятся в личном сейфе сестры Агнес — а также, разумеется, в моих папках, ожидая подходящего времени, чтобы выйти на свет. Этот порядок был совершенно неприемлем в совре-

менную эпоху — точнее, он был неприемлем в любую эпоху, но некогда его терпели.

Джошуа взглянул на Лобсанга и бесстрастно произнес:

— Я знаю, что кто-то забрал у Марии браслет. Пустяковая штучка, но его подарила ей мать. Больше у нее ничего своего не было. Так сказала сестра Агнес. Наверное, браслет отняли из суеверия или что-то такое.

— Они правда так считали, да. Хотя к суевериям примешалась изрядная доля мелочной жестокости. Мария в тот момент донашивала ребенка. Да, инцидент вроде бы пустяковый, но она не выдержала. В самое неподходящее время. Поэтому в тот же вечер, когда начались схватки, Мария попыталась сбежать из Приюта, перепугалась и... перешла. И тут ты появился на свет. Точнее, она перешла дважды. Она родила тебя и вернулась на Базовую Землю, оказавшись на обочине возле Приюта, где ее обнаружила сестра Агнес. Она пыталась успокоить девушку, потому что Мария находилась в ужасном состоянии. А потом она поняла, что натворила, и перешла обратно. Вернувшись, она принесла с собой младенца, завернутого в розовый свитер из ангорки, и вручила ошеломленной сестре Агнес, которая даже не поняла, что случилось. Лишь в День перехода, когда переходить стали все подряд, до сестры Агнес дошло. Мария умерла, Джошуа, — умерла от послеродового кровоизлияния. Мои соболезнования. Сестра Агнес не смогла ей помочь при всем своем про-

ворстве. Таким образом, друг мой, твой случай уникален, потому что в момент рождения, хотя бы на минуту, ты с гарантией оказался единственным человеком во Вселенной. В полном одиночестве. Интересно, как это повлияло на твое младенческое сознание.

Джошуа, всю жизнь создававший далекое и торжественное присутствие Тишины, тоже об этом размышлял. «Мое чудесное рождение», — подумал он.

Лобсанг продолжал:

— Ну что? Ты ведь знал не все, да? Ты теперь лучше понимаешь самого себя?

Джошуа уставился на него.

— Рыбу нужно вынуть, пока не пережарилась.

Лобсанг молча наблюдал за Джошуа, который уписывал внушительный кусок рыбы, жаренной с тонко нарезанным репчатым луком (шалота на борту не нашлось), зелеными бобами и соусом, состав которого даже сверхчуткий нос Лобсанга не распознал до конца, хотя, несомненно, там было много фенхеля. Он смотрел, как Джошуа методично мыл и вытирал до блеска разнообразную утварь и приводил кухню в порядок, который вполне можно было назвать армейским.

Он видел, что до Джошуа доходит. Реальность постепенно захлестывала его, как прилив.

Лобсанг негромко сказал:

— У меня тут кое-что есть. Полагаю, твоя мать хотела бы, чтобы эта вещь досталась тебе.

Он извлек что-то маленькое, завернутое в мягкую бумагу, и осторожно положил на сиденье, одновременно загружая в память множество известных трудов по преодолению последствий потери и в то же время не забывая проверять, как работают системы корабля.

Джошуа осторожно открыл сверток. Внутри лежал дешевый — но бесценный — пластмассовый браслет.

Тогда Лобсанг оставил Джошуа одного.

Он зашагал по кораблю, в очередной раз удивляясь тому, как ходьба стимулирует мыслительный процесс. Бенджамен Франклин был прав. Видимо, телесное познание — один из аспектов обладания телом. Феномен, который ему надлежало изучить — или вспомнить. Свет за спиной мерк, по мере того как корабль переходил на ночной режим.

Дойдя до рулевой рубки, Лобсанг открыл иллюминатор, наслаждаясь морозным свежим воздухом миров, омывающим нанодатчики, вживленные в искусственную кожу, и взглянул на Долгую Землю при свете многочисленных лун. Сам по себе ландшафт редко менялся всерьез — очертания холмов, русла рек... но время от времени какой-нибудь действующий вулкан озарял небо, или в темноте пылал подожженный молнией лес. Луна, солнце, базовая геометрия Земли служили неподвижной сценой для бесчисленных, вечно меняющихся форм жизни

в бегущих мимо мирах. Но даже лунный свет не везде был одинаков. Лобсанг внимательно наблюдал за Луной и замечал, как потихоньку менялся знакомый древний лик, пока корабль пересекал мир за миром. В то время как лавовые моря оставались прежними, в каждой реальности на поверхность Луны падала иная последовательность случайных метеоритов, оставляя иной узор кратеров и трещин. Рано или поздно, подумал Лобсанг, они должны оказаться в мире, где Луны нет вообще. В конце концов, Луна сама по себе — случайность, результат хаотических столкновений в период формирования Солнечной системы. Отсутствие Луны где-то в отдаленном мире было неизбежно; оставалось лишь подождать, как и с массой других случайностей, которые он предвидел.

Лобсанг многое понимал. Но чем дальше они уходили, тем сильнее его беспокоила тайна Долгой Земли. Ручные профессора в Трансземном институте говорили о Долгой Земле как о некоем конструкте из области квантовой физики, потому что научные термины такого рода, казалось, рисовали верную картину. Но Лобсанг постепенно начал думать, что картина ошибочна, более того, эксперты промахнулись с галереей, и Долгая Земля гораздо сложнее. Он чего-то не знал, а Лобсанг терпеть не мог *не знать*. В тот вечер он понял, что будет тревожиться, пока луны не закатятся... а потом взойдут солнца и настанет время для повседневных дел, то есть, в случае Лобсанга, для нового беспокойства.

ГЛАВА 24

На следующий день Джошуа почти застенчиво спросил у Лобсанга про других прирожденных Путников, таких, как он сам и его мать.

— Мне нужны не легенды, а современные примеры. Я уверен, что у тебя масса материала.

И Лобсанг рассказал Джошуа историю Джареда Оргилла, одного из первых прирожденных Путников, привлечших внимание властей.

Они всего лишь играли в «Джека-в-ящике» — так эту игру называли в Остине, штат Техас, хотя по всей планете дети независимо друг от друга придумывали различные ее варианты и уйму названий. В тот день очередь быть Джеком выпала десятилетнему Джареду Оргиллу.

Они — Джаред и его приятели — нашли старый холодильник на свалке. Огромный кусок нержавеющей стали, лежавший на боку посреди мусора. «Похоже на гроб для робота», — сказал Дебби Бейтс. Когда они вытащили изнутри полки, ящики и остальное, места оказалось более чем достаточно для одного из них.

Джареда никто не заставлял лезть в холодильник, хотя родители впоследствии утверждали обратное. На самом деле он даже готов был драться за это право. Джаред отдал мобильник Дебби — телефоны они никогда не брали с собой, — забрался внутрь и улегся. В холодильнике было неудобно, всякие углы и выпуклости врезались в бока, и вдобавок пахло какой-то

химией. Когда друзья захлопнули большую тяжелую крышку, небо и ухмыляющиеся лица исчезли. Джаред не волновался, зная, что это лишь на пару минут. Некоторое время он слышал скрежет и шум, пока остальные занимались обычным делом — наваливали мусор на крышку холодильника, чтобы прижать ее плотнее.

Потом настала тишина, за ней вновь последовало царапанье, и холодильник закачался. Ребята придумали, как замуровать Джареда понадежнее. Им понадобилась минута, чтобы взяться за дело дружно, но вскоре они выстроились в ряд и принялись толкать увесистый холодильник, с каждым рывком раскачивая его все сильнее. Наконец он перекатился и свалился дверцей вниз, прижав ее к земле собственной тяжестью. Джаред, изрядно поколотившись о стенки, упал ничком на внутреннюю сторону дверцы... и услышал хруст. Переходник, висевший у мальчика на поясе, представлял собой просто пластмассовую коробку, полную разнородных деталей и привязанную к ремню веревкой. Довольно хрупкая штука.

Игра заключалась в том, чтобы прождать пять минут, десять... или даже час. Сидевший в «ящике», разумеется, не мог определить время. Потом он должен был перейти на «Запад-1» или «Восток-1», сделать шаг в сторону от холодильника и вернуться обратно — ура, вот он, Джек-из-ящика.

Но Джаред раздавил собственный Переходник.

Возможно, прибор еще работал, но мальчик не спешил проверять. Он не хотел показаться

трусом, выскочив слишком быстро. А еще он не желал знать наверняка, что Переходник сломан и он в ловушке.

Джаред не знал, сколько времени прошло. В холодильнике стало жарко и душно. Может быть, десять минут. Или больше.

Он нащупал скользящий рычажок Переходника, закрыл глаза и нажал. Ничего не изменилось, вокруг была душная тьма. Мальчика охватил страх. Он дернул переключатель в другую сторону. Опять никаких результатов. Джаред тянул рычажок туда-сюда, пока тот не сломался в руках. Он с трудом удержал крик, перевернулся на спину и заколотил в крышку гроба.

— Помогите! Ребята! Вытащите меня! Дебби! Мак! Помогите! Вытащите меня!

Он лежал, прислушивался и ждал. Ничего.

Джаред знал, как поступят друзья, потому что сам бы поступил точно так же. Ребята подождут несколько минут, полчаса, час или даже больше. Потом испугаются, что случилась беда, и врассыпную бросятся по домам. Они проболтаются старшим, и в конце концов все поедут на свалку. Папа будет орать, требуя показать ему, где проклятый холодильник, он сгребет хлам с крышки голыми руками...

Проблема заключалась в том, что могло пройти несколько часов. Воздух в холодильнике уже начал становиться густым, приходилось напрягаться, чтобы дышать. Джаред запаниковал. Он теребил обломки Переходника, пока они не рассыпались у него в руках. Мальчишка

закричал, заколотил в дверцу изнутри, намочил штаны. Потом начал плакать.

Наконец, измученный, он лег и пощупал в темноте остатки Переходника — картошка, провод питания, кусочки монтажной платы. Зря он так его дергал. Надо было попытаться починить Переходник. Может быть, если восстановить последовательность, он сумеет сложить детали обратно. Джаред вспомнил схему сборки в том виде, в каком она впервые предстала перед ним на экране мобильного. У мальчика была хорошая память на такие вещи. Он мысленно прошел всю схему от начала до конца. Катушки, настройки и...

...и он свалился с высоты примерно в фут и с глухим стуком приземлился на мягкую землю. Над ним внезапно оказалось небо, удивительно яркое, а легкие наполнились воздухом.

Свобода! Джаред, дрожа, вскочил на ноги. Обломки Переходника упали наземь. От свежего воздуха у мальчика кружилась голова. Как будто он умер, а потом ожил. К стыду Джареда, штаны у него были мокрые.

Он огляделся. Он стоял в густых зарослях, но среди деревьев брезжил свет — «Остин-Восток-1» или «Запад-1». Джаред не знал, как вернуться домой. Ведь Переходник превратился в кучку обломков. И все-таки Джаред сделал несколько шагов в сторону от того места, где лежал холодильник...

...и оказался на куче вонючего мусора, рядом с грудой хлама, которая, видимо, и была холо-

дильником, заваленным черт-те чем. Он перешел обратно, на Базовую Землю. Джаред ничего не понимал. На сей раз он даже не притронулся к Переходнику. И его не тошнило.

Но какая разница. Он был дома! Джаред побежал прочь, подальше от холодильника. Может быть, родители еще не успели всполошиться. Вне себя от радости, мальчик уже строил планы, как заберет мобильник и похвастается друзьям.

К сожалению, Джареда хватились. Родители позвонили в полицию, и один из копов оказался достаточно умен, чтобы, заметив сломанный Переходник, задать ключевой вопрос: каким образом мальчик умудрился перейти из одного мира в другой без Переходника? К большому неудовольствию Джареда, его не пускали в школу, водили на обследования и показывали так называемым специалистам по переходам и по Долгой Земле — физику, психологу и неврологу, — пусть даже их познания оставляли желать лучшего.

История просочилась на местный новостной сайт, прежде чем дело замяли. Потребовались некоторые усилия, но американское правительство, хорошо знакомое с проблемами такого рода, все отрицало и дискредитировало свидетелей, включая самого Джареда, после чего похоронило случившееся в тщательно пронумерованных папках.

С содержанием которых, разумеется, Лобсанг был хорошо знаком.

Джошуа спросил:

— Так зачем вообще нужны Переходники?

— Может быть, они оказывают косвенную помощь, Джошуа. В кратких заметках, которые оставил Линдси, говорится, что надо тщательно разместить внутри все компоненты и сборщик должен максимально сосредоточиться на процессе. Необходимость установить две самодельные катушки напоминает мне создание первых радиоприемников. Что касается прочих деталей, они, похоже, нужны только для виду — а вид бывает очень важным. Наматывание катушек само по себе гипнотизирует. С твоего позволения, я выскажусь как тибетец: я считаю, что здесь мы имеем дело с чем-то вроде технологической мандалы, предназначенной для того, чтобы слегка изменить состояние сознания, и в то же время замаскированной под повседневную западную технологию. Именно акт создания Переходника дает возможность перейти, а вовсе не сам прибор. Я сам прошел через физическую процедуру сборки Переходника — посредством передвижного модуля. Осмелюсь предположить, что она приоткрывает внутри каждого человека дверцу, о существовании которой большинство не подозревает. Но история Джареда Оргилла и твоя собственная доказывают, что некоторые вовсе не нуждаются в Переходниках. Они понимают это, когда случайно переходят со сломанным прибором или, в панике, вообще без него.

— Мы все прирожденные Путники, — задумчиво произнес Джошуа. — Просто большинство не знает своих возможностей. Или им нужна

помощь, чтобы заработали какие-то мышцы в голове.

— Да, примерно так. Но не все, тут ты не прав. Ученые обследовали достаточное количество людей, чтобы вывести приблизительную статистику. Считается, что прирожденными Путниками является пятая часть человечества; Долгая Земля для них доступна, как городской парк, — без всяких приборов, разве что с помощью небольшой подготовки или мысленного упорядочивания, вроде того, что неосознанно сделал Джаред, когда представил схему сборки. С другой стороны, примерно каждый пятый вообще не в состоянии покинуть Базовую Землю, разве что у кого-нибудь на закорках, что весьма унижительно.

Джошуа задумался над выводами. Внезапно человечество оказалось разделено, пусть даже еще этого не осознало.

ГЛАВА 25

Джошуа наблюдал, как миры мелькают мимо, словно страницы в книжке с картинками. По-прежнему держа курс на запад, они миновали персональную границу — Уральские горы, тянувшуюся с севера на юг полосу вздыбленной земли, которая существовала в большинстве последовательных миров.

С тех пор миры изменились. Далеко позади остались Ледовый и Рудный пояса. Теперь внизу тянулись миры Кукурузного пояса, как их назы-

вали разведчики и капитаны партий, — богатые, теплые, покрытые травой (по крайней мере, в Северной Америке), усеянные знакомыми на вид деревьями и кустами, кишевшие стадами сытых и довольных животных. Миры, где можно было снимать урожай. На землеметре Лобсанга цифры перевалили за сто тысяч. У пешеходов уходило девять месяцев, чтобы забраться так далеко. Воздушный корабль покрыл это расстояние за четыре дня.

Когда они останавливались, Лобсанг ловил коротковолновые передачи, способные разноситься в ионосфере любой Земли. Пару раз они остановились в мирах Кукурузного пояса, чтобы послушать. В том числе на «Западе-101754», где получили длинную и непринужденную сводку новостей из колонии в последовательной Новой Англии: какая-то девочка — из Мэдисона, как выяснилось, — читала в эфир отрывки из дневника. Джошуа подумал: вот одно из целого ряда многообещающих поселений, разбросанных тонкой сетью по континентам Долгой Земли. И у каждого своя история...

Здравствуйте, мои верные слушатели, я Хелен Грин, ваш низкотехнологичный блогер, который опять забивает эфир. Послушайте, что я написала три года назад, пятого июля. То есть, как вы понимаете, на следующий день после Четвертого июля. Итак...

Это и есть похмелье?

О господи.

Вчера был День независимости. Ура. Мы провели здесь восемь месяцев, и никто еще не умер. Ура. Отличный повод для вечеринки, почему бы нет. Мы американцы, и официально тут Америка, вчера было Четвертое июля — короче, понятно.

Хотя если бы кто-нибудь посмотрел на нас, то принял бы за индейцев. Мы живем в землянках, вигвамах, шалашах и больших квадратных общих домах, а некоторые до сих пор в туристических палатках. Повсюду бегают цыплята и щенки, которых люди принесли с собой. Мы пока не пашем землю. Первый урожай будет только на следующий год. Пока мы поочередно расчищаем поля — жжем, рубим, оттаскиваем камни, работа очень тяжелая, а у нас ничего нет, кроме собственных мускулов. На будущее мы принесли семена, кукурузу, бобы, лук и хлопок. Достаточно, чтобы пережить несколько неурожаяев, если придется. Кстати, мы уже посадили тыквы, кабачки и бобы на расчищенных участках рядом с домами. Это наши огороды.

А сейчас мы охотники и собиратели! Здесь отличное место, чтобы охотиться и собирать. Зимой мы ловили окуней в реке. В лесу мы ловили животных, похожих на кроликов, и еще других, похожих на оленей, и таких маленьких смешных лошадок, хотя всем было неловко, как будто ешь пони. Летом мы проводим много времени на берегу моря, где ловим рыбу и собираем моллюсков.

Сразу понимаешь, что ты в лесу. Дома, на Базовой, я пользовалась результатами трудов

людей, которые веками приручали разных животных. А здесь леса никогда не вырубали, болота не осушали, реки не запруживали. Очень странно. И опасно.

Кажется, папа думает, что люди тоже бывают опасны. Мы лучше узнаем друг друга, но медленно, потому что снаружи не всегда поймешь. Некоторые сюда пришли не для того, чтобы увидеть новые земли, а для того, чтобы сбежать. Бывший солдат. Женщина, которую обижали в детстве, как говорит мама. Еще одна женщина, которая потеряла ребенка. По мне, так пусть живет кто хочет.

В любом случае мы здесь. И если пойти в лес или вверх по реке, увидишь маленькие струйки дыма из труб и услышишь голоса людей, работающих в поле. Можно почувствовать разницу, если перейти хотя бы в соседний мир. Мир с людьми против мира без людей. Честное слово, прямо головой чувствуешь.

Мы здорово спорили, как бы назвать наш поселок. Взрослые устроили совещание и развели обычную болтологию. Мелисса твердила, что надо придумать какое-нибудь жизнеутверждающее название, например «Нью-Индепенденс» или хотя бы «Нью-Хоуп», но папа посмеялся и предложил «Нью-Нью-Йорк»¹.

¹ «Нью - Индепенденс» и «Нью - Хоуп» — значимые названия, которые переводятся как «Новая Независимость» и «Новая Надежда»; первые американские колонисты зачастую давали такие названия своим поселениям.

Не помню, это я придумала первая или Бен Доук, только наше название прижилось. Или, по крайней мере, никто не возразил. Когда все согласились, папа и другие взрослые сделали табличку и поставили на тропе к побережью.

ПЕРЕЗАГРУЗКА
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
ОСНОВАНО В 2026 Г. ОТ Р.ХР.
НАСЕЛЕНИЕ 117 ЧЕЛ.

«Теперь нам только почтового индекса не хватает», — сказал папа.

А вот еще кусочек, написанный почти на год позже. Его написал папа! Ну, он мне помогал с дневником, в том числе с правописанием, ха-ха. Спасибо, пап!

Меня зовут Джек Грин. Наверное, если вы это читаете, то знаете, что я отец Хелен. Я получил специальное разрешение добавить несколько записей в дневник, который сам по себе стал большой ценностью. Сейчас Хелен немного занята, но сегодня ее день рождения, и я хотел, чтобы он был должным образом отмечен.

Так с чего бы начать?

Мы в основном уже построили себе жилье. И постепенно расчищаем поля. Обычно я работаю не покладая рук. Как все. Но я частенько гуляю по городу и вижу, как мы вгрызаемся в лес.

Лесопилка работает. Это наш первый большой совместный проект. Сейчас я слышу ее, когда пишу, — мы стараемся поддерживать лесопилку на ходу день и ночь, чтобы не прекращались отчетливые двойные удары, означающие, что лес постепенно превращается в город. У нас есть гончарный горн, и печь для обжига известняка, и мыловарня, и, разумеется, кузница, благодаря нашему чудесному британцу Франклину. Геологоразведка не ошиблась. В чем-то мы продвигаемся просто с невероятной быстротой.

Порой мы получали и помощь извне. Нам попалась семья амишей, которая шла по следам преподобного Герина, бродячего проповедника. Они, конечно, странные люди, но довольно дружелюбные и весьма компетентные. Например, они помогли построить гончарную печь — такую коробку с трубой. Посуда получается грубой, как кирпич, но вы даже не представляете, как приятно поставить вазу, которую ты сам слепил, на полку, которую ты сам смастерил, а в вазу цветы, выросшие в саду, который ты вскопал своими руками.

Но все это пустяки по сравнению с первыми железными инструментами из кузницы Франклина. Мы, разумеется, ничего бы не сделали без железных и стальных орудий. Но железо оказало странное влияние на нашу внутреннюю экономику. Когда мы прибыли сюда, сто человек растянулись по тонкому слою ближайших миров, вместо того чтобы собраться в одном. Почему бы нет? Места полно. Но, как известно, из мира в мир нельзя переносить железо, даже

произведенное в пределах Долгой Земли. Поэтому люди постепенно возвращаются туда, где есть кузня, вместо того чтобы начинать с нуля где-то в другом мире (хотя Франклин предлагал свою помощь за соответствующую прибавку к жалованью).

Меня поражает, что буквально вся история освоения Долгой Земли связана с одним простым фактом — невозможностью брать с собой железо. Например, у нас возникла мысль обрабатывать поля в соседних мирах, чтобы ни один урожай не погиб от болезней или непогоды. Но игра не стоит свеч; проще использовать железные инструменты, которые мы уже сделали, чтобы расширить наши владения в 754.

Кстати, интересно, как мы расплачиваемся за услуги с нашими гостями вроде амишей. Ну, по крайней мере, мне кажется, что интересно. Деньги! Кому они нужны здесь, на Долгой Земле? Они ничего не стоят, поскольку каждый может открыть собственную золотую шахту. Занятный теоретический вопрос, не правда ли?

В своей среде мы до сих пор пользуемся земной валютой. Когда началась экономическая рецессия, йена и доллар удержались, в частности, потому, что их не куют. Британский фунт рухнул раньше, когда половина населения покинула переполненный маленький остров, в том числе Франклин, наш незаменимый кузнец. Тем не менее Британия уже не впервые нашла выход из нелегкой ситуации. В годы экономического кризиса британцы изобрели «фавор», гибкую денежную единицу. Это воображаемая монета,

о стоимости которой улавливаются покупатель и продавец в момент заключения сделки. Довольно трудно обложить такие деньги налогом, поэтому на Базовой Земле они работают плохо. Но в новых мирах фавор — идеальная валюта, что неудивительно, поскольку та же система некогда использовалась в зарождающихся Штатах, когда не было никакой наличности и настоящего правительства, способного определить стоимость денег.

В таких местах, как Перезагрузка, сами понимаете, жизнь полна мелких обменов. Ты варишь животный жир и делаешь свечное сало, а если у тебя слишком много, предлагаешь часть соседу — разумеется, свечи ему нужны, и в обмен он отдает фунт железной руды. Тебе она не очень нужна, но ведь есть кузнец Франклин, поэтому ты предлагаешь ему руду в обмен на фавор, который будет выплачен в будущем. Теперь ты — обладатель фавора, который может представлять собой нечто весьма существенное. Например, когда Франклин в следующий раз пойдет на Старую Добрую Сотню или на Базовую Землю, он принесет оттуда какие-нибудь купленные в магазине вещи. И так далее.

Для того чтобы основать цивилизацию, эта система не годится, но она неплохо подходит для колонии из ста человек, каждого из которых ты знаешь лично, а он знает тебя. Нет смысла обманывать соседей; на обмане долго не продержишься. В конце концов, никто не хочет, чтобы перед ним захлопнули дверь, когда он будет больше всего нуждаться в помощи.

Примерно каждый день ты подсчитываешь свои фаворы, полученные и отданные, и если у тебя их достаточно, можно взять выходной и отправиться на рыбалку. Сиделки и повитухи особенно хорошо зарабатывают. Скольких фаворов стоят удачные роды? Какова цена сло-манной руки, если ее залечили так хорошо, что к человеку вернулась работоспособность?

В маленьких общинах, как наша, весьма помогает здравый смысл. Все в высшей степени зависит от доброй воли и общего расположения. Это видно даже по нашему обращению с бродягами, как мы их зовем, — с людьми, которые время от времени появляются на наших землях. Странники, которые перебираются из мира в мир, без намерения осесть. Насколько я понимаю, они просто идут по лесам и угощаются фруктами, какие висят пониже. Ну почему бы и нет? На Долгой Земле хватит места для людей, склонных к такому образу жизни. Они приходят к нам, привлеченные дымом очагов, и мы их радушно принимаем, кормим и лечим, если они в этом нуждаются.

Мы даем понять, что взамен тоже чего-то хотим — обычно помощи в работе, а иногда достаточно и интересных новостей из дома. Большинство с легкостью соглашаются. Когда люди ничем не скованы, они знают, как надо жить и как обращаться друг с другом. Наверное, неандертальцы это тоже знали. Но порой урок не идет впрок. Среди бродяг попадаются какие-то ошалелые, как будто они слишком долго смотрели на горизонт. Им трудно задержаться на

одном месте хотя бы ненадолго. Я слышал, это называется «синдром Долгой Земли».

У нас тут есть и более официальная связь с домом. Сюда заходит почтальон! Славный парень по имени Билл Лоуэлл. Из писем мы узнали, что какое-то отдаленное федеральное агентство утвердило наши разнообразные земельные притязания. Но самым приятным для меня было извещение из «Центра поддержки первопроходцев» — правительственного агентства, которое организовали, чтобы решать проблемы эмигрантов. Мой банковский счет и инвестиционные фонды по-прежнему крутятся. Я, разумеется, обеспечиваю Рода, нашего «фобика», который остался «один дома», выражаясь нынешним сленгом Базовой Земли. Тильде кажется, что держать деньги на Базовой Земле сродни жульничеству. Совсем не в духе первопроходцев. Но в мои намерения никогда не входило кого-либо ущемлять. С какой стати? Это мое решение, мой компромисс, чтобы гарантировать семье защиту.

От Рода писем нет. Ни одного. Мы ему пишем, а он не отвечает. И мы об этом не говорим. Хотя у меня сердце разрывается.

Я хочу закончить запись на радостной ноте.

Прошли примерно сутки с тех пор, как у Синди Уэллс начались схватки. Первые роды в нашей колонии. Синди пригласила своих подруг, и Хелен тоже пошла. Она учится акушерству. Господи, ей всего пятнадцать. Роды были длинные, но прошли без осложнений. Сейчас, когда я пишу, уже рассвело, и девушки по-прежнему с Синди.

Выразить не могу, как я горд. И вдобавок день рождения Хелен. (Спасибо, папа!)

Сегодня мне предстоит сделать еще кое-что. Подправить табличку.

ПЕРЕЗАГРУЗКА
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
ОСНОВАНО В 2026 Г. ОТ Р.ХР.
НАСЕЛЕНИЕ 118 ЧЕЛ.

А на другой стороне мира фантастический воздушный корабль, витая в рассветном небе, прислушивался к нашептываемым историям, прежде чем скрыться в следующей реальности.

ГЛАВА 26

Джошуа проснулся. Большое шерстяное одеяло, которым он предпочитал укрываться, слегка пахло плесенью, спать под ним было тепло и спокойно. Снаружи, как он видел сквозь иллюминатор, мелькали Земли. Там тянулся бесконечный евразийский лес — иногда он горел, иногда спал под снегом. Очередное утро на «Марке Твене».

Джошуа осторожно выбрался из постели, принял душ, вытерся, надел на запястье пластмассовый браслет. Единственную материнскую вещь, которая ему принадлежала. Браслет был дешевый и немного тесный, но для Джошуа стоил дороже золота.

«Марк Твен» слегка накренился — Джошуа уже знал, что это предвещает остановку. Теоретически он понимал, что нет никаких причин для толчков, но у каждого корабля свои особенности. Он вновь посмотрел в иллюминатор.

Вопреки ожиданиям, корабль висел над океаном, который тянулся, насколько хватало глаз. Они уже не первый день плыли над евразийскими ландшафтами. Джошуа вырос в Мэдисоне, на озерах. «Господи, — подумал он, — я искупаюсь». И разделся до трусов.

Не советуясь с Лобсангом, он побежал к лифту и спустился, так что открытая кабина повисла совсем низко над бездонным синим морем, спокойным, как озеро.

В люке над ним показался передвижной модуль Лобсанга.

— А, вот ты где. Если хочешь окунуться в это соленое море, настоятельно советую подумать дважды. Я, как обычно, выслал шары-зонды и метеорологические ракеты и почти уверен, что суши на планете практически нет. Уровень воды очень высок — вероятно, мы летим над затонувшими континентами.

— А, Мировой океан.

— Я понятия не имею, не плавают ли здесь что-нибудь, сравнимое разумом с рыбой. На первый взгляд нет ничего, кроме водорослей — кстати, удивительно ярких. Это потрясающий мир, и его исследование стало бы настоящим прорывом. Так или иначе, раз нельзя запретить тебе купание, я рекомендую подождать, пока не проверю окружающую среду на безопасность.

Спокойное море зазывно блестело.

— Да брось. Уж конечно, купание мне не повредит.

Джошуа услышал над головой какой-то механический звук, и Лобсанг ответил:

— Уверен? Кто знает, какие формы жизни существуют здесь. Джошуа, пока я не проверю, не надо. Потому что из глубины может всплыть бог весть что и ты покинешь этот мир — как и прочие — со звуком, который не передашь иначе как «бульк». Со всеми вытекающими последствиями.

Джошуа услышал, как открылся люк; что-то с плеском упало в воду.

Лобсанг сказал:

— Такой необыкновенный человек, как ты, не имеет права быть подопытной свинкой — в тех случаях, когда есть механизмы, специально для того приспособленные. В данном случае мой подводный модуль. Смотри!

Из воды выскочило нечто вроде механического дельфина, зависло в воздухе и вновь нырнуло.

Джошуа взглянул на Лобсанга и вновь задумался, откуда берутся выражения его искусственного лица — созданы ли они умелыми руками мастера или по-настоящему отражают чувства, как положено рефлексам? В любом случае сейчас Лобсанг чуть не прыгал от радости, наблюдая за своим новым созданием. Он обожал механические игрушки.

Но улыбка быстро увяла. Лобсанг сказал:

— Обнаружены разные рыбы, взяты пробы воды, найден планктон, до дна расстояние неопределенное... что-то приближается... предлагаю вернуться на борт... держись крепче!

Лифт внезапно взмыл вверх, с лязгом ударившись о тормозные колодки. Джошуа посмотрел вниз и увидел, как чудесный плавучий модуль в последний раз перевернулся в воздухе, прежде чем на нем с неумолимой точностью сомкнулись огромные челюсти.

Потрясенный, он повернулся к Лобсангу.

— Бульк?..

— Более того, учитывая сопутствующие факторы, я полагаю, что не просто бульк, а БУЛЬК.

— Считай, что я наказан. Мне очень жаль твою субмаринку. Она дорого стоила?

— Ты неверишь сколько. И надежно запатентована. Но, к сожалению, недостаточно хорошо вооружена. В любом случае у меня есть еще. Пойдем. Для разнообразия я сам приготовлю тебе завтрак.

Покончив с едой, Лобсанг дождался Джошуа в наблюдательном пункте.

— Пока что я назвал нашего голодного гостя акулой. На Земле, несомненно, существовали огромные акулы, и я сделал хороший снимок, пусть разбираются ихтиологи. Имею честь поздравить тебя с тем, что ты по-прежнему способен пользоваться ногами.

— Ладно. Я понял. Спасибо.

«Марк Твен» тем временем двигался дальше. Джошуа снова видел леса, а мир, покрытый водой, остался далеко позади. Больше никакого моря, никакого ослепительного сверкания. По привычке Лобсанг и Джошуа сидели рядом в молчании. Хотя теперь их дружбу можно было считать укрепившейся, порой проходили часы, когда никто не говорил ни слова.

В очередной раз обратившись умом на запад, Джошуа ощутил в голове странное давление. Как будто он направлялся домой, на Базовую Землю, а не стремился вперед.

Почему-то он впервые задумался о конце пути.

— Лобсанг, а как далеко мы намерены забраться? Я готов к долгому путешествию, как мы с тобой условились. Но все-таки у меня есть дела дома. Сестра Агнес и остальные уже не так легки на ногу, как прежде...

— Интересная реакция великого отшельника, — сухо заметил Лобсанг. — Мне кажется, Джошуа, ты очень похож на путешественников и охотников времен Дикого Запада. Как Дэниэл Бун, с которым я тебя уже сравнивал, ты избегаешь общества других людей, но не всегда. Не будем забывать, что даже у Дэниэла Буна была миссис Бун и целая ватага маленьких Бунов.

Джошуа сказал:

— Если не ошибаюсь, я читал, что некоторые из маленьких Бунов были от его брата.

— Я тебя понимаю, Джошуа. И именно это пытаюсь сказать.

Джошуа вдруг ошетинился.

— А я сильно сомневаюсь, что ты способен хоть что-то во мне понять, железный человек.

— Давай условимся вот о чем. Если мы в следующие две недели не найдем человека, с которым ты бы мог поболтать, я разверну корабль и мы полетим обратно. Мы и так уже собрали достаточно сведений, чтобы мои университетские друзья запрыгали от радости. Ты получишь отпуск, а я начну работать над чертежами «Марка Трина», да простит меня тень мистера Клеменса.

Он взглянул на Джошуа, который сидел с растерянным видом, и сжалился.

— На диалекте лоцманов «твен» значит два, а «трин» — три. Я просто пошутил.

— А я думал, ты уничтожил свою авиационную мастерскую. Ты же сказал — небольшой тунгусский метеорит.

— У «корпорации Блэка» много засекреченных объектов, Джошуа. Интересно, впрочем, что ты задумался о возвращении, как только я узнал, что у наших поющих друзей из морозного леса возникла та же самая идея.

— У троллей? То есть?

— Я замечал разрозненные группы этих существ, которые путешествовали между мирами. Тролли и родственные им виды, более или менее похожие. При беглом взгляде трудно судить, здесь большой простор для исследований. Но простой демографический мониторинг доказывает, что в целом они движутся назад по линии нашего маршрута, причем в изрядном количестве. Возможно, что-то вроде миграции.

— Хм, — сказал Джошуа, ощущая слабое давление в черепе. — Или они от чего-то бегут.

— В любом случае интересно, не правда ли? Гуманоиды, которые умеют переходить. Интересно, что будет, когда на Базовой Земле опять появятся тролли-переселенцы.

— Опять? Что ты имеешь в виду?

— Я ведь рассказывал тебе об обрывочных старых свидетельствах. Визиты загадочных существ, мифы... Я считаю, что тролли и их родственники навещали Землю тысячами — то ли просто проходя мимо, то ли с какой-то иной целью. Частота подобных посещений снизилась в последние века, возможно, в связи с ростом научного знания.

«Или внутреннего давления, — подумал Джошуа, — по мере того как росло население Земли. Если только тролли реагируют на многолюдье так же, как и я».

— Но в последние десятилетия, с самого Дня перехода, их встречали все чаще и чаще. Полагаю, мы наблюдаем первую волну миграции. Сейчас я приведу тебе пример, чтобы ты понял...

ГЛАВА 27

Если верить отчету, составленному двумя студентами — а затем спрятанному и засекреченному согласно британскому закону о государственных тайнах, — в ночь инцидента было облачно и темно. Дело происходило в глуши Оксфордшира, в самом сердце Британии. При

свете аварийного фонаря, питавшегося от аккумулятора, Гарет открыл парусиновый рюкзак и вытащил инструменты — две биты, крикетную и бейсбольную, барабанные палочки, которые он стянул в университетском оркестре, и даже крокетный молоток. То, чем можно бить по камням.

А Лол тем временем стучал лбом о дуб, который вместе со своими сородичами башней возвышался над камнями, напоминавшими кольцо сломанных гигантских зубов, воткнутого в землю. По слухам, это был один из древнейших в стране памятников истории — возможно, он предшествовал эпохе земледельцев, которые воздвигли большую часть менгиров в Британии. Но никто не знал наверняка, потому что здесь никогда не проводились нормальные археологические изыскания. Ни аккуратной дорожки, ни туристической тропы, утыканной табличками с информацией для посетителей, которые никогда сюда не приходили. Только камни и лес, который над ними возвышался. И легенда, согласно которой эти камни пели, отгоняя эльфов и прочих демонов. Легенда и привела сюда Гарета.

Лол обвил руками скрюченный ствол.

— Деревья! Деревья — вот начало начал, Газ. Они нас питают. Они росли на нашей планете триста миллионов лет. Представляешь? Огромные древовидные папоротники в каменноугольный период. Дерево определяется формой, а не видом. Некогда мы жили на деревьях. Они лежат в основе нашей мифологии. Есть легенды о мировых деревьях, похожих на лестницу в небо.

Они оба занимались естествознанием: двадцатилетний Лол изучал квантовую физику, а Гарет — акустику. Лол выглядел младше своих лет — точь-в-точь пятнадцатилетний подросток в затейливом байкерском прикиде. И он жил дома, с родителями. Но хоть он и любил пускаться в рассуждения о всякой растительной мифологии, ум у него, несомненно, был острый. Гарет считал довольно сложными нелинейные уравнения гидравлики, лежавшие в основе акустики, но квантовая физика — это ж вообще мрак...

Гарет услышал хлопок, как будто кто-то перешел. Он обернулся. Ему показалось, что он заметил движение среди теней, которые камни отбрасывали при свете фонаря. Какое-то лесное животное вышло на охоту?

Лол сказал:

— Дай мне пиво.

Гарет уставился на приятеля.

— Оно ведь у тебя было.

— Нет.

— Я привез палки. Блин. Вечно ты забываешь закупиться, — он швырнул в Лола барабанной палочкой, едва не угодив в голову. — Если пива нет, давай закончим побыстрее и вернемся в паб, пока мы не успели протрезветь.

Лол подобрал палочку.

— Прости, старик.

Гарет достал мобильник и включил диктофон, готовясь записывать звуки, которые будут издавать камни, когда они начнут по ним бить.

Он делал это, чтобы привлечь внимание одной девушки.

Она изучала искусство, и иногда они встречались в автобусе по пути в колледж, но ему не о чем было с ней поговорить. Уж точно не о математике. Молодой человек решил, что археоакустический эксперимент может ее впечатлить.

На протяжении веков археологи упускали элемент *звука*, когда исследовали исторические памятники. Гарет однажды слышал любительский квартет парикмахеров, выступавший в крытой неолитической гробнице. Он был потрясен. Эту штуку, несомненно, выстроили с расчетом на акустику. И теперь он собирался поиграть на менгирах, чтобы проверить их акустические качества. Эта мысль пришла ему в голову по самоочевидной ассоциации: местные жители называли менгиры «поющими камнями», а легенда гласила, что они, мол, поют, отпугивая злых духов. А заодно Гарет хотел исследовать, каким образом легенды о духах, призраках и прочих кочующих сущностях обрели совершенно новый смысл в эпоху Долгой Земли, когда реальность внезапно стала проницаемой.

Возможно, он перемудрил. И не достиг главной цели, потому что был здесь с Лолом, а не с *ней*. Но, по крайней мере, он, в отличие от многих других жителей Британии, творчески подошел к вопросу о новых мирах. После Дня перехода минуло всего несколько лет. Гарет провел лето после окончания школы в Америке, где все говорили об экспедициях в отдаленные миры и о создании бесконечного множества последо-

вательных Америк. А в Англии царили скука и пустота. Долгая Земля не впечатлила Джона Буля. Разумеется, массовому воодушевлению не способствовал тот факт, что последовательные Англии сплошь поросли густейшими лесами. В основном островки цивилизации в ближайших последовательных реальностях представляли собой маленькие четырехугольные просеки в зарослях, точные копии пригородных садилов, которые разбивали семьи из среднего класса, чтобы выращивать фасоль, загорать, если на Базовой Земле шел дождь, а иногда чтобы стать жертвой дикого кабана. Тем временем бедняки, старые и молодые, бросали свои пособия по безработице и бесперспективную работу и просто исчезали в лесах, и города вымирали, от центральных кварталов к окраинам, и экономика постепенно рушилась...

Лол долго молчал. Слишком долго по меркам Лола.

Гарет поднял глаза.

Друг куда-то смотрел.

Нечто стояло в самом центре каменного кольца. Группа приземистых коренастых фигур, которых раньше там точно не было. С первого взгляда фигуры показались Гарету камнями — менгирами, стоявшими приблизительно по кругу. Нет, он ошибся. У них были обезьяньи лица и черные волосатые тела. И они стояли прямо, похожие на детей в костюмах обезьян. Свет фонаря мигал, отбрасывая угольно-черные тени.

— Они, кажется, перешли, — выдохнул Лол.

— Это что, шутка? Угощение или жизнь? До Хеллоуина еще далеко, придурки.

Гарет занервничал; он всегда нервничал в присутствии детей, за которыми никто не надзирал.

— Слушайте, если вы не...

И тут низкорослые пришельцы, как один, раскрыли рты, и зазвучал многоголосый аккорд. Выдержав его неправдоподобно долгое время, они завели песню. Быструю и без мелодии, как показалось Гарету. Но пели они безупречно и красиво, так что у молодого человека даже в животе закололо.

Лол, стоявший на противоположной стороне круга, явно был в ужасе. Он зажал уши руками.

— Вели им замолчать!

Гарета вдруг посетило вдохновение. Он схватил биту.

— Бей по камням! Живей!

И грохнул бейсбольной битой по ближайшему камню. Тот зазвучал.

Они с Лолом бешено колотили по менгирам. Слышались глухие ноты, безобразные, нестройные. Гарет торжествовал, невзирая на страх перед обезьяноподобными пришельцами. Он не ошибся. Камни представляли собой литофон, они были подобраны по звуку, а не по внешнему виду. Поэтому он дубасил по камням, и Лол делал то же самое.

Обезьяны встревожились. Тесный круг распался, уродливые лица сморщились, зубы обнажились, песня превратилась в уханье и отдельные возгласы. Один за другим незванные гости

начали переходить и пропадать. Может быть, для того и существовали Поющие камни? Чтобы издавать безобразные диссонансы и преграждать поющим обезьянам дорогу в мир людей, как гласили легенды?

Вскоре поляна вновь опустела. Гарет обвел взглядом камни, отбрасывавшие длинные тени. Стены мироздания казались такими тонкими...

А Джошуа и Лобсанг на «Марке Твене», изучая отчеты о подобных инцидентах, узнали, что тролли первопроходцы, провозвестники вынужденной миграции, проникали гораздо дальше, чем можно было представить.

ГЛАВА 28

Джошуа и Лобсанг углублялись все дальше, продолжая свое осторожное путешествие.

Среди безликих миров Кукурузного пояса попадалась масса джокеров. Например, мир, покрытый саранчой; корабль оказался посреди тучи огромных насекомых, которые стукались о стенки гондолы. Потом путешественники задержались в мире, где, по расчетам Лобсанга, в результате случайного столкновения тектонических плит так и не образовалось Тибетское плато. Воздушные зонды обнаружили, что без Гималаев климат Центральной и Южной Азии, а также Австралии стал совершенно иным.

Были миры, которых они вовсе не понимали. Например, мир, окутанный нескончаемой багрово-красной пыльной бурей, точь-в-точь Марс

в ночном кошмаре. Мир с пожухлой травой и паукообразными деревьями. Корабль пролетел над рекой, которая иссыхала в русле, обнажив широкие полосы потрескавшейся грязи. Вокруг, нервно глядя друг на друга, густо толпились животные. Джошуа взглянул на землеметр — 127487. Бессмысленный набор цифр.

— Как видишь, этот мир страдает от жестокой засухи, — сказал Лобсанг, — что и вызвало необычайную концентрацию животных у воды. У нас есть возможность как следует понаблюдать. Ты, должно быть, заметил, что у меня есть привычка останавливаться в удобных местах.

— Здесь полно лошадей.

Да, больших и маленьких, всех размеров — от шетландского пони до зебры, и разного обличья — косматые, коротконогие, с двумя, тремя или четырьмя пальцами на каждом копыте... И ни одна не походила на *настоящую* лошадь Базовой Земли.

Но среди стад, боровшихся за доступ к воде, были и другие животные. Например, семейство высоких и длинных тварей, нечто вроде верблюдов, созданных с оглядкой на жирафов. Молодые особи, с ногами, похожими на трубочки для коктейлей, выглядели душераздирающе хрупко. А еще Джошуа увидел слонов с самыми разными бивнями. Животные, похожие на носорогов, животные, похожие на бегемотов... Травоядные, вынужденные тесниться у водопоя, нервничали и пугались, потому что с ними соседствовали хищники. Ну разумеется. Джошуа заметил стаю местных гиен и кошку, похожую на леопарда.

Они ждали и наблюдали за настороженными толпами у озера.

Наконец к реке приблизилось существо, очень похожее на огромного страуса. Семейство носорогов боязливо попятилось, но птица вытянула шею, широко разинула клюв и изрыгнула шар, похожий на ядро. Снаряд врезался в ребра самца-носорога, который с ревом рухнул наземь. Семья бросилась врассыпную, а птица заторопилась лакомиться поверженной добычей.

Лобсанг при помощи винтовки, заряженной снотворным, свалил птицу и дал задание передвижному модулю. У гигантского страуса оказался специальный отдел желудка, наполненный смесью фекалий, костей, камней, кусочков дерева и прочих непереваримых предметов. Все это было, словно цементом, скреплено гуано, и получались огромные шары, твердые, как тик. Долгая Земля воистину полнилась чудесами, и, с точки зрения Джошуа, птица-пушка заняла положенное место в галерее курьезов.

Путешественники занесли увиденное в путевой журнал, и «Марк Твен» двинулся дальше. В тот вечер они смотрели фильм по выбору Лобсанга — «В поисках галактики». Джошуа не мог сосредоточиться на сюжете: покачиваясь вместе с кораблем и бормоча «Не сдаваться! Не бросать оружие!», он постепенно заснул.

И проснулся от яркого света. Корабль вновь остановился, и в безмятежное небо взмыли ракеты-зонды.

Здесь было не так холодно, как в предыдущих мирах; Лобсанг заметил: чем дальше они

продвигались на запад, тем теплее становилось. В лесу просматривались многочисленные озера — по мнению Лобсанга, возникшие в результате метеоритного дождя. Два озера разделяла узкая полоска земли, которая живо напомнила Джошуа перешеек между Мендотой и Мононой в Мэдисоне.

Лобсанг объявил:

— «Запад-139171». Мы по-прежнему в пределах Кукурузного пояса.

— Почему мы остановились?

— Посмотри на север.

Джошуа увидел дым. Тонкий черный столбик в нескольких милях к северо-востоку.

— Это не огонь лагерного костра и не лесной пожар, — сказал Лобсанг. — Скорее горящий поселок.

— Значит, там люди.

— Да. И я получил радиосигнал. — Лобсанг включил отрывок записи. Приятный женский голос по-английски, по-русски и по-французски возвещал о своем присутствии молчаливому миру. — Далеко забредшие поселенцы. Называют себя Первой Небесной Церковью Жертв Космического Злоупотребления Доверием. Мы далеко от дома; здесь мало постоянных поселений. Этот дым от горящих домов. Видимо, там что-то случилось.

— Давай посмотрим.

— Опасность неизвестна. И неизмерима.

Возможно, Джошуа и был нелюдимо, но неписаное правило Долгой Земли гласило, что

нужно помогать другим, будь то одинокий путник или попавший в беду поселок.

— Мы летим туда.

Большие винты корабля закрутились, и «Марк Твен» направился в сторону дыма.

— Рассказать тебе про Жертв Злоупотребления Доверием?

В то время как основные религии по преимуществу концентрировались на Ближних Землях, не желая чересчур отдаляться от своих святынь на Базовой Земле, будь то Ватикан или Мекка, многие неортодоксальные сообщества отправлялись в никуда в поисках свободы выражения — как это уже происходило в течение тысячи лет. Они обычно выбирали места, которые в контексте Базовой Земли были удалены от населенных пунктов, — так, Первая Небесная Церковь нашла себе пристанище далеко к востоку от Москвы. И даже среди прочих бродячих богоискателей Жертвы Злоупотребления Доверием выделялись как нечто из ряда вон выходящее.

— Они считают, что их религия отражает истину о Вселенной, которая по сути своей абсурд. Жертвы верят, что каждую минуту кто-нибудь «родится свыше». И они должны плодиться и размножаться, чтобы как можно большее количество человеческих умов оценило Великую Шутку.

Джошуа пробормотал:

— Кажется, шутка оказалась из серии черного юмора.

Они проплыли над несколькими милями просеки, окружавшей поселок, который стоял

на холме — единственной высокой точке перешейка. На самой вершине пригорка высилось относительно большое здание. Вокруг лежали поля, разделенные рядами камней. Лобсанг заметил характерный цвет некоторых посадок. Тут росли целые акры марихуаны. Что в значительной степени объясняло, в чем фишка данного поселения.

И повсюду лежали трупы.

Лобсанг снизился до пятисот футов и завис. Встревоженные вороны, хлопая крыльями, поднялись, чтобы затем спуститься вновь. Жертвы Космического Злоупотребления Доверием, очевидно, предпочитали носить зеленое: центральная площадь и расходившиеся от нее улицы были усеяны изумрудными пятнами. Но кому пришлось в голову забраться так далеко, чтобы уничтожить несколько сотен мирных душ, чья единственная странность заключалась в том, что они считали жизнь подарком судьбы?

— Я выйду, — сказал Джошуа.

— Бойня произошла недавно, — заметил Лобсанг. — Это убийство... нападение... Обрати внимание, трупы еще не растерзаны. Что-то или кто-то убил триста человек, Джошуа. Не исключено, что нападавшие еще здесь.

— А триста первый может быть еще жив.

— Видишь большое здание в центре поселка, на холме? На единственной высокой точке перешейка. Там радиомаяк.

— Ссади меня в сотне футов от холма, — попросил Джошуа и задумался. — А потом перейди на несколько миров, слегка подвинься и

возвращайся. Если кто-нибудь здесь остался, может, мы его выманим.

— «Выманим». Не самая приятная идея.

— Сделай так, как я прошу, Лобсанг.

Корабль спустился.

Пахло жиром и горелым мясом.

Джошуа, с попугаем на плече, шагал по прямой немощеной улице. Несколько ворон с досадой взвились в воздух. Странно было обнаружить хорошо развитый поселок в такой дали. Дома, с глинобитными стенами на прочных деревянных рамах, стояли аккуратными прямоугольными рядами. Наверное, первопроходцы, прокладывая первые улицы, мечтали, что однажды по этому плану будет построен большой город. Теперь большинство домов сгорели; дальше дымился целый квартал.

Джошуа подошел к первому трупу — женщине средних лет, с перекушенным горлом. Разумеется, человек такого сделать не мог.

Он шел дальше и видел других мертвецов, в канавах, на пороге, в домах. Мужчин, женщин и детей. Некоторые, судя по всему, получили смертельный удар, когда бежали. Ни у одного не было при себе Переходника, но это Джошуа не удивило. Здесь они были дома и думали, что им ничто не грозит.

Он приблизился к центральному зданию на холме. Если поселок следовал примеру большинства религиозных колоний, там, вероятно, располагалась церковь или иное святилище.

Первая постоянная постройка, воздвигнутая на новом месте. А следовательно, в ней хранилось общее имущество, в том числе радиостанция и какой-нибудь источник энергии. Еще она служила укрытием на случай беды, как все церкви в западной истории. Вокруг, разумеется, валялось множество тел. Похоже, враг нанес удар сразу после утренней молитвы, ну или как там называлась церемония, которую проводили Жертвы. Не исключено, что Утренняя Зарядка.

Двери были закрыты, а внутри могло быть что угодно. Когда Джошуа подошел, в воздух взвилась целая туча мух; вороны обиженно наблюдали за чужаком с крыши.

Прямо над головой Джошуа появился корабль.

— Лобсанг, ты ничего не заметил?

— Ничего подозрительного поблизости.

— Я хочу зайти в церковь. Или в молельню, не знаю.

— Будь осторожен.

Джошуа подошел к двойным дверям, вделанным в прочную стену из камня, обмазанного чем-то вроде штукатурки. Он пнул дверь и чуть не сломал лодыжку. И приготовился сделать вторую попытку.

— Побереги свой хрупкий эндоскелет, — сухо произнес Лобсанг. — Задняя дверь открыта настезь.

Точнее сказать, сорвана с петель и брошена на дорогу. Миновав расщепленную дверную коробку, Джошуа вошел в маленькую радиорубку, где все еще работал передатчик, адресуя

Вселенной свое невинное послание. Джошуа почтительно выключил его. Другая дверь вела в подсобное помещение, нечто вроде кухни, совмещенной с кладовой, как бывает во многих церквях; там стоял кипятильник и валялись грубо вырезанные из дерева игрушки. На стенах висели детские рисунки и график уборки, написанный по-английски. На следующей неделе наставала очередь сестры Аниты Доусет.

Третья дверь вела в главный зал. Там-то и лежало большинство убитых. Кровь залила пол и забрызгала стены, и мухи облаком вились над скорчившимися неподвижными телами.

Джошуа переступал через трупы, прижав ко рту платок. Некоторых он перевернул, чтобы осмотреть раны. Сначала он подумал, что люди сбежались сюда, под защиту толстых стен и массивных дверей, — даже у этих далеких пионеров должны были сработать древние инстинкты. Но что-то здесь его смущало...

— Джошуа?

— Я тут, Лобсанг.

Он протянул руку к алтарю с изображением большой серебряной руки, приставленной к золотому носу.

— Здесь жили комики-атеисты. Наверное, им было очень весело. Они не заслужили такой смерти. Если произошло преступление, если виноваты люди, нужно об этом сообщить, как только вернемся.

— Это не люди, Джошуа. Оглядишься. Сплошь укусы. Пробитые черепа. Здесь бушевали животные, перепуганные животные. И дверь у тебя за спиной выбита изнутри, а не снаружи. Кто бы

ни устроил тут бойню, он вошел не через дверь. Он *оказался* внутри и стал пробиваться наружу.

Джошуа кивнул.

— Значит, горожане вовсе не искали укрытия в церкви. Они собрались на обычную утреннюю службу. И вдруг что-то возникло прямо среди них. Животные, которые перешли, потому что от чего-то бежали...

— Они, видимо, запаниковали. Хотел бы я знать, какой эффект оказала на них травка, запах которой я ощущаю в воздухе...

Джошуа поймал себя на том, что смотрит на одно из тел. Обнаженное, покрытое волосами. Это животное имело почти человеческие пропорции — оно было стройное, несомненно двуногое, жилистое и сильное, с маленькой, как у шимпанзе, головой и плоским обезьяньим носом. Не тролль, а какой-то другой гуманоид. Его убили ударом ножа в горло; на груди темнела запекавшаяся кровь. У кого-то достало смелости отбиваться от перепуганных и необычайно сильных обезьяно-людей, которые возникли из ниоткуда, посреди женщин и детей.

— Видишь, Лобсанг?

Камеры попугая зажужжали и повернулись.

— Вижу.

Джошуа отошел от трупа и выпрямился, закрыв глаза.

— Мы на вершине холма, единственной высокой точки в окрестностях. Густой лес — не самое удобное место для поспешного перехода. Если хочешь бежать со своей семьей за много миров, лучше собраться на открытом месте где-нибудь повыше, потому что иначе врежешься в

дерево. Но в этом конкретном мире на вершине высокого холма горожане выстроили церковь. Прямо на пути.

— Продолжай.

— Я думаю, эти твари переходили. Собирались на холме и двигались на восток. Они бежали из дальних западных миров, как и тролли. В панике.

Лобсанг спросил:

— Чего они испугались? Нам придется найти ответ, прежде чем вернуться домой, Джошуа.

— И вот внезапно они оказались в каком-то закрытом месте, рядом с людьми. Они перепугались. Их становилось больше и больше... тогда они перебили всех, вырвались наружу и стали гоняться за остальными.

— Судя по тому, что мы знаем о троллях, Джошуа, они на такое не способны. Вспомни, как они обращались с рядовым Перси. А ведь они с легкостью могли бы его убить.

— Да. Но эти существа — не тролли.

— Предлагаю назвать их эльфами. Я вновь обращаюсь к мифологии, несвязным рассказам о робких, неверно истолкованных встречах с загадочными, стройными, похожими на людей пришельцами, которые, словно призраки, появлялись в нашем мире. Существование различных типов переходящих гуманоидов способно объяснить огромный пласт мифологии, Джошуа.

— Несомненно, ты имеешь в виду встречи, о которых не рассказывал мне, — сухо заметил Джошуа.

— В том числе. Кстати, — настойчиво произнес Лобсанг, — я заметил кое-что еще. Примерно в четверти мили от тебя.

— Люди? Тролли? Что?

— Давай посмотрим.

ГЛАВА 29

Джошуа заспешил прочь из церкви, радуясь возможности выйти на свежий воздух, подальше от запаха крови.

Четверть мили на запад, сказал Лобсанг. Джошуа посмотрел на солнце, развернулся и побежал в указанную сторону. Меньше чем через двести ярдов он услышал стон.

Гуманоид лежал на спине в грязи. Не тролль — скорее нечто вроде эльфа, используя определение Лобсанга, но это существо отличалось от найденного в храме. Во всяком случае, Джошуа таких еще не видел. Примерно пяти футов ростом, худое, поросшее волосами, похожее на прямоходящую обезьяну с удлинненным туловищем и пугающе человеческим лицом, несмотря даже на плоский, как у шимпанзе, нос. В отличие от твари в храме, у него была крупная голова — непропорционально большой череп, с точки зрения Джошуа, — и мозг явно превосходил размерами человеческий. И оно, точнее, она страдала. Самка была беременна. Почти без сознания, она стонала, металась и рвала шерсть на вздутом животе, и между ног у нее текла кровь, смешанная с водой.

Когда Джошуа наклонился, она открыла глаза — большие и раскосые, как у пришельцев на картинках, но по-обезьяньи карие, без человеческих белков. Глаза тревожно расширились и испытующе посмотрели на него.

Он пощупал живот самки.

— Она вот-вот родит. Но что-то тут не так. Ребенок уже должен был появиться.

Лобсанг негромко отозвался:

— Я бы предположил, что большая голова младенца препятствует появлению на свет.

— Что ты положил в рюкзак?

Прежде чем Лобсанг успел ответить, Джошуа раскрыл висевший на груди рюкзак и принялся рыться в поисках аптечки.

— Лобсанг! Спускайся. Мне нужны еще инструменты.

— Зачем?

— Я собираюсь извлечь ребенка, — он погладил самку по щеке. Его собственная мать некогда лежала одна в целом свете, мучаясь родами. — Что, тужиться не хотим? Давай-ка сделаем это по-американски...

— Ты хочешь произвести кесарево сечение? — спросил Лобсанг. — Ты же не умеешь.

— Допустим. Зато наверняка умеешь ты. Поработаем вместе, Лобсанг.

Джошуа вытряхнул содержимое аптечки и задумался.

— Мне нужен морфий. Жидкость для стерилизации. Скальпель. Иголка и нитка...

— Мы далеко от дома. Ты истратишь запас медикаментов на эту тварь. Я, конечно, могу пополнить запас, но...

— Я должен, понимаешь?

Джошуа опоздал на помощь к Жертвам, но зато мог помочь эльфо-самке — по крайней мере, обязан был попытаться. Так он на свой лад исправлял мировую несправедливость, хотя бы чуть-чуть.

— Помоги, Лобсанг.

Пауза длиной в вечность.

— Я, конечно, располагаю полными описаниями важнейших медицинских операций. В том числе акушерских, хоть я и не думал, что в путешествии они нам понадобятся.

Джошуа повернул попугая, чтобы Лобсангу было видно, и разложил инструменты.

— Лобсанг. Говори. С чего начать?

— Нужно определить, сделать ли продольный разрез или поперечный...

Джошуа торопливо выбрил нижнюю часть живота самки. А потом, стараясь, чтобы рука не дрожала, занес бронзовый скальпель над брюшной полостью. Как только он собрался рассечь лезвием плоть, ребенок исчез. Джошуа догадался об этом, когда живот внезапно опал.

Он в ужасе шарахнулся.

— Он перешел! Блин... младенец перешел!

Потом появились взрослые. Две самки. Мать и сестра? Они мелькали вихрем лиц и рук, то появляясь, то пропадая вокруг Джошуа. Он даже не знал, что можно переходить с такой скоростью.

Лобсанг шепнул:

— Не двигайся.

Самки сердито взглянули на Джошуа, забрали роженицу и с тихими хлопками исчезли.

Лобсанг был в восторге.

— Эволюция, Джошуа! Только что совершилась эволюция. У всех прямоходящих гуманоидов проблемы с родами. Твоя мать постигла это на собственном нелегком опыте. В ходе эволюции женский таз сузился, чтобы упростить прямохождение, но в то же самое время у младенца увеличился объем мозга — вот почему мы рождаемся такими беспомощными. Человеку предстоит долго расти, прежде чем стать независимым. Но, похоже, эльфы в буквальном смысле слова обходят проблему узкого таза, — он негромко засмеялся. — То есть ребенок появляется на свет не через родовые пути. Он просто переходит из матки, Джошуа. Вместе с плацентой и пуповиной, видимо. Что вполне разумно. Способность переходить может повлиять на разные аспекты жизни, если дать эволюции время развить эту черту. Если не нужно так мучиться в процессе рождения, можно отрастить какой угодно большой мозг.

Джошуа почувствовал себя опустошенным.

— Они заботятся о больных. Если бы я разрезал ей живот, она бы не оправилась...

Лобсанг сказал:

— Как знать. Ты сделал все, что мог. А теперь возвращайся. Тебе надо помыться.

ГЛАВА 30

Дальше на запад мира постепенно становились зеленее, а засухи реже. Лесной покров густел, похожие на дубы деревья заполняли не только долины рек, но и холмы, как зеленая волна прилива. На редких равнинах животные по-прежнему казались Джошуа знакомыми — они походили на лошадей, оленей, верблюдов. Но иногда он замечал странные создания — коренастых, коротконогих хищников, полукошек, полусобак, или стада огромных длинношеих травоядных, похожих на помесь слона с носорогом.

На девятнадцатый день пути, на «Западе-460000», Лобсанг самочинно объявил, что они достигли границы Кукурузного пояса. Климат здесь был слишком теплый, а леса слишком густые для эффективного земледелия.

Примерно в то же самое время они пересекли атлантическое побережье Европы, примерно на широте Британии. Путешествие, которое и так представляло собой скучный полет над сплошным зеленым одеялом леса, стало еще монотоннее, когда корабль полетел над гладью моря.

Джошуа часами сидел в наблюдательном пункте. Лобсанг редко заговаривал с ним, чему Джошуа радовался. На корабле царила почти полная тишина, не считая шелеста насосов и жужжания приборов, которые поворачивались так и этак. Почти лишенный чувственного восприятия, Джошуа боялся утратить форму и мышечный тонус. Иногда он делал упражнения

на растяжку, занимался йогой, бежал на месте. Чего недоставало «Марку Твену», так это спортзала, но Джошуа не хотел просить у Лобсанга какие-нибудь тренажеры, подозревая, что тогда ему придется состязаться на беговой дорожке с роботом.

Над океаном Лобсанг слегка прибавил скорость. На двадцать пятый день они пересекли восточное побережье Америки, примерно на широте Нью-Йорка, и вновь полетели над сплошными лесами.

Больше не шло речи о том, чтобы остановиться или повернуть назад. Оба осознали необходимость лететь вперед и вперед, пока они не выяснят, что же вызвало миграцию гуманоидов. Джошуа содрогался, когда представлял себе вызванную паникой бойню, результаты которой он наблюдал в городе Жертв Космического Злоупотребления Доверием (Мэдисон, штат Висконсин).

Вновь оказавшись над сушей, они достигли соглашения. Лобсанг продолжал лететь ночью. Переходы не мешали Джошуа спать, а у Лобсанга органы чувств даже в темноте работали лучше, чем у Джошуа днем. Но зато он выговорил себе остановку, по крайней мере, на пару часов каждый день, чтобы ощутить землю под ногами, вне зависимости от того, что это была за земля. Иногда Лобсанг в своем передвижном модуле спускался на лифте вместе с ним. К удивлению Джошуа, он с легкостью пробирался по самой неровной поверхности, прогуливался, иногда весьма убедительно купался в ближайшем озере.

В общем и целом в отдаленных мирах тянулись сплошные леса. Во время дневных вылазок Джошуа подмечал различие деталей, разный ассортимент травоядных и хищников, постепенные изменения общей картины — меньше цветущих растений, больше папоротников, возрастающее однообразие пейзажа. За сутки «Марк Твен» преодолевал двадцать-тридцать тысяч новых миров. Но, по правде говоря, по мере того как мимо мелькали тысячи последовательных Земель, Джошуа убеждался, что человек, видевший одну из них, видел все. В промежутках между остановками, пока Лобсанг записывал наблюдения и заполнял техническую документацию, он лежал на кушетке и дремал, и ему снились сны, полные зелени и острых зубов, такие яркие, что Джошуа порой сомневался, спит он или бодрствует.

Иногда попадалось и кое-что новенькое. Однажды, где-то в районе места, которое на Базовой Земле называлось Тумстоном, Джошуа послушно взял образцы огромного, высотой в человеческий рост, гриба, который послужил бы серьезным препятствием Уайатту Эрпу и Доку Холлидею, если бы они вздумали здесь прокатиться¹. Гриб был на вид как сметана и, говоря напрямик, чудесно пах; сходная мысль пришла в голову и маленьким, похожим на мышей тварям, которые источили его проходами, превратив в подобие эмментальского сыра.

¹ Уайатт Эрп и Док Холлидей — легендарные личности эпохи освоения американского Фронттира (80-е гг. XIX в.), очищавшие пограничные городки от бандитов.

Лобсанг в наушнике произнес:

— Попробуй, если хочешь. И, во всяком случае, принеси кусок побольше для анализов.

— Ты хочешь, чтобы я попробовал гриб на вкус, прежде чем ты выяснишь, ядовит он или нет?!

— На мой взгляд, это маловероятно. Более того, я и сам хочу попробовать.

— Неудивительно. Я видел, как ты пьешь кофе. Значит, есть ты тоже можешь?

— Ну конечно! Некоторые поступления органической материи мне просто необходимы. Но, переваривая гриб, я разложу его на составные части и исследую. Немного утомительный процесс. Многие люди с особыми диетическими требованиями вынуждены проделывать ту же процедуру, но без использования масс-спектрометра, который встроен в мою анатомию. Ты удивишься, сколько питательных веществ на самом деле содержат орехи...

В тот вечер Лобсанг вынес вердикт, что в нескольких фунтах огромного гриба достаточно протеинов, витаминов и минералов, чтобы прокормить человека в течение довольно долгого времени, хотя в кулинарном отношении гриб ни на что не годился.

— Так или иначе, — закончил Лобсанг, — то, что так быстро растет, содержит питательные вещества, необходимые человеку, и может существовать практически везде, несомненно, представляет интерес для индустрии фастфуда.

— Всегда рад помочь Трансземному институту зашибить монету, Лобсанг.

Для разнообразия Джошуа в ту ночь сидел и наблюдал в темноте за путешествием. Иногда во мраке там и сям мелькали огни. Но огонь — нормальное явление там, где есть молнии, деревья и сухая трава. Вперед, вперед, здесь не на что смотреть.

Он пожаловался на однообразие видов.

— А ты как думал? — поинтересовался Лобсанг. — В общем и целом я ожидал, что многие земли будут довольно однообразны, особенно с первого взгляда, — и не забывай, Джошуа, что, кроме первого взгляда, мы, в общем, не располагаем ничем. Помнишь, в детстве ты смотрел картинки с динозаврами юрского периода? Самые разные виды на одном ярком рисунке, и на переднем плане непременно тираннозавр борется со стегозавром. Природа обычно себя так не ведет, и динозавры тоже. Природа обычно или молчит, или разговаривает так, что трясется земля. Хищники и их добыча преимущественно рассеяны в пространстве. Вот почему я склонен останавливаться в относительно засушливых мирах, где множество представителей животного мира толпятся у водоемов, хотя и в несколько искусственных условиях.

— Но сколько же мы упускаем, Лобсанг? Даже когда мы делаем остановку, то едва успеваем оглядеться, прежде чем двинуться дальше, несмотря на все твои пробы и зонды. Если мы смотрим лишь мельком...

По собственному опыту, полученному во время «творческих отпусков», Джошуа инстинктивно знал, что нужно пожить в мире, чтобы

понять его, а не скользить по поверхности, перебирая пачку картинок. Шел тридцать третий день путешествия.

— Где мы сейчас?

— Ты имеешь в виду — относительно географии Базовой Земли? Примерно в районе Северной Калифорнии. А что?

— Давай остановимся. Я просидел в твоём летающем отеле больше месяца и хочу провести хотя бы один день на месте, чтобы немного расслабиться. И набраться впечатлений. Хорошо? Только сутки. А ты можешь пополнить запас воды. Честно говоря, я просто с ума схожу.

— Хорошо. Не возражаю. Я найду мир поинтереснее и остановлю корабль. Поскольку мы в Калифорнии, не хочешь ли доску для серфинга?

— Ха-ха.

— Ты изменился, Джошуа, ты это знаешь?

— Потому что спорю с тобой?

— Да. Я заинтригован — ты стал быстрее, менее склонен к колебаниям и меньше похож на человека, занятого только собственными мыслями. Разумеется, ты остался собой. Честное слово, возможно, ты сейчас — больше *ты*, чем до сих пор. Теперь, когда ты узнал, каким образом появился на свет...

Джошуа отмахнулся.

— Не надо, Лобсанг. Спасибо за браслет. Но ты не психолог. Наверное, путешествие расширяет сознание.

— Джошуа, если твоё сознание расширится ещё немного, оно начнет выливаться из ушей.

Хотя была полночь, Джошуа не хотелось спать. Он принялся готовить ужин.

— Как насчет кино?

— Я предпочту почитать. Есть предложения? Включился экран.

— Я знаю подходящую вещь.

Джошуа уставился на экран.

— «Налегке»?

— Всегда полагал, что это во многих отношениях — лучшая книга Твена, хотя я и питаю слабость к «Жизни на Миссисипи». Прочитай. Заглавие отражает суть. Путешествие по неизведанным землям. Очень смешно, хоть и с ноткой горечи. Наслаждайся!

И Джошуа наслаждался. Он читал, а потом задремал и на сей раз во сне отбивал нападение индейцев.

На следующий день, около полудня, корабль остановился с привычным толчком. Джошуа увидел внизу озеро — серо-синий щит посреди лесной зелени.

Лобсанг объявил:

— Лови волну, старик.

— О господи.

Лес оказался весьма приятным. Эскадрильи летучих мышей носились за мошками в зеленом воздухе над головой; пахло сырым деревом и гниющими листьями. Мягкие звуки вокруг казались, как ни странно, гораздо *тише* простой тишины. Джошуа знал, что абсолютная тишина в природе — это такое необычное состояние, ко-

торое не просто примечательно, но еще и предвещает несомненную угрозу. Но бормотание глухого леса было естественным белым шумом.

Лобсанг сказал:

— Джошуа, тише. Посмотри налево.

Он увидел лошадей, робких, пугливых, с причудливо изогнутыми шеями и мягкими копытами, размером со щенка. А еще что-то вроде слона с толстым хоботом, но не выше пары фунтов в холке.

— Какие милые, — сказал Джошуа.

— Озеро прямо по курсу.

Оно было окружено стеной деревьев и узкой полоской прибрежного песка. Спокойная вода поросла камышом и тростником, и в столь редком здесь ярком солнечном свете под синим небом, хлопая бело-розовыми крыльями, кружились экзотические птицы. На дальнем берегу Джошуа заметил какое-то животное, похожее на собаку, пугающе большое — четырех или пяти ярдов в длину, с массивной головой и гигантскими челюстями, которые сами по себе выдавались на целый ярд. Прежде чем Джошуа успел поднять бинокль, животное скользнуло в лесную тень.

Он сказал:

— Это совершенно точно млекопитающее. Но челюсти у него как у крокодила!

— Да, млекопитающее. Подозреваю, дальний родственник кита — в смысле, нашего кита. А в воде, Джошуа, как обычно, водятся и настоящие крокодилы. Универсальные.

— Как будто части разных животных смешались... кто-то тут забавляется эволюцией.

— Мы в сотнях тысяч миров от Базовой Земли, Джошуа. В этом отдаленном мире мы видим представителей многих отрядов животных, имеющих на нашей ветви вероятностного дерева эволюции, но как будто переосмысленных. Эволюция, как погода, довольно-таки хаотична...

Джошуа услышал какое-то хрюканье, словно со спины к нему подкрадывалась свинья. Большая свинья.

— Джошуа. Не беги. Сзади. Медленно повернись.

Он послушался, подумав об оружии, которое было у него с собой. Нож на поясе, пневматический пистолет в рюкзаке на груди. А над головой витал Лобсанг, вооруженный летающим арсеналом. Джошуа попытался успокоиться.

Огромные свиньи — таково было первое впечатление. С полдесятка, каждая в холке высотой примерно человеку по плечо, с могучими копытами, щетинистыми буграми на спине, крошечными угольно-черными глазками и мощными длинными челюстями. И на каждой восседал гуманоид — не тролль, а худенькое создание с обезьяньим лицом и волосами цвета ржавчины. Они сидели на свиньях верхом, как на огромных безобразных лошадях.

До спасительных деревьев было далеко.

— Снова эльфы, — шепнул Лобсанг.

— Те же, что перебили Жертв?

— Во всяком случае, их ближайшие родственники. Долгая Земля велика, Джошуа; видообразование всюду происходит по-разному.

— Ты посадил меня здесь, чтобы я с ними встретился, так? Ничего себе приятный отдых!

— Нельзя отрицать, что это интересно.

Один из эльфов издал клич, заверещав обезьянью, и ткнул своего скакуна пятками в бока. Шесть свиней, издавая утробное хрюканье, зарысили к Джошуа.

— Лобсанг, что делать?

Свиньи набирали скорость.

— Лобсанг!

— Беги!

Джошуа побежал, но свиньи двигались быстрее. Он едва успел сократить расстояние между собой и снижавшимся «Марком Твенем» или лесом, когда с топотом пронеслась огромная туша. Джошуа почувствовал запах грязи, крови, навоза, что-то вроде застоявшегося мускуса, и тут маленький кулак ударил его в спину и опрокинул.

Свиньи гарцевали вокруг, настроенные до странности игриво, невзирая на размеры и вес. Их непосредственная жестокость вселяла ужас. Джошуа ожидал, что его растопчут или выпотрошат огромными клыками, торчавшими на конце рыла, но свиньи продолжали бегать туда-сюда, а гуманоиды, или эльфы, ухали и улюлюкали, то и дело наклоняясь, чтобы замахнуться. В их руках мелькали острые наконечники — каменные наконечники. Джошуа накрыл голову и перекатился.

Наконец они отступили, выстроившись в круг. Дрожа, Джошуа поднялся на ноги и полез за собственным оружием. Он убедился, что не пострадал, не считая царапин на лице и синяка на плече под комбинезоном, куда пришелся удар. Но эльфы срезали с груди Джошуа рюкзак, даже стянули нож из чехла на поясе. Его ловко обобрали, оставив лишь попугая на плече и процессор на спине.

Эльфы с ним забавлялись.

Они встали во весь рост на спинах у своих странных ездовых животных. Они не походили на троллей, потому что были намного стройнее и тоньше — их волосатые прямые тела, изящные и сильные, напоминали тела детей-акробатов. В данной версии они обзавелись длинными, приспособленными для лазания по деревьям руками, совершенно человеческими ногами и маленькими головами с морщинистыми обезьяньими лицами. В охоте участвовали только самцы, некоторые из которых заметно возбуждились.

Джошуа постарался найти светлую сторону.

— Зато они ниже, чем я. Футов пять.

— Не стоит их недооценивать, — шепотом предупредил Лобсанг. — Они сильнее. И не забывай, что они дома.

Уханье и крики зазвучали вновь, достигнув крещендо. Один из эльфов ткнул своего кабана пятками в бока. Клыкастый скакун, не сводя глаз с Джошуа, мерно зарысил вперед. Эльф обнажил зубы — совсем как у человека — и зашипел.

Шутки кончились.

Бывает, ужас становится похож на патоку, которая замедляет ход времени. Однажды в детстве Джошуа свалился в карьер на известняковой каменоломне, в десяти минутах езды на велосипеде от Приюта, и друзья не смогли его вытащить. Ему пришлось висеть на руках, пока они бегали за помощью. Руки болели адски. Но лучше всего — в мельчайших подробностях — он запомнил камень, который был прямо перед глазами. Мальчик разглядывал вкрапления слюды и лишайников — миниатюрный лес, выгоревший под солнцем. Этот крохотный пейзаж был для Джошуа целым миром... а потом послышались крики и кто-то схватил его за запястья, как будто наполненные горячим свинцом...

Эльф взмыл в воздух и исчез. Свинья продолжала рысать дальше, ворча и набирая скорость. До Джошуа со всей ясностью блеска слюды на нагретом солнцем камне дошло, что эльф перешел, чтобы вернее настичь добычу.

Свинья приближалась. Джошуа стоял неподвижно. В последнюю секунду животное запнулось, помедлило и свернуло.

Эльф вернулся; вытянувшись в воздухе, ногами он приземлился на спину свиньи, а руками обхватил Джошуа за шею — иными словами, он держал руки наготове, когда перешел обратно. Джошуа поразился точности маневра. Сильные обезьяньи пальцы сжимались, и он, не в силах вздохнуть, повалился наземь. Он потянулся к противнику, но у эльфа руки были длиннее; Джошуа извивался, тщетно пытаясь достать до

морщинистого рычащего личика, и мир уже погружался в темноту.

Он старался не терять самообладания. Оружие и прочие вещи пропали, но на плече по-прежнему сидел попугай. Тогда Джошуа обеими руками ухватил каркас и ткнул им в лицо эльфу. В разные стороны полетели осколки стекла и обломки пластмассы, эльф с воплем запрокинулся назад, и, слава богу, смертоносная удавка на горле ослабла.

Но другие эльфы на свиньях орали и приближались.

— Джошуа! — загремел в воздухе громкоговоритель. Корабль медленно и тяжеловесно снижался, и из люка свисала веревочная лестница.

Джошуа поднялся на ноги, хватая воздух саднящим горлом, но между ним и лестницей стояли враги, а раненый эльф, лежа на земле, яростно вопил. Круг сжимался, и единственным вариантом был путь, которым прискакал вожак.

Поэтому Джошуа побежал туда, прочь от корабля — и прочь из круга. Сломанный попугай, по-прежнему прикрепленный к плечу проводами, волочился за Джошуа по земле. Яростно орущие эльфы гнались следом. Если бы только он как-нибудь сумел вернуться или, например, добраться до леса...

— Джошуа! Осторожно! Смотри...

Земля внезапно ушла из-под ног.

Он пролетел около ярда и оказался в яме, окруженный собаками — нет, помесью собак и медведей, которых он раньше уже видел. Животными с маленькими собачьими туловищами,

массивными головами и медвежьими мордами. Порошенные черной шерстью твари кишели вокруг. Самки и щенки. Джошуа угодил в логовище, а не в ловушку. Но даже щенки огрызались и сердито рычали. Самый маленький, почти хорошенький, сомкнул миниатюрные медвежьи челюсти на ноге Джошуа. Тот лягался, пытаясь освободиться из крепкой хватки, взрослые собако-медведи лаяли и рычали, и Джошуа подозревал, что сейчас они на него набросятся.

Но тут появились эльфы на своих свиноподобных скакунах. Взрослые животные стаей высыпали из логова и ринулись на свиней. Началась драка — вопли, лай, хрюканье, рев, визг, лязг зубов, крики боли и брызги крови. Эльфы мелькали тут и там, словно Джошуа наблюдал эту сцену под стробоскопом.

Джошуа выбрался из ямы и побежал прочь от поля боя — во всяком случае, попытался. Но упрямый щенок висел у него на ноге, и вдобавок он по-прежнему волочил за собой бесполезные останки попугая. Джошуа поднял голову. Корабль маячил почти аккуратно над ним. Он прыгнул, схватился за веревочную лестницу и яростно отпихнул щенка. «Марк Твен» взлетел немедленно.

Тем временем собаки окружили огромных свиней, которые отчаянно отбивались. Джошуа видел, как большая медведесобака вцепилась зубами в шею визжащей свиньи и повалила ее наземь. Но другая свинья поддела собаку большими клыками, распоров ей грудную клетку, и подбросила в воздух. В той же мясорубке мель-

кали эльфы. Собака прыгнула на одного из них, целясь в горло; эльф исчез и возник рядом. Он развернулся с балетной грацией, перехватил животное в прыжке и полоснул тонким каменным ножом, выпустив собаке внутренности прежде, чем она успела коснуться земли. Эльфы дрались не на жизнь, а на смерть, но у Джошуа возникло впечатление, что они сражались только за себя, а не друг за друга; это была не столько битва, сколько серия поединков. Каждый выживал поодиночке.

Корабль поднялся выше деревьев и вылетел на свет. Битва превратилась в клубок пыли и кровавых брызг на фоне окружающего пейзажа, над которым невозмутимо плыл «Марк Твен». Джошуа, все еще с трудом переводя дух, вскарабкался по лестнице и ввалился в люк.

— Ты ударил щенка, — с упреком произнес Лобсанг.

— Поставь галочку, — пропыхтел Джошуа. — Когда в следующий раз будешь выбирать место для приятного отдыха, представь себе Диснейленд.

А потом темнота, которая заслоняла ему свет с момента стычки с эльфом, наконец одержала верх.

ГЛАВА 31

Потом Джошуа узнал, что пострадал довольно-таки серьезно. Масса мелких повреждений, большую часть которых он просто не заметил

сразу. Раненая шея. Царапины, порезы и даже один укус, причем не от щенка на лодыжке — на плече у Джошуа оказался отпечаток вполне человеческих зубов. Передвижной модуль обработал раны, накачал Джошуа антибиотиками и болеутоляющими.

И он заснул. Иногда он ненадолго просыпался и смутно видел над собой белые, как кость, звезды, а внизу бесконечные зеленые леса. Мерный покачивающийся ритм переходов убаюкивал. Джошуа спал целыми днями.

Но чем дальше они продвигались на запад, тем сильнее становилось странное давление в голове, даже во сне, — удушье, которое он всегда чувствовал, когда возвращался на Базовую Землю. Столпотворение чужих сознаний, которые вытесняли Тишину. Может быть, Долгая Земля, как говорили некоторые, и впрямь представляла собой круг, который рано или поздно должен был замкнуться, и Джошуа приближался к стартовой точке, то есть к Базовой Земле? Очень странно. А если нет — что ждет впереди? И что гнало троллей по мирам?

Когда он наконец проснулся полностью, корабль вновь стоял. Джошуа сел и огляделся.

— Расслабься, — произнес бесплотный голос Лобсанга.

— Мы остановились, — голос звучал хрипло, но все-таки звучал.

— Ты крепко спал, Джошуа. Я рад, что ты проснулся. Нам надо поговорить. Ты ведь понимаешь, что тебе не грозила настоящая опасность, не так ли?

Джошуа потер горло.

— А мне так не показалось.

— Я мог обезвредить эльфов в любую секунду. Усовершенствованный лазер был нацелен...

— Ну и почему же ты не стрелял?

— Ты сам попросил спустить тебя на землю. Я думал, тебе нравится.

— Как ты уже однажды заметил, Лобсанг, нам надо договориться о терминах.

Джошуа отбросил одеяло, встал и потянулся. На нем были шорты и футболка, хотя он не помнил, как надевал их. С одной стороны, сейчас он бы вряд ли осилил марафонскую дистанцию, но, с другой стороны, его не мутило. Он отправился в душ, осторожно переставляя ноги, и поспешно смыл пот с тела. Небольшие царапины заживали, горло лишь слегка покалывало. Выйдя, Джошуа достал из шкафа чистую одежду.

Сквозь иллюминатор каюты он увидел, что корабль висит над частым гребнем тропического леса, который тянется до зеленого горизонта. Над заросшими долинами клубился туман. Солнце стояло низко; Джошуа догадался, что сейчас раннее утро. Корабль маячил примерно в сотне футов над землей.

Лобсанг сказал:

— Мы останавливались не каждый день, но с такой высоты трудно что-нибудь разглядеть.

— Из-за густого леса?

— Я послал вниз передвижной модуль. Мы далеко от дома, Джошуа. Примерно в девятистах тысячах миров от Базовой Земли. Только подумай. Вот оно, типичное зрелище. Лес, кото-

рый тянется до самого горизонта. Возможно, он покрывает весь континент. Здесь трудно вести наблюдение.

— Но что-то тебя явно заинтересовало, правда?

— Посмотри на экран, — предложил Лобсанг.

Картинка на экране дрожала и прыгала — модуль, видимо, удалился от корабля. На экране Джошуа увидел лесную прогалину, брешь в сплошном зеленом покрове, наверное, пробитую огромным упавшим деревом, ствол которого лежал посреди поляны, поросший лишайником и экзотическими грибами. Доступ света позволил пробиться молодым побегам и низкому кустарнику.

А еще свежая поросль привлекла гуманоидов. Джошуа заметил группу троллей. Они сидели на поляне тесной кучкой и терпеливо искали насекомых в шерсти друг у друга — каждый обрабатывал спину сидящего впереди. Они немолчно напевали обрывки мелодий, похожие на полузабытые песни, — музыкальные фразы из двух, трех, четырех тактов, изобретаемые на месте и смутно доносившиеся до микрофонов модуля.

— Тролли?

— Думаю, да, — негромко ответил Лобсанг. — Музыковедам понадобится лет сто, чтобы разгадать структуру их пения. Смотри дальше.

Когда глаза Джошуа привыкли к дрожанию на экране, он разглядел и другие группы гуманоидов, на поляне и в лесном сумраке. Некоторых

он видел впервые. Они играли, работали, выбирали насекомых, охотились. Он не сомневался, что это гуманоиды, а не обезьяны; когда кто-либо из существ вставал, становилось ясно, что оно двуногое и прямоходящее. Джошуа сказал:

— Кажется, разные виды друг с другом не враждуют.

— Да. Даже наоборот.

— Почему они все собрались здесь? В конце концов, они же разные.

— Подозреваю, что конкретно в этом сообществе они стали созависимы. Они нужны друг другу. Наверное, у них слегка различаются органы чувств, так что один вид может заметить опасность раньше остальных; так, мы помним, что тролли используют ультразвук. Сходным образом вместе плавают разные виды дельфинов. Видишь, я следую твоему совету, Джошуа. Я неспешно исследую чудеса Долгой Земли, наподобие этого скопления гуманоидов. Примечательное зрелище, не правда ли? Похоже на мечту о золотом веке человечества — множество гоминидов в едином пространстве.

— А как насчет будущего, Лобсанг? Что случится, когда сюда явятся люди? Смогут ли тролли и прочие выжить?

— Это другой вопрос. И что случится, если они устроят великое переселение на восток? Хочешь спуститься?

— Нет.

Когда корабль полетел дальше, они долго рассуждали о странном, самобытном человечестве Долгой Земли. И Лобсанг рассказал, как

вскоре после Дня перехода отправил в параллельные миры несколько экспедиций на поиски ближайших родственников человека. Он рассказал Джошуа историю Нельсона Азикиве.

ГЛАВА 32

Если верить официальной истории семьи, его крестили Нельсоном в честь знаменитого адмирала. На самом деле он, скорее всего, получил имя в честь Нельсона Манделы, который, по словам матери, теперь сидел по правую руку Бога. И Нельсон-младший, вырастая, думал, что это очень хорошо, что у Манделы самое подходящее положение, чтобы помешать мстительному богу Израиля обрушить бедствие-другое на голову человечества.

Мать воспитала Нельсона «в Боге», как она сама выражалась, и, к ее чести, сын оставался стойким в вере, а в конце концов, после непростой карьеры и еще более непростого философского путешествия, принес обеты. И вполне закономерно его пригласили в Британию, чтобы возвестить благую весть язычникам — несомненное доказательство того, что в мире все движется кругами. Нельсону понравились англичане. Они часто извинялись, что было вполне понятно, учитывая их наследие и преступления предков. Почему-то архиепископ Кентерберийский отослал Нельсона в провинциальный приход, такой безгрешный, что хоть сейчас в рай. Возможно, у архиепископа было странное чувство юмора.

Или он хотел что-то доказать. Или просто посмотреть, что получится.

Разумеется, Англия здорово изменилась с тех пор, как мать рассказывала о ней Нельсону в детстве. Теперь, когда матери давно не стало, он ходил по Лондону, в котором обитало огромное разноцветное население. Трудно было найти разносчика газет, чьи недавние предки не расхаживали под африканскими звездами. Черт возьми, чернокожие мужчины и женщины даже сообщали слушателям, что на родине демократии пойдет дождь. И это несмотря на жуткое ощущение пустеющей страны, со столицей, которая безлюдла квартал за кварталом.

Именно так Нельсон и сказал уходившему на покой приходскому священнику Святого-Иоанна-на-Водах, преподобному Дэвиду Блесседу, который явно поддерживал теорию номинативного детерминизма. При первой встрече с Нельсоном Азикиве он воскликнул: «Сын мой, на следующие полгода как минимум у вас не будет недостатка в приглашениях на ужин!» Это оказалось подлинным пророчеством со стороны преподобного Блесседа, который, не без помощи семейного состояния, еще нестарым удалился на покой в собственный домик и собирался, по его признанию, с интересом наблюдать, как Нельсон будет читать первую проповедь.

Он оставил домик при церкви Нельсону, который поселился там в одиночестве, не считая пожилой женщины, которая каждый день готовила обед и прибиралась. Она не отличалась словоохотливостью, а Нельсон, со своей стороны,

не знал, о чем с ней говорить. И потом, у него и так хватало дел, поскольку в доме разгуливали сквозняки, а система канализации была такой замысловатой, что поставила бы в тупик самого Господа Бога; иногда шум сливного бачка раздавался посреди ночи без какой-либо видимой причины.

Эту часть Англии чудесным образом не затронула Долгая Земля. Ее не затронул даже двадцать первый век, насколько Нельсон мог судить. Обитатели Центральной Англии казались сущими зулусами среди прочих британцев. Буквально каждый мужчина в деревне когда-то служил в армии, причем вышел в отставку в довольно высоком чине. С тех пор они возились в саду и воевали с картошкой. Вежливость местных жителей поражала Нельсона. Их жены напекли ему столько пирогов, что пришлось делиться с преподобным Блесседом, которому, как подозревал Нельсон, велели задержаться и слать отчеты церковным властям в Ламбет-Палас об успехах нового священника.

Они разговаривали в доме у Дэвида, пока супруга преподобного Блесседа присутствовала на собрании в Женском институте.

— Разумеется, повсюду найдутся те, кто не сумел перестроиться, — сказал Дэвид. — Но здесь таких немного, потому что пережитки английской классовой системы берут верх, понимаете? Вы высоки ростом, красивы, говорите по-английски намного лучше, чем их собственные дети. А когда вы процитировали Гудзонову «Жизнь пастыря» на похоронах старого Хам-

фри, после заупокойной службы, которую, кстати говоря, вы провели великолепно, несколько человек украдкой подошли ко мне и поинтересовались, не я ли вас научил. Разумеется, я сказал, что нет. И поверьте, как только новости разошлись... в общем, вы прошли испытание. Они поняли, что вы не только отлично говорите по-английски, но и прекрасно знаете Англию. А здесь это много значит. Потом, в довершение всего, вы взяли в аренду участок земли, и люди видели, как вы копаете, сажаете — в общем, возделываете свой сад. Тогда они окончательно перешли на вашу сторону. Понимаете ли, местные слегка волновались, когда слышали о вашем приезде. Они... как бы выразиться... ожидали, что вы будете... немного серьезнее. Но вы, кажется, прекрасно подготовились.

Нельсон ответил:

— Некоторым образом, к моей миссии меня подготовила жизнь. Знаете, в детстве я был счастлив, очень счастлив для босоногого мальчишки из Южной Африки. Но мои родители считали, что тех, кто готов трудиться, ждет лучшее будущее. Вы, возможно, считаете, что они были слишком строги, и, наверное, вы правы. Но они не позволили мне связаться с дурной компанией и заставили ходить в школу. А потом, разумеется, появилась корпорация Блэка с программой «В поисках будущего», и мать узнала об этом и отправила меня на собеседование. Такое ощущение, что с тех пор я стал баловнем судьбы. Я получал высший балл во всех тестах, которые проходил. Внезапно корпорация обнаружила,

что у них есть мальчик-звезда, бедный африканский парнишка с уровнем IQ двести десять. Тогда они намекнули, что я могу просить луну с неба. Но я не знал, чего хочу. До самого Дня перехода... Где вы были в День перехода, Дэвид?

Пожилой священник подошел к огромному дубовому столу, вытащил массивный ежедневник, пошелестел страницами и сказал:

— Кажется, готовился к вечерней службе, когда услышал о том, что происходит. Что я подумал? А у кого вообще было время, чтобы крепко подумать? Здесь обошлось без особой паники. Провинция, как вы видите, отличается от города. Местных жителей не так легко напугать, и я сомневаюсь, что многие подростки в наших краях интересовались какими-то электронными игрушками. Тем более что ближайший магазин находится в Суиндоне. Но все наблюдали за происходящим по телевизору. Люди смотрели на небо, как будто надеялись увидеть другие миры — вот как мало мы понимали. Но ветер дул по-прежнему, коровы давали молоко, и, наверное, мы просто развлекались, слушая новости вперемешку с «Арчерами»¹. Честно говоря, не помню, чтобы у меня была хоть какая-то позиция по этому вопросу, пока не объявили официально, что действительно существуют другие миры и их миллионы, они находятся на расстоянии мысли и стоит только протянуть руку... Вот тогда люди наострили уши. Земля!

¹ «Арчеры» — британский радиосериал о повседневной жизни провинциального городка.

В провинции слово «земля» с гарантией привлечет внимание...

Он заглянул в бокал с бренди, убедился, что тот пуст, и пожал плечами.

— Короче говоря, я задумался — «вот что творит Бог».

— Книга Чисел, — машинально отозвался Нельсон.

— Молодчина, Нельсон. Кстати, что приятно, это были первые официальные слова, посланные Сэмюэлем Морзе по электрическому телеграфу в 1838 году. — Дэвид Блессед наполнил доверху бокал и жестом поинтересовался, хочет ли Нельсон еще.

Но молодой человек явно думал о другом.

— Что творит Бог... Я скажу вам, что творит Бог, Дэвид, честное слово. Настал День перехода, и мы узнали о Долгой Земле, и внезапно мир наполнился новыми вопросами. К тому времени я уже знал о Луисе Лики¹ и о том, как они с женой работали в Олдувайском ущелье. Я пришел в восторг при мысли о том, что все в мире по происхождению африканцы. Поэтому я объявил корпорации, что желаю знать, каким образом человек стал человеком. Я хотел понять, *зачем*. А главное, каково наше предназначение в контексте Долгой Земли. Короче говоря, я хотел знать, для чего мы существуем. Разумеется, к тому времени я уже отошел от веры, в которой был воспитан. Я, так сказать, стал слишком умен,

¹ Луис Лики (1903–1972) — британский антрополог и археолог.

чтобы оставаться с Богом. Я выкроил время, чтобы почитать о том, что творилось в последующие четыре столетия после Рождества Христова, и изучил непредсказуемую историю развития христианства. Мне показалось, что, какова бы ни была правда мироздания, ее уж точно не в силах постигнуть раздираемая ссорами кучка старых церковников.

Дэвид коротко рассмеялся.

— Я полюбил палеонтологию. Меня очаровывали кости и стоявшие за ними истории. Особенно теперь, когда у нас есть инструменты, о которых двадцать лет назад никто не мог даже мечтать. Вот путь к поиску истины. Я добился неплохих успехов. И даже замечательных. Кости как будто разговаривали со мной...

Преподобный Блессед мудро хранил молчание.

— И вот вскоре после Дня перехода ко мне обратились из корпорации Блэка. Они подготовили экспедицию, которую я должен был возглавить и повести в разнообразные последовательные варианты Олдувианского ущелья, насколько хватит средств. Туда, где зародилось человечество. Но в иных мирах. Когда имеешь дело с корпорацией Блэка, средства действительно неисчерпаемы. Проблема заключалась в нехватке опытных работников. Время было как никогда подходящее для того, чтобы стать археологом, и мы обучили множество молодых людей. Всякий человек с подходящим образованием и лопатой мог подыскать себе собственное ущелье. Что бы там ни происходило, охотники за костями нашли свое Эльдорадо. Некоторое подобие аф-

риканского Рифт-Валли существует во многих последовательных мирах; геология повсюду сравнительно неизменна. Мы, как и надеялись, нередко находили в намеченных областях кости, которые явно принадлежали гоминидам. Я занимался этим проектом четыре года. Мы расширили область работ, и везде было то же самое — кости. Я выбирал и другие вероятные районы, в которых также могли зародиться разнообразные Люси — например, китайские, в результате ранней миграции из Африки. Но после двух тысяч раскопок в смежных землях, после стольких экспедиций за счет корпорации Блэка мы так и не нашли никаких признаков зарождающегося человечества, кроме старых костей, иногда деформированных, иногда попорченных животными, по большей части совсем маленьких. Ничего выше австралопитеков. Колыбель человечества оказалась пуста. Там, конечно, до сих пор ищут, и до самого последнего времени я возглавлял проект. Но в конце концов пустота Долгой Земли — по крайней мере, отсутствие человечества — так меня смутила, что я сдался. Я взял круглую сумму, которую выделила мне корпорация в качестве прощального подарка, хотя, знаю, они надеются, что однажды блудный сын вернется. Но я решил, что хватит — хватит пустых черепов. Хватит крошечных косточек. Мы видели борьбу, но не зарождение. И в один прекрасный день я задумался, где произошла ошибка. А может быть, она случилась не там, а здесь? Может быть, эволюция человечества — какая-то ужасная вселенская оплошность?

— Поэтому вы вернулись в лоно церкви? Ничего не скажешь, крутой поворот.

— Мне говорили, что в последнее время никого не посвящали так быстро, как меня. Я знаю, что в прошлом английская церковь благосклонно взидала на людей, которых называли естествоиспытателями. Многие викарии проводили воскресенья, охотясь за новыми образцами бабочек. Я всегда думал, какая это была удивительная жизнь — в одной руке Библия, а в другой — бутылка с эфиром.

— Не так ли начинал и Дарвин?

— Дарвин не стал священником. Его отвлекли букашки... Вот почему я здесь. Наверное, я искал новую точку отсчета, вот и подумал: почему бы не изучить теологию? Подойти к ней всерьез. Посмотреть, что получится. Кстати, мое предварительное заключение: Бога нет. Не обижайтесь.

— И не думаю.

— Значит, я должен выяснить, что же *есть*. Сейчас мою философию превосходно иллюстрирует следующая цитата: «Когда просыпаешься поутру, подумай, какая это привилегия — быть живым, дышать, думать, наслаждаться, любить».

Преподобный Блессед улыбнулся.

— А, старина Марк Аврелий. Нельсон, он же был язычником!

— Что, в общем, подтверждает мою точку зрения. Можно еще глоточек бренди, Дэвид?

— По сути, Нельсон был прав, — сказал Лобсанг. — Линия гоминидов — и обезьяны, от которых они произошли, — очевидно, облада-

ла огромным эволюционным потенциалом. Но если способность переходить впервые развилась на Базовой Земле, значит, умевшие переходить гуманоиды быстро распространились за ее пределы, оставляя случайные следы в палеонтологических летописях; только на Базовой Земле можно найти кости, подтверждающие поступательную эволюцию человечества.

— И что же, Лобсанг? Об этом задумывался и Нельсон. Для чего вообще нужна Долгая Земля?

— Полагаю, наша задача в том, чтобы выяснить. Может быть, отправимся дальше?

ГЛАВА 33

И они отправились дальше, оставив позади необычное сообщество гуманоидов. Теперь «Марк Твен» двигался на восток, прочь от тихоокеанского побережья, углубляясь в недра континента.

Почти незаметно проплыла мимо очередная вежа — миллионный мир. Ничего особенно не изменилось, лишь бесшумно зажглась новая цифра на землеметре. Но теперь путешественники пересекали миры, которые пионеры первой волны называли Верхними Меггерами. Никто, даже Лобсанг, не знал наверняка, заходил ли сюда хоть кто-нибудь.

Джунгли, покрывавшие Северную Америку, постепенно становились гуще, плотнее, жарче. Сверху не было видно ничего, кроме зеленого

одеяла, там и сям испещренного пятнами воды. Воздушная съемка давала понять, что в этих мирах леса, вероятно, тянутся до самых полюсов.

Как и раньше, каждый день Лобсанг оставлял корабль, чтобы спустить Джошуа на землю размять ноги. Джошуа оказывался в густом лесу, где росли папоротники всех размеров и деревья, знакомые и незнакомые, увитые ползучими растениями вроде жимолости и винограда. Цветы полыхали буйством красок. Иногда Джошуа возвращался с гроздьями ягод, похожих на виноград, — маленьких и твердых по сравнению с садовым виноградом, но все-таки сладких. В таком густом лесу не водились крупные животные, зато попадались какие-то странные скачущие твари, немного похожие на кенгуру, но с длинными подвижными носами. Джошуа научился доверять этим созданиям, чьи тропы в подлеске неизменно приводили к воде. А в листве мелькали летающие существа, которые хлопали огромными крыльями. Однажды он даже увидел нечто извивающееся и очень похожее на осьминога, которого запустили в воздух, как летающую тарелочку. Что за чертовщина?

Несколько ночей Джошуа провел вне корабля, просто в память о старых добрых временах. Он чувствовал себя совсем как в «творческом отпуске», особенно когда отходил на мир-другой от Лобсанга, хотя господин и повелитель этого не одобрял. И все-таки, когда выдавалась такая возможность, Джошуа сидел у костра и слушал Тишину. В погожие ночи ему казалось, что он *ощущает* другие миры, обширную пустоту вне

досягаемости крошечного круга света, который отбрасывал костер, массу невоплощенных возможностей. А потом он возвращался на корабль, оставляя позади почти неисследованным целый мир с его удивительными тайнами.

И они летели дальше, дальше и дальше.

На пятидесятый день пути, когда они находились примерно за миллион триста тысяч миров от дома, земля и воздух замерцали, леса исчезли, и даль расчистилась: появилось море, которое тянулось до горизонта, сверкая и белея пеной, в самом сердце Северной Америки.

Не останавливаясь, Лобсанг повернул корабль на юг в поисках суши.

Мир за миром, море оставалось внизу. Оно кишело жизнью, зеленело водорослями, в нем виднелись какие-то светлые очертания, которые вполне могли быть коралловыми рифами, и живые существа, которые прыгали и ныряли, — возможно, дельфины. Аккуратно снижаясь, путешественники убедились, что море соленое. Это не обязательно значило, что оно впадало в обширный Мировой океан; внутренние моря бывают солеными от испарений. Пробы воды, которые брал Лобсанг, были полны морских растений и ракообразных — экзотических, во всяком случае, с точки зрения специалиста. Лобсанг исправно увеличивал запас образцов и снимков.

Наконец, двигаясь на юг, они увидели береговую линию. Корабль перестал переходить, и они исследовали мир, в котором оказались. Сна-

чала они обнаружили плотные массы тумана, затем огромных птицеобразных животных, низко круживших над морем, а потом — саму землю, поросшую густым лесом, который почти вплотную подступал к побережью. Лобсанг решил, что холмы, к которым они приближались, — вероятно, родственники плато Озарк.

Они летели на восток, пока не добрались до громадной долины, возможно проложенной трояродной сестрой Миссисипи или Огайо. «Марк Твен» двигался вдоль нее на север до устья, где река впадала во внутреннее море. Место слияния пресной речной воды с соленой океанской было видно благодаря пятну ила, растянувшемуся на несколько миль.

Сюда, на открытое место, к берегам пресноводной реки, сходились на водопой звери. Пока «Марк Твен» летел мимо, перебирая миры, Джошуа видел стада огромных животных, которые то появлялись, то исчезали — одни были четвероногими и походили на слонов, другие двуногими и вполне могли быть бескрылыми птицами. У их ног копошилась живность поменьше. Несколько секунд — и появлялась очередная прихотливая, нереальная сцена, а за ней следующая...

— Похоже на подборку кадров из фильмов Рэя Гаррихаузена, — сказал Лобсанг.

— Кто такой Рэй Гаррихаузен? — спросил Джошуа.

— Сегодня вечером мы посмотрим оригинальную версию «Ясона и аргonavтов». После фильма — лекция с показом слайдов. Не пропустите. Но какая находка, Джошуа! Я имею

в виду море. И все побережье. Сколько места, чтобы прийти и поселиться! В данной версии Северной Америки есть второе Средиземное море, внутреннее, которое сулит немало богатств и культурных возможностей. А что касается потенциала для колонизации, Кукурузный пояс по сравнению с ним гроша ломаного не стоит. О, здесь могла бы зародиться новая цивилизация. Не говоря уже о возможностях для туризма — в любом из этих миров, а мы миновали уже сотню.

Джошуа сухо отозвался:

— Может быть, их назовут поясом Лобсанга. Если Лобсанг и понял шутку, то промолчал.

Еще одна ночь, еще один глубокий сон.

Когда Джошуа проснулся на следующее утро, за иллюминатором как будто горел костер.

Он вылетел из постели. Лобсанг вошел в каюту, когда Джошуа натягивал штаны, отчего тот еще больше заторопился и подумал, что нужно объяснить Лобсангу значение слова «стучать».

Лобсанг улыбнулся.

— Доброе утро, Джошуа. Сегодня многообещающий день.

— Да, да, — сегодня у него не было настроения выслушивать чушь. Мысль об обществе — настоящем, безусловно человеческом обществе — словно наэлектризовала Джошуа. Носки, грубые башмаки... — Я готов спускаться. Лобсанг... кто бы ни развел этот огонь... там люди?

— Насколько я понимаю, да. Ты увидишь, как она загорает в обществе динозавров.

— Она! Динозавры! Загорает!

— Посмотри своими глазами. Но будь осторожен, Джошуа. Динозавры выглядят достаточно дружелюбно. Во всяком случае, по большей части. Но вот она может и укусить...

Не считая лифта, у них теперь появился второй путь с корабля вниз — высокотехнологичная штука, которая представляла собой старую автомобильную покрывку (найденную на складе разного барахла в обширных недрах «Марка Твена») на веревке. Плюс тревожная кнопка на груди у Джошуа. По сигналу Лобсанг мог спустить покрывку, а главное, быстро поднять, если за Джошуа гнались. Он почувствовал себя гораздо лучше, когда установил этот спасательный механизм после встречи с кровожадными эльфами, и в последнее время всегда настаивал, чтобы покрывка болталась невысоко от земли. Джошуа был готов бегом броситься к ней в случае опасности.

И теперь его спускали на очередную Землю. Где-то здесь находился еще один человек, он это чувствовал. Честное слово. Для Джошуа присутствие людей меняло мир.

У Лобсанга вошло в привычку высаживать своего спутника неподалеку от цели, чтобы тот мог осторожно приблизиться, вместо того чтобы сваливаться с неба. Поэтому корабль завис над дельтой реки — над густыми деревьями, кустарником, болотами и небольшими озерами. Воздух был свеж, но пахло солью и влажной гнилью из джунглей. Доносился еще какой-то запах, сухой и тонкий, хоть и неопределенный, — так пока-

залось Джошуа, когда он спустился. Густой лес доходил до края глинистой равнины и покрывал возвышенность на юге. И откуда-то тянулась тонкая струйка дыма.

Джошуа спустился чуть в стороне от реки, в лесу. Оказавшись на твердой земле, он осторожно зашагал вперед, в сторону дыма.

— Я чую... сухость. И ржавчину. Похоже на террариум в зоопарке.

— Этот мир может сильно отличаться от Базовой Земли, Джошуа. Мы далеко забрались по шкале вероятности.

Лес расступился, обнажив полосу пляжа и неспешное течение. И среди камней, близ воды, Джошуа увидел толстых, массивных, похожих на тюленей животных, которые нежились на солнце. Стадо насчитывало примерно десяток особей, в том числе нескольких детенышей. Их грузные тела поросли бледно-золотистой шерстью, и у всех были маленькие, почти конические головы с черными глазами, маленькими ртами и плоскими, как у обезьян, ноздрями. Тюлени с гуманоидными лицами. Попугай на плече у Джошуа, которого починили после того, как он сыграл роль дубины, зажужжал, наводя объектив.

Морские создания заметили гостя раньше, чем он успел подойти поближе. Они приподнялись, повернули свои обезьяньи головы и с тревожным уханьем поползли с камней по песку к воде; детеныши торопились за взрослыми. Джошуа увидел, что конечности у них представляли собой нечто среднее между обезьяньими лапами и ластами — с коротенькими кистями и

перепонками между пальцами. Животные легко скользнули в воду, где, видимо, чувствовали себя увереннее, чем на суше.

Но тут же взметнулись брызги, и из воды высунулась верхняя челюсть размером с лодку. Морские твари в панике бросились врассыпную, визжа и барахтаясь.

— Крокодил, — сказал Джошуа. — Туда, чтоб тебя, не сунешься.

Он подобрал плоский камень и зашагал к воде.

— Джошуа, осторожней...

— Эй ты! — Он что есть силы пустил камнем по воде и с радостью убедился, что попал крокодилу в правый глаз. Тварь с ревом нырнула.

А потом выскочила из воды. У нее оказались мощные задние ноги. Длиной крокодил был метров двенадцати. Как будто из моря внезапно вылетела субмарина. Джошуа показалось, что земля задрожала, когда крокодил приземлился на песок... и в ярости двинулся к нему.

— Твою мать...

Джошуа повернулся и побежал.

Он нырнул в очередную рощицу, пробираясь в сырой тени деревьев. Оказавшись перед естественной преградой, крокодил озадаченно заревел, покрутил огромной башкой и зашагал вдоль пляжа, ища другую добычу.

Джошуа, тяжело дыша, прислонился к стволу. Вокруг, на деревьях и на земле, росли цветы; лес, несмотря на тень, был полон красок. Повсюду слышался шум, отзывавшийся эхом;

сквозь ветви доносились тонкие крики, откуда-то издалека — низкое ворчание.

— Повезло тебе с крокодилом, — заметил Лобсанг. — Глупо, но повезло.

— Но если сейчас он завтракает здешними гуманоидами, это моя вина. Они ведь гуманоиды, так, Лобсанг?

— Да, наверное. Но лишь отчасти адаптировавшиеся. Двух миллионов лет недостаточно, чтобы превратить двуногую обезьяну в тюленя. Они сродни дарвиновским бескрылым бакланам.

Тени росли и менялись. Что-то заслонило обзор — огромная туша, похожая на летающий дом. С грохотом опустилась нога толщиной с дуб, выше Джошуа. Он съежился, не смея броситься бегом под прикрытие деревьев, и робко взглянул вверх, на туловище, покрытое толстой морщинистой шкурой, испещренной старыми шрамами, похожими на воронки от снарядов.

Бегом, прямо из ниоткуда, вынырнул хищник, похожий на тираннозавра, с массивными задними лапами и маленькими когтистыми передними, с головой как бульдозер. Тварь размером с паровоз и столь же шустрая. Джошуа подался еще дальше в глубь зарослей, а хищник бросился на гигантское животное, сомкнул огромные челюсти и оторвал кусок мяса размером с человеческий торс. Зверь заревел, как будто взывала сирена гигантского танкера. Но ходу он не сбавил, словно не заметил огромной раны, как Джошуа не обратил бы внимания на блошинный укус.

— Лобсанг...

— Я видел. Вижу. Обед в парке юрского периода...

— Скорее легкая закуска, — сказал Джошуа. — Мы нашли динозавров, Лобсанг?

— Не динозавров. Хотя я знал, что ты так скажешь. Данные животные слишком хорошо развиты для динозавров. Некоторых из них — изрядно эволюционировавшие потомки рептилий мелового периода, которые живут в мирах, где не упал погубивший динозавров астероид. Здесь, возможно, он лишь поцеловал планету, овев ее холодком смерти... Но все не так просто, Джошуа. Огромное травоядное, которое чуть не наступило на тебя, — это вообще не рептилия, а млекопитающее.

— Правда?

— Самка, притом сумчатая. Я разглядел детеныша размером с лошадь, которого она несла в сумке на брюхе. Потом покажу тебе снимок. С другой стороны, подобная морфология — огромные травоядные, на которых охотились свирепые хищники, — действительно была нормой в эпоху динозавров, и, возможно, она универсальна. Джошуа, не забывай: ты путешествуешь не назад во времени. И не вперед. Ты перемещаешься по шкале вероятностей в пределах планеты, на которой время от времени драматические, якобы хаотичные, катаклизмы уничтожали большую часть живых существ, освобождая место для эволюционных новаций. На каждой следующей Земле исход с вероятностью в той или иной степени будет другим. Однако ты уже почти дошел до костра. Иди к воде!

С треском продираясь сквозь подлесок, через рощу прошли еще несколько животных, направлявшихся к реке, к пресной воде. Сквозь заросли Джошуа видел длинные тела, рога, внушительные разноцветные гребни. Взрослые особи были выше плеча взрослого мужчины, детеныши сновали у них под ногами, похожими на движущиеся колонны. Но даже эти великаны казались карликами по сравнению с млекопитающим, которое он видел только что. Они шли к воде, и Джошуа последовал за ними.

Идя вдоль ручейка, он вышел на опушку. На заболоченной равнине расхаживали, ссорились и кормились огромные стаи птиц или каких-то птицеобразных существ. Болотные цветы под синим небом горели многоцветьем. Джошуа показалось, что он заметил горбатые спины крокодилов, скользивших в глубине. У кромки воды сгруппировались огромные животные, увенчанные гребнями.

А на белом песке прямоходящие двуногие ящерицы нежились на солнце. Те, что поменьше, бегали друг за другом по пляжу и время от времени бросались в волну прибоя. Своими повадками они точь-в-точь напоминали калифорнийских подростков. Затем одно из животных, покрупнее, заметило Джошуа и ткнуло ближайшего соседа. Оба немного пошипели, после чего второй миниатюрный динозавр снова задремал, а первый остался сидеть. Он с большим интересом наблюдал за Джошуа.

— Славные, правда? — спросил женский голос.

Джошуа с колотящимся сердцем развернулся.

Женщина была невысокой и коренастой, со стянутыми в пучок светлыми волосами, в практичной куртке без рукавов, сплошь усеянной карманами. Она казалась чуть старше Джошуа — за тридцать, может быть. Квадратное, с правильными чертами лицо, обветренное и загорелое, скорее мужественное, чем красивое. Она оценивающе взглянула на Джошуа и сказала:

— Они безвредны, если им ничто не угрожает. И умны. У них существует разделение обязанностей, и они даже изготавливают орудия труда, например палки, чтобы выкапывать моллюсков. А еще они делают примитивные, но вполне годные лодки и затейливые ловушки для рыбы. Тут не обойдешься без наблюдения, дедукции, размышлений и командной работы, а также представления о том, что ради лучшего завтра надо потрудиться сегодня...

Джошуа, онемев, смотрел на незнакомку.

Женщина рассмеялась.

— Может быть, закроете рот?

Она протянула руку, на которую Джошуа уставился как на обнаженный меч.

— Я вас знаю. Вы Джошуа Валиенте, если не ошибаюсь? Я так и знала, что однажды мы встретимся. Миры тесны, правда?

Джошуа застыл.

— А вы кто такая?

— Зовите меня... Салли.

В ушах Джошуа настойчиво гудел голос Лобсанга:

— Пригласи ее на корабль! Соблазни! У нас полно превосходной еды, которую, отмечу, мы

даром тратим на тебя. Предложи ей заняться сексом! Как угодно, но уговори ее подняться на корабль, черт возьми!

Джошуа шепотом ответил:

— Лобсанг, ты и правда ничего не понимаешь в человеческих отношениях.

Лобсанг, казалось, обиделся.

— Я прочел все книги на свете, посвященные человеческой сексуальности. И некогда у меня тоже было тело. Как, по-твоему, появляются на свет тибетские дети? Но не важно, не важно! Мы должны пригласить девушку на корабль. Только подумай! Что делает в Верхних Меггерах такая милашка?

Лобсанг рассуждал здраво. Кем бы ни была Салли, как она оказалась здесь, в миллионе миров от Базовой Земли? Может быть, она путешествовала, не испытывая тошноты, как и Джошуа? Допустим. Но за день удастся совершить лишь определенное количество переходов. Без посторонней помощи Джошуа проделывал тысячу. Разумеется, человеку нужно есть и спать. Несложно по пути завалить неосторожного оленя, если умеешь охотиться, но нельзя ускорить процесс разделки туши и приготовления пищи, а это задерживает путешественника. У Салли ушли бы годы, чтобы забраться так далеко.

Она подозрительно смотрела на Джошуа.

— О чем вы думаете? И с кем разговариваете?

— С капитаном нашего корабля.

Он даже не вполне солгал. Сестры не одобряли вранье.

— Правда? Вы имеете в виду тот огромный дурацкий мешок? И сколько человек на вашем летающем чудище? Кстати, Робур-завоеватель, надеюсь, вы не собираетесь захватить этот мир?¹ Мне нравятся мои здешние приятели.

Джошуа скосил глаза. Миниатюрные динозавры собрались вокруг, старательно балансируя на задних ногах, как сурикаты. Они смотрели с любопытством, хоть и настороженно.

— Капитан приглашает вас на борт, — наконец проговорил Джошуа.

Салли улыбнулась.

— На эту штуку? Ни за что, сэр. Не обижайтесь. Кстати, — Салли вдруг замялась, — не поделитесь ли мылом? Я здесь, конечно, сама варю мыло из щелока, но не отказалась бы от чего-нибудь понежнее.

— Не сомневаюсь, что...

— Например, с запахом розы.

— Вам нужно еще что-нибудь?

— Шоколад.

— Конечно.

— В обмен я предлагаю... информацию. Договорились?

Голос в ухе у Джошуа настаивал:

— Спроси, какую информацию она может предложить. Что мы не в состоянии выяснить сами?

Выслушав вопрос, Салли фыркнула.

¹ Робур-завоеватель — герой одноименного фантастического романа Жюль Верна.

— Ну, не знаю. А что вы *можете* выяснить сами? Глядя на ваши антенны и тарелки, я готова поверить, что вы перлюстрируете почту самого Господа Бога.

Джошуа сказал:

— Слушайте, я сейчас смотаюсь на корабль, возьму мыло и шоколад и вернусь. Договорились? Только никуда не уходите.

К его огромному смущению, Салли расхохоталась.

— Господи, да вы настоящий джентльмен. Наверное, в детстве были бойскаутом.

Пока Джошуа поднимался на корабль, Лобсанг шептал ему на ухо:

— Если существует более эффективный способ перехода, мы обязаны узнать, в чем он заключается!

— Знаю, Лобсанг. Знаю! Я постараюсь.

Но прямо сейчас Джошуа думал о переходах в последнюю очередь.

Они пообедали на пляже. Свежевыловленные устрицы, приготовленные на костре.

Эта встреча изрядно ошеломила Джошуа. Он не привык к обществу женщин — во всяком случае, женщин без апостольника на голове. Девочки в Приюте более или менее походили на сестер, а монахини обладали острым, как рентген, зрением и невероятно тонким слухом. В том, что касалось противоположного пола, обитатели Приюта находились под постоянным контролем. А если ты проводил много времени

на новых Землях и редко видел других людей, каждый встречный становился досадной помехой, он посягал на *твое* пространство...

А сейчас вдобавок Джошуа смущали миниатюрные динозавры, которые вытягивали шеи, чтобы ничего не пропустить. Как будто за ним и Салли наблюдала компания любопытных ребяташек. Джошуа хотелось предложить им пару баксов и спровадить в кино.

Он должен был поговорить с загадочной путешественницей. Внутри его копилось напряжение, огромная неосуществленная потребность беседы. Глядя на женщину, Джошуа подумал, что она испытывает то же самое.

— Не беспокойтесь насчет динозавриков, — сказала Салли. — Они безопасны, хотя и очень смышлены. Когда речь заходит о том, чтобы удрать от крупного зверя или от крокодила, они проявляют редкую сообразительность. Я то и дело возвращаюсь сюда, чтобы посмотреть, как у них дела.

— Но как? Как вы сюда попали, Салли?

Она поворошила угли, и миниатюрные создания в испуге отпрянули.

— Ну, это не ваше дело. Так гласил кодекс Дикого Запада, и на Долгой Земле те же правила. Устрицы отлично поджарились, правда?

О да. Джошуа уплетал четвертую.

— Я чувствую привкус ветчины. В лесу я видел животных, похожих на свиней, но размером с гору. А еще тут как будто есть вустерский соус. Я прав?

— Плюс-минус. Я не путешествую с пустыми руками, — Салли взглянула на него. Губы у нее были испачканы соком «устриц килпатрик». — Давайте договоримся. Я буду откровенна с вами, а вы со мной. Ну, в разумных пределах. Кажется, я уже кое-что поняла про вас. Во-первых, в этой огромной штуковине, которая маячит над лесом, сейчас только один человек, насколько я поняла. Будь там команда, они уже наводнили бы мой уютный мирок, как только вы меня нашли. Значит, считая вас, на корабле всего двое. Великоват он для двоих, э? Во-вторых, он выглядит чертовски дорого, а поскольку у университетов нет таких денег, а у правительства воображения, значит, корабль снарядила какая-нибудь корпорация. Наверное, Дуглас Блэк? — Салли улыбнулась. — Не вините себя, вы ничего не выдали. Блэк умен, и стиль у него узнаваемый.

В наушнике царило молчание.

Салли разгадала колебания Джошуа.

— Штаб-квартира молчит? Ну же! Рано или поздно всякий, у кого есть талант, способный заинтересовать Дугласа Блэка, поступает к нему на работу. В том числе мой родной отец. Даже деньги на самом деле — не главная приманка. Потому что если у человека и правда талант, наш друг Дуглас выдаст ему мешок игрушек, вроде этого вашего корабля. Я права?

— Я не работаю на Блэка.

— Вы просто заключили временный контракт? Так сказать, фиговый листок, — небрежно произнесла Салли. — Знаете, в штаб-квартире Блэка в Нью-Джерси каждый сотрудник

корпорации носит наушник, совсем как у вас, так что Дуглас лично может обратиться к любому, когда вздумается. Говорят, даже его молчание устрашает. Но однажды мой отец сказал: «Я больше не стану носить эту штуку». И сейчас, Джошуа, я прошу оказать мне услугу и снять наушник. Я не откажусь побеседовать с вами. Я слышала о вас — о том, как вы спасли детей в День перехода. Кажется, вы порядочный человек. Но, ради бога, снимите этот современный рабский ошейник.

Джошуа с виноватым видом подчинился.

Салли удовлетворенно кивнула.

— Вот теперь мы можем поговорить.

— Не нужно нас бояться, — робко сказал Джошуа, хотя и не был полностью уверен в собственной правоте. — Мы здесь, чтобы исследовать другие миры. Чтобы разведать и выяснить, чтобы нанести Долгую Землю на карты. Такова цель нашей экспедиции...

«Точнее, такой она была, — подумал он, — пока мы не сосредоточились на миграциях гуманоидов, на поисках того, что их встревожило».

— Но не ваша. Я не знаю, кто вы, но вы не исследователь, Джошуа Валиенте. Что вы здесь делаете?

Он пожал плечами.

— Я — хранилище памяти. Нанятая сила.

Она усмехнулась.

Джошуа сказал:

— Вы сказали, что ваш отец работал у Блэка.

— Да.

— И чем он занимался?

— Он изобрел Переходник. Хотя и до того, как пришел к Блэку.

— Ваш отец — Уиллис Линдси? — Джошуа уставился на Салли, вспоминая День перехода и то, как изменилась его жизнь благодаря изобретению Линдси.

Салли улыбнулась.

— Да. Хотите знать все? Я из семьи Путников. Прирожденных Путников. Закройте рот, Джошуа. Мой дед умел переходить, и моя мать, и я умею. Мой отец, впрочем, не умел, поэтому ему пришлось изобрести какой-нибудь прибор. Он и изобрел. Я впервые перешла в четыре года. Вскоре я поняла, что папа может перейти, только если держит меня за руку. Кстати, нас однажды сфотографировали. Я никогда не боялась «волшебной двери». Спасибо маме. Она любила книги. Она читала мне Толкина, Лари Найвена, Несбита и все такое. Разумеется, я получила домашнее образование. И играла в собственной Нарнии! По правде говоря, после Дня перехода я страшно разозлилась, потому что пришлось делить свое тайное место со всем миром. Но мама объяснила, что я никому не должна говорить о том, что умею переходить.

Джошуа ошалело слушал. Он едва мог представить, каково вырасти в семье потомственных Путников. Среди таких же, как ты.

— В прежние времена было хорошо. Я любила тусить с папой в сарае, который стоял в параллельном мире, — правда, приходилось брать папу за руку, чтобы отвести в параллельный Вайоминг. Но папа редко бывал дома, потому

что вечно мотался по всему миру — он то и дело был нужен людям Блэка то в Массачусетском институте, то в какой-нибудь исследовательской лаборатории в Скандинавии, то в Южной Африке. Иногда поздно вечером прилетал вертолет, и папа забирался в кабину, а через час возвращался, и вертолет улетал. Когда я спрашивала, чем он занят, папа всегда отвечал: «Просто работаю». Я не возражала, потому что папа-то, конечно, не мог ошибаться. Он все на свете знал. А я понятия не имела, что он делает. Но ничуть не удивилась, когда он изобрел Переходник. Папа представлял собой удивительную смесь гениального теоретика и инженера-практика; думаю, он ближе, чем кто бы то ни было, подошел к постижению тайны Долгой Земли... но Долгая Земля ничем не помогла ему, когда умерла мама. Эту проблему не решишь технически. И тогда жизнь стала странная... — Салли запнулась. — То есть страннее, чем раньше. Папа продолжал работать. Но у меня возникло ощущение, что ему все равно, над чем и для чего он работает. Он всегда был этичен. Хиппи из рода хиппи. И вдруг папе стало все равно. Раньше он жил двойной жизнью. Прятал штуки вроде Переходника подальше. Папе нравилось играть в конспирацию. Он сказал, что научился этому в хипповской молодости, когда держал в погребе плантацию марихуаны. Однажды он мне показал тайник. Там была потайная дверь, которая открывалась только в том случае, если нажать на один определенный гвоздь, а один определенный горшок повернуть на девяносто градусов. Тогда

доска отходила в сторону, и открывалось большое пустое пространство, — никто бы в жизни не догадался — и там до сих пор пахло травкой... Вот моя история. Я переходила с самого детства; День перехода для моей семьи как выбоина на гладкой дороге. А как вы открыли для себя Долгую Землю, Джошуа? Я слышала, вы выросли в приюте у монахинь. Так гласит легенда.

— Мне не нужна легенда.

— Но — монахини? Они вас били? Или что-нибудь еще?

Джошуа прищурился.

— Меня никто не обижал. Ну, кроме сестры Мэри Джозеф, она явно адресом ошиблась, но сестра Агнес ее за час выпроводила. Знаете, Приют — очень странное место, обращенное в прошлое. Но правильное. Странное по-хорошему. Монахини давали нам много свободы. Мы читали Карла Сагана, прежде чем взяться за Ветхий Завет.

— Свобода. Да, могу понять. Вот почему мой отец ушел от Дугласа Блэка. В один прекрасный день Дуглас разузнал про Переходник и буквально вынудил папу его отдать. Тем более когда мамы не стало... по-моему, папа просто возненавидел людей. Но поступок Блэка стал последней каплей. Однажды папа просто исчез. Он поступил работать в Принстон по фальшивым документам. Но там все-таки он оставался на виду, поэтому, когда папа узнал, что Блэк его разыскивает, он перебрался в Мэдисон и устроился преподавателем в колледж под другим вымышленным именем. Он забрал с собой схему

Переходника, которую разрабатывал. Я отправилась за ним и поступила в тот же колледж. Мы почти не виделись. Наверное, я решила присмотреть за папой. Кстати, Уиллис Линдси — ненастоящее имя.

— Я так и подозревал.

— И тогда, заподозрив, что корпорация Блэка снова села ему на хвост, папа решил поделиться открытием со всем миром, чтобы никто не мог присвоить или запретить Переходник, предъявить на него права или обложить налогом. Папе не нравилась крупная индустрия, не нравилось правительство. Наверное, он надеялся, что мир станет лучше, если дать людям возможность обрести свободу. Насколько я знаю, он еще жив и где-то в последовательных мирах.

— Поэтому вы здесь? Вы его ищете?

— В том числе.

В воздухе что-то изменилось. Маленькие динозавры встали и потянулись, устремив взгляды на небо. Джошуа посмотрел на Салли. Она как ни в чем не бывало осторожно извлекала последнюю устрицу палочкой со сковороды.

Он спросил:

— Как вы думаете, он правильно поступил? Насчет Переходника.

— Ну... наверное. По крайней мере, люди получили новый вариант. Хотя папа и предупредил, что на Долгой Земле им придется научиться *думать*. Он однажды сказал: «Я даю человечеству ключ к бесконечным мирам. Конец бедности и, надеюсь, войне. Может быть, мы обретем новый смысл жизни. Исследования я оставляю

на долю вашего поколения, дорогая моя, хотя не сомневаюсь, что вы бесподобно облагаетесь». Почему вы на меня странно смотрите, Джошуа?

— Ваш отец правда так сказал?

Салли пожала плечами.

— Я же говорила, у папы за плечами — несколько поколений хиппи. Он всегда выражался откровенно.

И в этот момент над пляжем, вспугнув миниатюрных динозавров, загредел голос Лобсанга:

— Джошуа! На корабль! Немедленно! Опасность!

В воздухе повеяло чем-то странным, как будто горящим пластиком. Джошуа взглянул на горизонт на севере — там висело серое облако. Оно приближалось.

— Я их зову сосунами, — спокойно сказала Салли. — Похожи на стрекоз. Они впрыскивают в живые существа яд, от которого быстро распадаются клетки, и жертва превращается в мешок с супом, который они высасывают, как через соломинку. Почему-то динозавров они не трогают. Ваш электронный друг прав насчет опасности, Джошуа. Будьте умницей и бегите.

И она исчезла.

ГЛАВА 34

Когда Салли пропала, Джошуа перешел на восток, в противоположную сторону от курса «Марка Твена». Он это сделал инстинктивно — вернулся в тот мир, где уже побывал, потому что

следующая Земля могла оказаться еще хуже. Он стоял в густом лесу, как обычно — ничего, кроме деревьев, насколько хватало глаз, а их, из-за упомянутых деревьев, хватало лишь метров на сто. Ни девушки, ни динозавров, ни корабля.

Справа было чуть светлее, поэтому Джошуа зашагал туда и выбрался на обширное пространство, усеянное пеплом и обгорелыми пнями. Огонь прошел здесь давно: сквозь зловонное черное месиво уже пробивалась новая поросль, покрытая зелеными листочками. Давно отбушевавший лесной пожар, часть великого природного цикла, который начинает уже откровенно бесить, если повидать его миллион раз.

Внезапно над ним возник корабль — тень «Марка Твена» нависла над пожарищем, как кратковременное солнечное затмение. Джошуа надел наушник.

— Мы ее потеряли! — раздраженно пожаловался Лобсанг. — Ты что, не мог заманить девушку на корабль? Она, разумеется, открыла новый способ переходить! А главное...

Джошуа снова вытащил наушник и сел на пенек, поросший разноцветными грибами. Разговор с Салли его ошеломил. Поток слов, которые, видимо, давно копились у нее в душе. Она путешествовала одна, как и он. Джошуа ощутил странное волнение. В своих «творческих отпусках» он прекрасно существовал в таких мирах, как этот.

Внезапно он понял, что больше не желает видеть зависший над головой гигантский корабль, черт подери, и не нуждается в нем.

Он надел наушник и задумался. Как обычно выражалась сестра Агнес, если какой-нибудь высокопоставленный представитель церковных властей пытался наводить порядок в Приюте?

— Послушай, Лобсанг. Ты мне не хозяин. Однозначно не хозяин. Единственное, что ты сейчас можешь сделать, так это убить меня, но и тогда ты не будешь надо мной главным.

Ответа не было.

Джошуа встал и зашагал вниз с холма — во всяком случае, земля здесь ощутимо шла под уклон, что предвещало реку впереди, открытое пространство, убежище и почти наверняка дичь. Все, что нужно, чтобы выжить.

Наконец Лобсанг отозвался.

— Ты прав, Джошуа. Я тебе не хозяин и не хочу им быть. С другой стороны, просто не верится, что ты всерьез грозишься покинуть корабль. Не забывай, что мы путешествуем с определенной целью.

— Какова бы ни была твоя цель, Лобсанг, я никого не намерен похищать. — Джошуа остановился. — Ладно, я вернусь. Но только на определенных условиях.

Корабль висел прямо над головой.

— Первое — что я буду спускаться и подниматься, когда захочу, слышишь?

На сей раз Лобсанг ответил через громкоговоритель — грохочущим голосом с неба:

— Ты со мной торгуешься, Джошуа?

Тот почесал нос.

— На самом деле я требую. А что касается Салли, у меня ощущение, что скоро мы увидим-

ся, вне зависимости от наших планов. Ты никогда не найдешь одинокого человека в этих мирах, поросших лесом, но ей, черт возьми, несложно разглядеть в небе огромный корабль. Она сама нас найдет.

— Но она путешествует одна, как и ты. И забралась намного дальше. Возможно, Салли не нужны люди, и у нее нет причин искать компании.

Джошуа зашагал по сырому пеплу к кабине лифта, которая двигалась к земле.

— Да, люди ей не *нужны*. Но, похоже, она не прочь пообщаться.

— С чего ты взял?

— Она так со мной разговаривала. Слова просто хлынули потоком, потому что Салли хотела высказаться. Твои драгоценные горцы, наверное, точно так же вели себя при встречах. Я и сам такой же. Человек, которого зовут Джошуа, неизменно возвращается домой, чтобы побыть человеком и повидать друзей, просто людей, свою мать, то есть не то чтобы я хотел ее видеть, а Дэниэл Бун может катиться знаешь куда?

— Я же говорил, Джошуа, что путешествие расширит твой кругозор, если не словарь.

— И потом, ты еще кое-что упускаешь. Ты правда думаешь, что Салли чисто случайно оказалась у нас прямо по курсу и развела костер?

— Э...

— Она знала, что мы прилетим, Лобсанг. Я в этом уверен. Ей что-то нужно. Вопрос — что?

— Верно подмечено. Я подумаю. Кстати говоря, я поймал и препарировал нескольких тех летающих созданий. Они очень похожи на ос,

хотя действуют скорее как пчелы. Новый вид. Вот почему следует воздерживаться от произвольного развешивания ярлыков типа «динозавры».

— Ты изменил голос?

— Да. Если не ошибаюсь, теперь он звучит ласково и вдумчиво.

— Ты говоришь как раввин.

— Ты почти угадал. Это голос Дэвида Кософфа, еврейского актера, который был знаменит в пятидесятые-шестидесятые. Наверное, случайные паузы и легкая атмосфера смущенной благожелательности производят успокаивающий эффект.

— Да, но, честное слово, необязательно рассказывать об этом мне. Ты похож на фокусника, который разоблачает собственные трюки...

Черт возьми, Джошуа уже смеялся. Трудно было злиться на Лобсанга долго.

— Ладно, я поднимаюсь. Ну что, мы договорились?

Покрышка бесшумно пошла вверх.

Передвижной модуль ждал Джошуа в каюте. В свой облик Лобсанг внес кое-какие изменения.

Джошуа, вопреки всему, расхохотался:

— Ты похож на гостиничного швейцара! В чем дело?

Лобсанг проворковал:

— Я пытался создать образ британского дворецкого образца 1935 года, сэр, притом щеголя, прошу простить мне это выражение. Надеюсь, результат получился не таким жутким, как

элегантный репликант-убийца из «Бегущего по лезвию», с внешностью которого я экспериментировал ранее. Но я охотно выслушаю и иные предложения.

«Щеголь».

— Что ж, по крайней мере, у меня мурашки по спине не побежали. Так что у тебя вполне получилось. Только завязывай с «сэрами», ладно?

Дворецкий поклонился.

— Благодарю... Джошуа. С твоего позволения я отмечу, что в этом путешествии, на мой взгляд, мы оба учимся. И я буду переходить со скоростью, не превышающей среднюю человеческую, пока юная леди не пожелает заявить о своем присутствии.

— Отличный план.

Как обычно, Джошуа почувствовал слабое головокружение, когда начались переходы. Внизу неспешно — несколько миров в час — проплывала Долгая Земля, точь-в-точь картинки в старомодном проекторе, который Джошуа однажды нашел среди прочего хлама на чердаке Приюта. Щелкнешь раз — увидишь Деву Марию, щелкнешь два — появится Иисус. Ты стоишь на месте, а миры плывут мимо. Выбирай любой.

В тот вечер на большом экране в салоне Лобсанг включил старый английский фильм под названием «Мышь на луне». Передвижной модуль сидел рядом с Джошуа и смотрел кино. Джошуа подумал: какой странной парой они наверняка показались бы Салли... если бы путешествие уже давным-давно не перестало быть «странным». Теперь «Марк Твен» полным ходом двигался к

черте, за которой начиналась «ненормальность». Так или иначе, они смотрели старый фильм, пародию на космическую гонку двадцатого века, и Джошуа тут же опознал Дэвида Коссоффа. Лобсанг скопировал его в точности.

Когда кино закончилось, Джошуа заметил, что по салону пробежала мышь.

— Мышь на Миллионной Земле, — едко заметил он.

— Я напущу на нее Шими.

— Кошку? А я-то гадал, где она. Знаешь, Салли сказала, что выросла в семье Путников. Прирожденных Путников, я имею в виду. Она не всегда была одна в последовательных мирах. Но семья велела ей молчать. Как обычно.

— Конечно, велела. Ты тоже пытаешься сохранить тайну, Джошуа. Это естественный инстинкт.

— Никто не хочет отличаться от окружающих.

— Да. Человек, обладавший такой силой, как умение переходить, некогда мог угодить на костер за колдовство. Даже теперь, после Дня перехода, на Базовой Земле неуклонно возрастает число тех, кому не нравится самая идея переходов и Долгой Земли.

— Кому же?

— У тебя нет никакого политического чутья, да, Джошуа? Конечно, тем, кто переходить не умеет. Они ненавидят Долгую Землю, тех, кто по ней странствует, и все то, что влечет за собой этот великий прорыв. А еще против Долгой Земли возражают люди, которые теряют деньги при новом порядке вещей. Их очень, очень много...

ГЛАВА 35

Спустя пятнадцать лет после Дня перехода жизнь офицера Моники Янсон, наряду с прочими жизнями, навсегда изменилась в связи с феноменом Долгой Земли. Она пыталась осмыслить происходящее по мере того, как менялся мир, в котором обитало ее стареющее тело. И все это время полиция старалась поддерживать порядок. В тот вечер Моника мрачно смотрела на экран, на котором выступал Брайан Каули, печально знаменитый глава вредоносного движения, известного как «Друзья человечества», и изрыгал демагогическую желчь — грубоватые простонародные анекдоты, за которыми крылись ловкие, но весьма опасные манипуляции, сеющие рознь. Поддавшись порыву, Моника выключила звук. И все-таки ненависть, как пот, сочилась из пор этого типа.

Но ведь феномен Долгой Земли с самого начала был окружен ненавистью и жестокостью.

Всего через двое суток после Дня перехода террористы нанесли удар по Пентагону и британскому Парламенту. Могло быть и хуже. Парень, который оказался в Пентагоне, неверно рассчитал угол и расстояние, и самодельная бомба взорвалась в коридоре, так что единственной жертвой оказался исполнитель теракта. Британский террорист, несомненно, уделял в школе некоторое внимание геометрии, а потому возник — в буквальном смысле свалился с неба — прямо в Палате общин, но, к сожалению, что-то упустил в предварительной подготовке.

Поэтому последним, что он увидел, были пятеро членов Парламента, которые обсуждали мало-значительный билль о ловле селедки. Если бы он додумался перейти непосредственно в бар Парламента, то собрал бы недурной урожай душ.

В любом случае эхо обоих взрывов разлетелось по миру, и власти запаниковали. Частные лица тоже занервничали; не нужно быть гением, чтобы понять, что в твой дом, пока ты спишь, может проникнуть кто угодно. По пятам паники идет коммерция. Немедленно в магазинах и частных домах по всему миру появились антипереходные устройства, иногда хитроумные, чаще дурацкие, а некоторые — смертельно опасные, притом преимущественно для владельцев, а не для потенциальных воров. Попытки заполнить пустые пространства нежилых помещений антипереходными ловушками приводили к тому, что дети прищемляли пальцы, а домашние животные получали увечья. Самым эффективным средством, как вскоре выяснилось, было заставить комнату мебелью в викторианском духе, чтобы для вооруженного Переходником вора не осталось места.

По правде говоря, угроза грабежей при помощи Переходников была скорее городской страшилкой, чем реальностью. Да, многие бежали в параллельные миры, спасаясь от долгов, обязательств или мести, и за ними по пятам шли агенты — и, разумеется, всегда находились те, кто прокладывал себе путь по Долгой Земле, убивая, насилая и грабя, пока кто-нибудь их не пристреливал. Но, в общем, уровень пре-

ступности на душу населения на Долгой Земле оставался невысоким, поскольку социальное давление, порождающее массу преступлений и беспорядков на Базовой Земле, отсутствовало в параллельных мирах.

Разумеется, правительства отнюдь не радовались тому, что налогоплательщики уходили за пределы досягаемости. Но лишь в Иране, Бирме и Великобритании на полном серьезе попытались запретить переходы. Поначалу большинство мировых правительств разработали нечто вроде американской системы протектората, объявив бесконечные последовательные версии своих стран суверенными государствами. В любой последовательной Франции, например, мог поселиться всякий, кто хотел стать французом, и Базовая Франция пообещала опубликовать тщательно разработанный документ, в котором описывалось бы, что *значит* быть французом. Идея была смелая, хотя удовольствие слегка подпортил тот факт, что, невзирая на общенациональные дебаты, к единому мнению касательно того, что значит быть французом, не могли прийти даже два человека. Некоторые утверждали, что споры о французском национальном характере и есть часть национального французского характера, но, впрочем, на практике какой бы режим людям ни предлагали, они просто уходили туда, где правительство не имело права голоса — потому что там не было никакого правительства, благосклонного или злобного.

Люди переходили — там, сям, повсюду — и шли не столько *туда*, где хотели поселиться,

сколько *оттуда*, где больше не хотели находиться. Многие неизбежно отправлялись в путь налегке, без предварительного плана, и в результате страдали. Но постепенно они усвоили урок, заученный некогда теми же амишами: без подготовки и человеческого общества на Долгой Земле не проживешь.

Спустя пятнадцать лет после Дня перехода на безлюдных равнинах Долгой Земли возникли процветающие поселения. Поток эмиграции, казалось, начал спадать, но статистика гласила, что на поиски нового мира отправилась пятая часть населения Земли — демографический спад, сравнимый с мировой войной или пандемией.

Но, по мнению Янсон, все еще было впереди. Человечество только-только начало привыкать к идее бесчисленного множества. Не испытывая острой нужды в земле и природных ресурсах, люди открывали для себя возможности совершенно нового образа жизни. Однажды Янсон видела по телевизору выступление теоретика-антрополога, который предлагал провести мысленный эксперимент: «Только вообразите. Если Долгая Земля и впрямь бесконечна, а на то похоже, значит, человечество может жить вечно, занимаясь охотой и собирательством — ловить рыбу, копать корни и просто двигаться дальше, когда рыба закончится, ну или если вдруг захочется перемен. Без сельского хозяйства Земля способна прокормить таким образом... ну, скажем, миллион человек. А нас десять миллиардов, то есть нужны десять тысяч Земель — и они нам открыты, и даже больше. Отпала потребность

в сельском хозяйстве, чтобы прокормить внушительное население планеты. Нужны ли нам в таком случае города? И даже грамота и счет?»

Но по мере того как продолжались споры о судьбах человечества, становилось все яснее, что для огромного количества людей сомнительные сокровища Долгой Земли навечно остались вне досягаемости. И они негодовали.

А Моника Янсон, которая с растущей тревогой наблюдала за Брайаном Каули спустя пятнадцать лет после Дня перехода, тревожилась.

ГЛАВА 36

Корабль остановился в очередном бесплодном мире. Джошуа с трудом дышал — в воздухе пахло пеплом, а небо, в которое, как всегда, взмыли ракеты-зонды, было затянуто облаками.

Лобсанг объяснил:

— Мир после катаклизма. Может быть, падение астероида, но я бы предположил извержение Йеллоустонского вулкана. Лет сто назад. В Южном полушарии, возможно, осталась жизнь, но природа обычно долго прибирает за собой.

— Здесь сплошная пустыня.

— Конечно. Земля то и дело убивает своих детей. Но теперь правила поменялись. Никто не сомневается, что вулкан в Йеллоустонском национальном парке на Базовой Земле в ближайшем времени проявит активность. И что тогда? Люди перейдут. Впервые в человеческой истории стихийное бедствие будет не трагедией,

а небольшой неприятностью. Пока не погаснет Солнце, другие миры никуда не денутся. Человечество укроется на Долгой Земле, не опасаясь вымирания.

— Интересно, Долгая Земля нужна именно для этого?

— У меня недостаточно сведений, чтобы ответить.

— Зачем мы здесь остановились, Лобсанг?

— Потому что я получил сигнал на частоте АМ. Связь довольно плохая. Но передатчик находится очень близко. Хочешь взглянуть? — и лицо Лобсанга расплылось в точном подобии улыбки.

Джошуа вынужденно признал, что в ресторане на борту «Марка Твена» отличный обеденный стол, во всяком случае, лучше, чем поднос на верхней палубе, которым он обходился, когда Лобсанг не составлял ему компанию. Главным блюдом в меню было белое мясо, весьма нежное на вкус.

Джошуа поднял голову и посмотрел в глаза Салли.

Мясо раздобыла она.

— Это что-то вроде дикой индейки, какие здесь водятся, — объяснила она. — Очень вкусно, если не лень возиться, но индейки — вечные жертвы, поэтому они научились бегать быстрее волков. Иногда я ловлю целую связку и продаю поселенцам...

Для отшельницы Салли была довольно разговорчива, как показалось Джошуа. И он понимал почему. Сам он тем временем ел и наслаждался. Похоже, Джошуа постепенно привыкал к обществу женщин. По крайней мере, к обществу одной конкретной женщины.

Вошел Лобсанг с подносом.

— Апельсиновый шербет. Апельсины в Новом Свете не растут, но я прихватил с собой семена, чтобы высадить в подходящем месте. Наслаждайтесь, — он поставил шербет на стол, развернулся и исчез за синей дверью.

Салли держалась достаточно вежливо, пока Джошуа рассказывал об истинной сути Лобсанга. Во всяком случае, когда отсмеялась. И теперь она спросила, понизив голос:

— Что это за Дживс?

— Наверное, Лобсанг хочет, чтобы ты чувствовала себя как дома. Я знал, что ты пошлешь сигнал.

— Почему?

— Потому что сам бы так поступил. Перестань, Салли. Ты вернулась, а значит, тебе что-то от нас нужно. Поэтому давай договоримся. Ты знаешь, что нам нужно от тебя. Как ты забралась так далеко?

Она смерила Джошуа взглядом.

— Я дам тебе подсказку. Я не одна такая. Нас больше, чем ты думаешь. Иногда Переходник как будто сбоит. За двадцать тысяч миров от Базовой Земли я повстречала человека, который был уверен, что находится в одном шаге от Пасадены. Он очень удивлялся, что не может

попасть домой. Я довела его до местной станции и оставила там.

— А я-то удивлялся, отчего мне попадаетесь столько людей, которые не понимают, куда попали. Я думал, они просто идиоты.

— Да, не исключено.

В воздухе зазвучал голос Лобсанга:

— Я знаю, о каком феномене вы говорите, Салли, и хотел бы воспользоваться возможностью и поблагодарить вас за весьма уместное название, которое вы ему дали. Переходник «сбоит». Но я оказался не в состоянии воспроизвести этот сбой.

Салли уставилась в пустоту.

— Вы слушали наш разговор?

— Разумеется. Мой корабль — мои правила. Пожалуйста, будьте так любезны и ответьте на вопрос Джошуа. Вы кое о чем умолчали, и нас по-прежнему разделяет тайна. Как вы сюда попали? Я думаю, причиной тому какая-то цель, а не просто ошибка прибора.

Салли посмотрела в иллюминатор. За окном было темно, лишь мстительно блеснули звезды.

— Я еще не вполне доверяю вам обоим. Здесь, на Долгой Земле, человеку нужна какая-то граница, и у меня она тоже есть. Но кое-что я скажу. Если отправитесь дальше, встретитесь с большими проблемами, которые движутся навстречу.

И пульсирующая боль в голове Джошуа это подтвердила.

— Что именно движется навстречу?

— Даже я не знаю. Пока не знаю.

— Поэтому бегут тролли и прочие гуманоиды?

— Так вы в курсе? Да, наверное, трудно было не заметить.

— Мы с Лобсангом решили, что нужно разобратся. Выяснить, в чем причина.

— И спасти мир?

Джошуа постепенно привыкал к ее насмешкам. Салли как будто оставалась совершенно равнодушной к сокровищам корабля и к напыщенным речам Лобсанга, как и к репутации самого Джошуа.

— Зачем ты вернулась? Чтобы посмеяться или чтобы помочь? Или потому, что тебе что-то от нас нужно?

— В том числе. Но это подождет. — Салли встала. — Спокойной ночи, Джошуа. Прикажи Дживсу приготовить еще одну каюту, пожалуйста. Желательно не рядом с твоей. Ой, не пугайся, никто не собирается лишать тебя чести. Просто я храплю.

ГЛАВА 37

Корабль переходил всю ночь, и в кои-то веки Джошуа казалось, что он ощущает каждый переход. Перед рассветом он провалился в некое подобие сна и продремал, быть может, с час, прежде чем в дверь постучала Салли.

— Хватит дрыхнуть, отважный герой.

— Что случилось? — простонал Джошуа.

— Вчера вечером я выдала Лобсангу кое-какие координаты. Мы прилетели.

Приняв приличный вид, Джошуа заспешил в рубку. Корабль стоял. Они находились недалеко от Тихоокеанского побережья в очередной версии штата Вашингтон. А внизу, глубоко-глубоко в дебрях Долгой Земли, далеко за пределами общепринятых представлений о том, куда способны забраться колонисты, виднелся поселок. Там, где никакого поселка не могло быть. Джошуа молча смотрел. Поселение тянулось вдоль берега большой реки. Кучка построек, дороги, проложенные в густом сыром лесу. Ни полей, ни каких-либо еще признаков сельского хозяйства. Повсюду толпились люди, которые вели себя как и положено людям, увидевшим над головой воздушный корабль, — они показывали пальцами и взволнованно переговаривались. Но как они умудрялись выживать в таком количестве, не занимаясь сельским хозяйством?

Тем временем у реки появились знакомые массивные силуэты. Не люди. Но и не животные.

— Тролли.

Салли удивленно взглянула на Джошуа.

— Да, здесь их так называют. То есть ты в курсе.

— Лобсанг это знал еще до того, как мы отправились в путь.

— Наверное, мне положено удивиться. Значит, вы с ними уже встречались? Джошуа, если хочешь понять троллей — если хочешь понять Долгую Землю, — пойми сначала это место. Поэтому я тебя сюда привела. Слушай ориентировку, Джошуа. На Базовой Земле мы бы сейчас висели над городом под названием Хамптью-

липс, в округе Грейз-Харбор. Мы недалеко от побережья Тихого океана. Разумеется, в каждом мире меняются детали ландшафта и русло реки. Надеюсь, они там варят суп из моллюсков.

— Суп из моллюсков? Ты здесь уже бывала?

— Разумеется.

Салли иногда держалась с таким же неприятным самодовольством, как и Лобсанг.

Корабль приземлился на широкой немощной площади в центре поселка. Дома вокруг казались очень старыми — деревянные стены потрескались и обветрились за много лет, а некоторые постройки стояли на выщербленных каменных фундаментах. У Джошуа тут же возникло ощущение, что этот поселок, в котором жили сотни две человек, возник здесь задолго до Дня перехода. На площади возвышалось приземистое общественное здание, по словам Салли, называвшееся ратушей. Туда она и направилась. Внутри Джошуа увидел внушительные кедровые балки, высокий потолок, отполированные деревянные полы и мебель, окна без стекол на уровне глаз, прочные двери в обоих концах. Очаг в середине давал достаточно света.

Лобсанг спустился вместе с ними, нарядившись ради такого случая в желтое одеяние. Невзирая на сложение культуриста эпохи восьмидесятых, он выглядел настоящим тибетцем. Казалось, он смутился — насколько смущение вообще было знакомо Лобсангу, — потому что в ратушу битком набились улыбчивые зеваки и... тролли, которые спокойно стояли бок о бок с людьми, точь-в-точь собаки на пикнике. В воз-

духе веял отчетливый, слегка неприятный запах мускуса.

В ратуше действительно ждала похлебка, которая варилась в огромных котлах — полная неожиданность, учитывая расстояние до Базовой Земли.

Мэр приветствовал гостей. Он был низкорослым и полным, с акцентом европейца, хорошо говорящего по-английски. Салли, разумеется, его знала. Подойдя, она вручила мэру небольшой сверток, и он провел гостей к главному столу.

Салли перехватила взгляд Джошуа.

— Перец.

— Работаешь службой доставки?

— В том числе. А ты разве так не делаешь? Я иногда здесь ночую. И не только здесь. Если я нахожу интересных поселенцев, то остаюсь у них на некоторое время и помогаю по хозяйству, и вообще. Вот лучший способ постичь мир, Джошуа. А вы оба, сидя в гигантском летающем пеннсе, ни черта не видите.

— Я же тебе говорил, — украдкой шепнул Джошуа Лобсангу.

— Быть может, — тихо отозвался тот. — Но в любом случае, невзирая на наши недостатки, она вернулась. Ты прав, Джошуа. Салли что-то от нас нужно. Давай не будем отвлекаться и постараемся выяснить, что именно.

Салли продолжала:

— Этот поселок по-своему уникален. Во всяком случае, среди тех мест, где бываю я. Я называю его Мягкая Посадка.

— Видимо, поселок существует уже давно, — заметил Лобсанг.

— Очень! Люди вроде как сами попадают сюда... он притягивает странников как магнит. Вы скоро поймете.

Мэра звали Спенсер. За миской супа из моллюсков он охотно рассказывал о своей необычной общине.

— Магнит — да, наверное, Салли права. Но век за веком, когда люди приходили сюда, они давали поселку другие имена — или проклинали — на сотнях языков. Здесь стоят старые дома, и мы находим старые кости, иногда даже в самодельных гробах. Веками, да... Люди давным-давно начали здесь селиться. Может быть, тысячи лет назад. Конечно, большая часть здешних обитателей, которых вы сейчас видите, родилась в поселке, как и я сам, но всегда есть и пришельцы извне. Никто из них не знает, как попал сюда, и каждый, придя, рассказывает одну и ту же историю: только что он был на Земле, на Базовой Земле, как ее теперь называют, и занимался своими делами, и вдруг очутился в незнакомом месте. Иногда они переходят от испуга, если спасаются от чего-то. Иногда нет.

Он понизил голос и добавил:

— Порой к нам попадают дети. Одинокие. Бесприютные. Потерявшиеся мальчики и девочки. Даже грудные младенцы. Зачастую никогда раньше не переходившие. И мы их всегда принимаем с радостью, можете не сомневаться. Попробуйте эль, я считаю, он у нас прекрасно удастся. Еще супа, мистер Валиенте? Так на чем

я остановился... Конечно, сейчас наши ученые единогласно утверждают, что людей сюда приводит какая-то физическая аномалия, нечто вроде дыры в пространстве. А раньше думали, что это место — средоточие загадочного проклятия. Или, наоборот, благословения, в зависимости от обстоятельств. И вот мы живем здесь, отшельники и изгои, хотя, смею заметить, ни один моряк, потерпевший кораблекрушение, никогда не оказывался на таком гостеприимном берегу. Грех жаловаться. От гостей в последнее время мы слышим такое... Наши старики радуются, что некоторые аспекты жизни в двадцатом веке прошли мимо них, — Спенсер вздохнул. — Некоторые попадают сюда и думают, что оказались в раю. Большинство сбиты с толку, а иногда напуганы. Но каждого, кто к нам приходит, мы встречаем тепло. От пришельцев мы узнаем о том, что происходит на других Землях. Мы рады всякой новой информации, идеям, концепциям, способностям; особенно мы рады инженерам, врачам и ученым. Но я с гордостью заявляю, что мы сейчас создаем собственную культуру.

— Потрясающе, — негромко произнес Лобсанг, осторожно процеживая похлебку меж искусственных губ. — Туземная человеческая цивилизация, спонтанно возникшая на Долгой Земле.

— И новый способ перемещения, — сказал Джошуа, слегка ошеломленный такими новостями. — Возможность сократить утомительное пошаговое путешествие...

Думая о Салли и об упомянутых ею «сбоях» Переходника, он подумал: «*Еще один способ*».

— Да. Долгая Земля, несомненно, загадочней, чем кажется. Можно многое узнать о том, как сообщаются между собой миры, изучая это место. Тем не менее пока непонятно, какую пользу способен принести новый феномен.

— Пользу?

— Что толку, раз он похож на кроличью нору? Туннель между двумя неизменными точками.

— Как кроличья нора, ведущая в Страну чудес, — произнес Джошуа.

— И все-таки.

Салли тем временем с раскрытым ртом наблюдала, как ест Лобсанг.

— Джошуа... *оно* ест?!

Джошуа ухмыльнулся.

— Было бы странно, если бы в такой компании Лобсанг отказался от еды, правда? Никого, кажется, это не смущает. Потом поговорим.

Спенсер откинулся на спинку кресла.

— Мы, конечно, хорошо знаем Салли. Но, господа, расскажите, пожалуйста, о себе. Мир меняется, и о переменах возвещает ваш удивительный корабль. Вы первый, Лобсанг. Извините наше любопытство, но ваше появление столь необычно...

Впервые, насколько мог судить Джошуа, в этом набитом дружелюбными людьми зале, в присутствии троллей, которые смотрели на них, как на артистов кабаре, Лобсанг смутился. Настал один из тех моментов, когда Джошуа терял-

ся в догадках — правда ли его спутник человек или всего лишь невероятно ловкая симуляция, которая способна подражать столь тонким человеческим эмоциям, как смущение.

Лобсанг откашлялся.

— Для начала... у меня человеческая душа, хоть и искусственное тело. Вы, вероятно, знаете, что такое протез? Искусственные руки и ноги, внутренние органы, поддерживающие жизнь... Считайте, что я — сплошной протез.

Спенсер оставался невозмутим.

— Потрясающе! Какой прорыв! В моем возрасте действительно начинаешь задумываться, отчего мироздание поместило человеческий разум в столь хрупкий сосуд. Могу ли я поинтересоваться, что вы умеете? Пожалуйста, не обижайтесь — об этом мы спрашиваем всех гостей.

Джошуа внутренне застонал, предвидя реакцию Лобсанга.

— Что я умею? Да проще назвать, что я *не* умею. Я пока что еще не до конца освоил технику акварельной живописи, — он с любопытством обвел глазами собравшихся. — У вас необычное поселение и необычные традиции развития. Как насчет промышленности? Железо, я вижу, вы добываете. А сталь производите? Да? Хорошо. Свинец? Медь? Олово? Золото? Беспроволочное радио? Вы, полагаю, уже миновали стадию телеграфа. И потом, книгопечатание, если есть бумага...

Спенсер кивнул.

— Да, но, боюсь, только сделанная вручную. В традициях елизаветинских времен. Разумеет-

ся, мы вносим улучшения, но нам уже довольно давно не попадался умелец, который мог бы наладить производство бумаги. Приходится полагаться на способности случайных прохожих.

— Если вы дадите мне черные металлы, я сделаю планшетный печатный пресс, работающий с помощью гидроэнергии — если вы знаете, что такое гидроэнергия.

Спенсер улыбнулся.

— Водяные мельницы у нас со времен римлян.

И снова Джошуа был потрясен открывшейся перед ним бездной времен. Салли явно радовалась его реакции.

— В таком случае могу собрать примитивный генератор электрического тока. Мэр, я оставляю вам энциклопедию медицинских и технических открытий вплоть до самого последнего времени, но советую читать не торопясь. Иногда, знаете ли, будущее пугает.

Толпа в зале, привлеченная необычным обликом Лобсанга, одобрительно забормотала.

Но Салли, которая до тех пор нетерпеливо слушала, воскликнула:

— Мы, конечно, очень вам благодарны, Лобсанг, но штучки в духе Роберта Хайнлайна¹ пойдут. Мы здесь не просто так — помните? — Она посмотрела на Спенсера. — Вы в курсе.

— А, миграция троллей. Увы, Салли права. Это, несомненно, повод для беспокойства. Ко-

¹Роберт Хайнлайн (1907–1988) — американский писатель-фантаст, один из основоположников современной научной фантастики.

нечно, пока не горит, так сказать, но серьезные последствия уже очевидны во многих мирах Долгой Земли, как вы выражаетесь. Но и этот разговор может подождать до завтра, Салли. А пока давайте пойдем и полюбуемся закатом.

Он вывел гостей из ратуши.

— Мы очень рады вас видеть. Вы даже не представляете насколько. Вы сами убедитесь, что мы тепло принимаем представителей самых разных ветвей человечества. Салли называет наш поселок Мягкой Посадкой, что очень приятно. Но для нас это просто дом. В ратуше всегда есть свободные места для ночлега, но если вы предпочитаете уединение, вам отведут комнату в любом доме. Добро пожаловать, добро пожаловать.

ГЛАВА 38

Они шли сквозь улыбающуюся толпу.

Джошуа подумал, что планировка и архитектура поселка довольно необычны. Похоже, улицы здесь прокладывали без всякого плана; они представляли собой путаницу скрещивающихся тропок, которые уходили в лес, и никто никогда не пытался их упорядочить. А дома зачастую стояли на древних фундаментах. Поселок действительно производил впечатление места, которое развивалось медленно, но непрерывно в течение очень долгого времени и представляло собой массу культурных слоев, один на другом, как годовые кольца у дерева. Но все-таки прео-

бладали относительно современные постройки, вытеснявшие древнее ядро, словно в последнее время люди прибывали в особенно большом количестве, по крайней мере, в последние двести лет. Именно тогда, подумал Джошуа, население Базовой Земли начало быстро расти, и поток «беженцев» на Мягкую Посадку, несомненно, усилился.

Шагая вдоль реки, Джошуа начал понимать, как тут живут. На берегах стояли сушилки для рыбы — в основном там висело нечто вроде лосося, большого, мясистого, разделанного в виде филе, а еще больше тушек коптилось в домах. Никто, казалось, не работал сверх силы, но на реке были плотины, сети, ловушки, а несколько человек чинили удочки, крючья, гарпуны. Хотя в окрестностях он таки обнаружил несколько возделанных полей — в основном, как узнал Джошуа, там росла картошка в качестве экстренного средства на случай голода, а также источника энергии для немногочисленных Переходников (кое-кто в них нуждался), — большую часть продуктов питания поставляла река. Во время ежегодной миграции лосося, как объяснили дружелюбные местные, говорившие с самыми разными акцентами, все население, люди и тролли, выходило к реке и ловило рыбу, которая плыла такими густыми косяками, что вода затопляла берега. Несомненно, в реке водились и другие рыбы, и Джошуа нашел огромные груды пустых раковин от моллюсков и устриц. Лес тоже щедро дарил поселенцам свои плоды, судя по кор-

зинам, полным ягод, желудей, орехов, а также тушам незнакомых животных.

— Поэтому здесь никто не занимается земледелием, — вполголоса объяснила Салли. — Во всяком случае, почти никто. Потому что нет нужды. Земля и так щедра. Там, на Базовой Земле, в доколумбовой Америке охотники-собиратели создавали общины ничуть не хуже европейских земледельческих, с разделением труда, но без необходимости трудиться до радикулита. Так и здесь, — она рассмеялась, когда брызнул дождь. — Может быть, Мягкая Посадка недаром оказалась в одном из самых щедрых мест Долгой Земли. Сущий рай, если б только дожди шли пореже.

Но здесь повсюду были тролли — то, чего не увидишь в штате Вашингтон на Базовой Земле. Гуманоиды бродили среди зевак-людей осторожно и внимательно, чего Джошуа совершенно не ожидал от существ, которые напоминали помесь медведя и прямоходящей свиньи. Спокойное сосуществование людей и троллей, общее радушие по отношению к гуманоидам делали Мягкую Посадку такой мирной.

Как ни парадоксально, в Джошуа это вселяло тревогу. Он сам не знал почему. Просто поселок, с троллями, так основательно укорененными в местную жизнь, казался чересчур спокойным. Не вполне человеческим. Не впервые в жизни Джошуа был смущен и охвачен противоречивыми чувствами; здесь ему еще многое предстояло постичь.

На центральной площади один из троллей сел на корточки и запел. Скоро присоединились и остальные. Троллье пение всегда было необычным; заслышав его, человек останавливался как вкопанный, и Джошуа знал, что никогда не сумеет этого понять. Пение длилось и длилось, мощные звуки эхом отражались от стены леса — хотя когда оно закончилось и Джошуа посмотрел на часы, оказалось, что тролли пели всего десять минут.

Салли похлопала его по плечу.

— Это, молодой человек, называется коротким зовом. А долгий зов может продолжаться месяц. Приятно, да? Хоть и жутковато. Иногда троллей видят на полянах целыми сотнями, и они поют, как будто независимо друг от друга и ничего не замечая вокруг, пока внезапно пение не обрывается одним мощным аккордом, как у Томаса Таллиса¹, знаешь? Оно словно изливается из всех четырех измерений одновременно.

— Я знаком с сочинениями Таллиса, Салли, — сказал Лобсанг. — И ты привела весьма уместное сравнение.

Джошуа решил не отставать.

— Я тоже слышал про Таллиса. Сестра Агнес говорила: если бы он жил в наши дни, то гонял бы на «Харлее». Впрочем, большинство ее кумиров гоняли бы на «Харлеях».

— Я различаю в пении троллей некоторые повторяющиеся мотивы, — продолжал Лоб-

¹Томас Таллис — английский композитор и органист XVI в.

санг. — Но мне понадобится некоторое время, чтобы их проанализировать.

— Желаю удачи, мистер, — ответила Салли. — Я знаю троллей много лет, но могу лишь догадываться, о чем они разговаривают. Но я почти уверена, что сейчас они обсуждают нас и ваш корабль. К вечеру все тролли на данном континенте будут повторять эту песню, пока не доведут ее до совершенства. Я так полагаю, песни представляют собой нечто вроде коллективной памяти. Тролли разработали даже своеобразный механизм самопроверки, чтобы по прошествии времени ту же информацию можно было получить в неизменном виде. В конце концов песня, вероятно, разойдется по разным мирам, в зависимости от маршрутов миграции. Рано или поздно каждый тролль в пределах досягаемости будет знать, что мы сегодня навестили Мягкую Посадку.

Прочие слушали молча. Джошуа подумал, что это поразительно, сверхъестественно: песенная память, которая охватывает целые миры.

Они пошли дальше. Стоял теплый спокойный вечер, хоть и прерываемый время от времени легким накрапывающим дождем, на который никто не обращал внимания. Здесь не было ни средств передвижения, ни вьючных животных, только ручные тачки, да еще сушилки с рыбой повсюду.

Джошуа сказал Салли:

— Может быть, наконец перейдем к сути дела? Ты знаешь про троллей. И, кажется, они тебе нравятся. Миграция гуманоидов тоже для

тебя не секрет. Ты привела нас сюда, в этот странный поселок, где живут люди и тролли. Не сомневаюсь, что с какой-то целью. Из-за миграции, Салли?

Она ответила не сразу.

— Да. Да. Я не намерена ничего скрывать. Просто хочу, чтобы вы сами поняли. Да, меня беспокоит миграция. Беспокойство гуманоидов эхом отзывается по всей Долгой Земле. И да, я сомневаюсь, что могу — или должна — расследовать это дело в одиночку. Но кому-то ведь придется, правда?

— Значит, у нас общая цель, — сказал Лобсанг.

— Ну же, рассказывай, Салли, — настаивал Джошуа. — Карты на стол. Мы поможем тебе, но ты должна быть с нами совершенно откровенна. Ты знала про существование Мягкой Посадки. Знала, как ее найти. Но откуда? И как ты вообще забралась так далеко?

Во взгляде Салли читалось сомнение.

— Я могу вам доверять? Полностью доверять?

— Да, — сказал Джошуа.

— Нет, — сказал Лобсанг. — Всеми сведениями, способными послужить на благо человечества в целом, я распоряжусь, как сочту нужным. Впрочем, я ничем не поврежу тебе и твоей семье и за это ручаюсь. Ты знаешь что-то о проницаемости миров, чего не знаем мы, не так ли?

Мимо прошла парочка, держась за руки. Женщина, похожая на шведку, и мужчина, черный как ночь.

Салли сделала глубокий вдох.

— Моя семья называет их «слабыми местами».

— Слабые места? — уточнил Джошуа.

— Короткий путь. Обычно — но не всегда — слабые места находятся в глубине континента, в самом его сердце. Как правило, они расположены вблизи воды и становятся сильнее в сумерках. Не могу в точности описать, как они выглядят и как я их нахожу. Это скорее ощущение.

— Боюсь, я не понимаю...

— Слабые места позволяют путешествовать через много миров за один переход.

— Семимильные сапоги...

Лобсанг пробормотал:

— Я бы сказал, что самая уместная метафора — «червоточина».

— Но они сдвигаются, — продолжала Салли. — Открываются и закрываются. Нужно найти путь и следовать ему. Нужно, чтоб тебя научили, что именно искать. Но... это не то, чему можно научиться. Это то, что ты помнишь. То, что тебе рассказали давным-давно, а потом, когда путь нужен, он внезапно открывается. Слабые места не похожи на сбой Переходника. Скорее на руку помощи. Они вроде как живые. Точно так же моряки разбираются в приливах и отливах, подводных течениях, ветрах и волнах, даже угадывают соленость воды. Слабые места действительно дрейфуют, открываются и закрываются, а иногда начинают вести в новые миры. Поначалу ходишь наугад, но сейчас я могу добраться в любую точку за три-четыре перехода, если ничего не поменялось.

Джошуа попытался это представить. Он-то думал, что Долгая Земля — анфилада миров, туннель, по которому движешься шаг за шагом. Что такое слабые места? Дыры в стенках туннеля, позволяющие миновать целые пачки последовательных миров? Или что-то вроде метро, незримо ветвящегося под городскими кварталами и соединяющего станцию со станцией? Метро с собственной топологией, независимой от того, что находится наверху, с узлами и пересадками...

Лобсанг спросил напрямик:

— Как работают слабые места?

— А откуда я знаю? У моего отца была гипотеза насчет структуры Долгой Земли. Он говорил про соленоиды. Нерегулярные математические структуры. Только не спрашивайте. Если я однажды его разыщу...

— И у многих есть этот талант?

Салли пожала плечами.

— Не у всех даже в моей собственной семье. Но я знаю, что не одинока; иногда я встречаю таких людей. Могу с уверенностью сказать лишь, что чувствую слабое место, когда нахожу его, а потом появляется отчетливое представление о том, куда оно выведет и в каком направлении. Мой дедушка по матери, настоящий Путник, чуял слабое место за две мили. Он называл их «волшебной дорогой». Он был ирландцем по происхождению и говорил, что, если ступить в мягкое место, перейдешь «с огоньком», как он выражался. А мама предупреждала: если переходить с огоньком, нарастает долг, который однажды придется платить.

Джошуа спросил:

— Так как насчет Мягкой Посадки? Каким образом люди попадают сюда напрямую, если верить мэру?

— Возможно, это как-то связано с взаимопроницаемостью мягких мест. Люди переходят и скапливаются, точь-в-точь снежинки в ямке.

— Да, наверное, так оно и есть, — сказал Лобсанг. — Мы знаем, что стабильность — некоторым образом ключ к постижению Долгой Земли. Может быть, Мягкая Посадка — своего рода «яма». И она однозначно существовала задолго до Дня перехода, уже очень давно.

— Ну да, — скептически отозвалась Салли. — Слушайте, но дело не в этом. Тролли нервничают даже здесь. Если вы не замечаете, то я замечаю. Вот на чем нужно сосредоточиться. Вот почему я вожусь с вами, двумя придурками, и вашей дурацкой летучей баржей. Потому что вы, хоть и не до конца, видите то же, что и я. А именно, что в дебрях Долгой Земли что-то напугало троллей и других гуманоидов. Мне тревожно. Как и вы, я хочу знать, что происходит.

Джошуа спросил:

— Но что тебя волнует больше всего, Салли? Угроза для людей или для троллей?

— А ты как думаешь? — огрызнулась она.

В сумерках состоялся настоящий концерт благодаря троллям. Тролли были одно со своим пением; они жили в мире постоянных разговоров.

Как и человеческие обитатели Мягкой Посадки. Даже в темноте они расхаживали по поселку, гуляли, здоровались, смеялись, веселились в обществе друг друга. Повсюду горели костры; северо-запад Тихоокеанского побережья в большинстве миров не знал недостатка в дровах. Как заметил Джошуа, чем темнее становилось, тем больше людей прибывало из соседних поселков, иные пешком, иные с маленькими тележками, на которых сидели дети и старики. Хамптьюлипс не был изолирован.

Некоторые, как узнал Джошуа, приходили даже из местной копии Сиэтла. Это место называли так с 1954 года, когда женщина по имени Кити Гартман, по пути домой с рынка, случайно перешла и очень удивилась исчезновению домов вокруг. Путешественники с «Марка Твена» были представлены миссис Монтекьют, как ее теперь звали, седовласой, подвижной и очень словоохотливой.

— Конечно, я пришла в ужас, сами понимаете. Помню, я сообразила, что даже не знаю, в каком я штате! Но уж точно не в Вашингтоне. Я подумала: надо было прихватить с собой собачку и пару красных туфель. Потом я тут встретила Франсуа Монтекьюта, он мне вскружил голову, да еще оказался такой выдумщик в постели, ну, вы понимаете, — миссис Монтекьют произнесла это с очаровательной прямоотой старой дамы, которая полна решимости убедить молодежь, что и она занималась сексом. И, видимо, немало.

Миссис Монтекьют была вполне довольна жизнью; Джошуа показалось, что это настроение разделяют все обитатели Мягкой Посадки в той или иной степени. Труднообъяснимое ощущение...

Когда он попытался выразить свои чувства, Салли сказала:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Они такие... благоразумные. Я приходила сюда много раз и всегда наблюдала одно и то же. Никто не жалуется, никто ни с кем не соперничает. Здешним жителям не нужно правительство. Мэр Спенсер — первый среди равных. Если они намерены затеять какое-то большое дело, то дружно берутся за работу, и все им удается.

— Что-то тут есть от «Степфордских жен», — заметил Джошуа.

Салли рассмеялась.

— Тебе тревожно, да? Джошуа Валиенте, великого отшельника, который сам по себе почти не человек, беспокоит сообщество счастливых людей. Да, да, это странно. Но в хорошем смысле. Я не говорю о телепатии и тому подобной ерунде.

Джошуа ухмыльнулся.

— Ерунде наподобие скачков из одного мира в другой?

— Ха-ха, смешно. Ты ведь понял, что я имею в виду. Здесь все так *мило*. Я разговаривала с ними. Люди говорят, что причиной тому свежий воздух, простор, обилие еды, отсутствие несправедливых налогов и так далее, и так далее.

— А может быть, тролли, — брякнул Джошуа. — Тролли и люди, которые живут бок о бок.

— Может быть, — сказала Салли. — Иногда я думаю...

— Что?

— Я думаю: может быть, здесь творится нечто настолько серьезное, что даже Лобсангу придется сменить образ мыслей. У меня такое предчувствие. Подозрение. Но Путник, у которого *нет* подозрений, скоро становится мертвым Путником...

ГЛАВА 39

На следующее утро Джошуа проснулся рано и отправился гулять в одиночку. Люди были дружелюбны и не отказывались пройтись и поболтать, они даже протягивали ему глиняные кружки с лимонадом. Подавив в себе природное стремление к тишине, он отвечал и слушал.

Приречная область была довольно густо заселена, как узнал Джошуа: на побережье и в долинах стояли процветающие поселения. Ни в одном не жило более двух сотен обитателей, хотя люди сходились вместе по праздникам или если появлялись интересные гости, такие как Лобсанг с его кораблем. В ответ на усиленный наплыв пришельцев в последние десятилетия здешним колониям пришлось расшириться, и по всей округе появились новые поселки.

Джошуа узнал, что осуществить столь быстрое расселение помогли тролли — услужли-

вые, дружелюбные, добродушные, а главное, всегда готовые поднять что-нибудь тяжелое, что доставляло им массу восторга. Этот добровольный вклад в виде мышечной силы восполнял недостаток людских ресурсов, тягловых животных и машин.

Но в некотором смысле именно тролли и были причиной всех строительных работ и роста новых поселений. Они испытывали настоящую аллергию на толпу — то есть толпу людей. Не важно, сколько троллей находилось в одном месте; они начинали нервничать, если в непосредственной близости от них оказывались больше тысячи восьмисот девяноста человек — эти цифры вывели в прошлом посредством тщательных наблюдений. Тролли не злились, они просто уходили и робко прятались, пока несколько десятков людей, проявив любезность, не находили себе другое место для жилья и цифры не возвращались в рамки терпимого. И, поскольку добрая воля троллей была поистине неоценима, Мягкая Посадка расширялась на юг, превратившись в конфедерацию маленьких поселений, в каждом из которых хорошо принимали троллей. Вряд ли кто-то считал их странность неудобством, потому что всегда несложно было дойти пешком до следующего поселка за несколько минут и в здешних долинах хватало места для жилья.

В то же утро Джошуа познакомился с одним молодым человеком по имени Генри, который активно интересовался этим фактом — размером человеческих поселений. Генри вырос среди амишей, но в один прекрасный день наступил в

слабое место и оказался среди избранных другого толка. Джошуа казалось, что Генри охотно примирился со своим новым положением. Он объяснил, что его прежние соплеменники считали сто пятьдесят человек идеальным количеством для основанного на дружеских началах поселения, а потому здесь он чувствовал себя как дома. Впрочем, он вообще полагал, что умер и что Мягкая Посадка если и не рай, то, по крайней мере, стоянка по пути на небо. То, что он мертв, казалось, не особенно беспокоило молодого человека. Он нашел себе занятие в этом маленьком сообществе — Генри был хорошим пахарем, умел обращаться с животными и особенно любил троллей.

Вот почему, когда Джошуа по просьбе Лобсанга привел Генри на корабль заодно с несколькими троллями, молодой человек решил, что наконец-то вознесся на небо и разговаривает с Богом. Есть ряд вещей, которые невозможно терпеть, если тебя воспитывали монахини, пусть даже монахини вроде сестры Агнес. Джошуа попытался разуверить Генри и объяснить, что внушительное существо в шафрановом одеянии, которое он увидел после «путешествия на небеса», — не Бог. Но, учитывая тщеславие Лобсанга и ауру всеведения, разубедить гостя не удалось.

Лобсанг тем временем горел желанием узнать побольше о языке троллей. И поэтому на наблюдательном пункте, в компании передвижного модуля, уже стояли две троллихи и несколько детенышей, которые развлекались, играя с Шими. Генри привели на корабль, что-

бы он успокоил троллей, — на самом деле это предложила Салли, — но ничто, казалось, не могло напугать тролля с Мягкой Посадки. Они радостно погрузились в кабину лифта и, оказавшись на борту, все обошли своей широкой твердой походкой, включая искусственного человека и кошку-робота.

Лобсанг сказал:

— Тролли, разумеется, млекопитающие. А млекопитающие любят свое потомство и заботятся о нем — ну, по большей части. Матери наставляют детей. Я и сам учусь, как ребенок, делая крохотные шажки. Играя роль ребенка, я составляю некий элементарный словарь — хороший, плохой, вверх, вниз. Таким образом, мы движемся вперед.

Джошуа не сомневался, что Лобсанг наслаждается процессом.

— Да ты просто заклинатель троллей.

Лобсанг пропустил его слова мимо ушей и зашагал к улыбающимся троллям.

— Пожалуйста, обратите внимание. Я предлагаю им красивый блестящий мячик. Очень хорошо. Джошуа, заметь, что они издают звуки, которые означают оценку и интерес. Вы только посмотрите на эту славную блестящую штучку! А вот я забираю мячик. Теперь они грустят и жалуются. Прекрасно. Обратите внимание, что взрослая самка встревожена, она издает неуверенные звуки, с тонким намеком на то, что, если я попытаюсь причинить вред ее любимому комочку шерсти, она, скорее всего, оторвет мне руку и забьет меня насмерть обратным концом.

Великолепно! Джошуа, смотри — я отдаю мячик детенышу. Мать перестала бояться и снова превратилась в сплошное радушие.

«Да», — подумал Джошуа. «Марк Твен», зависший над Мягкой Посадкой, легонько покачивался на ветерке, залитый солнечными лучами, и издавал убаюкивающее поскрипывание, как гамак. Приятное место, счастливые тролли.

Чары развеялись, когда Лобсанг спросил:

— Генри, а вы могли бы раздобыть нам мертвого тролля?

Тот страшно смутился и ответил с певучим странным акцентом:

— Мистер, если один из них умирает, они роют глубокую яму и хоронят тело, предварительно засыпав его цветами — наверное, чтобы обеспечить покойнику воскресение, я так думаю.

— То есть научное вскрытие на повестке дня не стоит? Я так и думал... прошу прощения, — добавил Лобсанг с необычным тактом. — Я не хотел проявить неуважение. Но научная значимость подобной операции была бы весьма высока. Я столкнулся с неизвестными до сих пор существами, которые, несмотря на недостаток так называемой цивилизации и человеческой формы мышления, способны общаться весьма замысловатым способом, которому не было равных на Земле до появления Интернета. Благодаря этой способности, как я понимаю, все интересное и полезное, что узнает тролль, в самом непродолжительном времени становится известно остальным троллям. У них, кажется, увеличены лобные доли, что наилучшим образом

обеспечивает хранение и переработку информации, как личной, так и общей... Полцарства за труп, который можно препарировать! Но если это исключено, я найду другой вариант, и он будет лучшим из возможных.

Генри рассмеялся.

— От скромности не умрете, мистер Лобсанг?

— Однозначно, Генри. Скромность есть замаскированное высокомерие.

Джошуа бросил мячик детенышу.

— Неандертальцы тоже засыпали тела своих покойников цветами. Я не специалист, я это видел по телевизору. То есть тролли — почти люди?

Ему пришлось пригнуться, потому что мячик, брошенный обратно с невероятной силой, просвистел над его головой и отколол щепку от балки.

— Детеныш экспериментирует, — заметил Лобсанг. — «Почти люди», ты прав, Джошуа. Как дельфины, орангутанги и, скажу я с некоторой натяжкой, остальные приматы. Между нами и ними небольшое расстояние. И никто не знает, каким образом *homo sapiens* стал, собственно, *sapiens*. Салли, тролли используют орудия труда?

Салли оторвалась от игры.

— Да. В отсутствие людей они пользуются палками и камнями как импровизированными инструментами. Если новые тролли придут на Мягкую Посадку и один из них увидит, как человек чинит запруду, он вполне может взять ножовку и помочь после некоторых наставлений.

К вечеру каждый тролль из числа новоприбывших будет знать, как это делается.

Лобсанг похлопал троллиху по плечу.

— Значит, обезьянка увидела — обезьянка сделала.

— Нет, — сказала Салли. — Скорее, тролль увидел, тролль сел, тролль хорошенько подумал, а потом, если ничто его не смутило, сделал причинный рычаг или другое орудие. И к исходу дня он расскажет сородичам, какая это полезная штука. Их пение — тролля Википедия, помимо всего прочего. Если хочешь знать, например, не вырвет ли тебя, если ты съешь лилового слона, спроси у другого тролля.

— Подожди, — перебил Джошуа. — Здесь водятся лиловые слоны?

— Ну, не совсем, но в одной из последовательных Африк мне попался слон, который, клянусь, в совершенстве усвоил искусство мимикрии. В дебрях Долгой Земли можно найти буквально все, что человек способен вообразить.

— «Все, что способен вообразить», — промурлыкал Лобсанг. — Интересно сказано. Между нами говоря, Салли, я в силах избавиться от ощущения, что Долгая Земля в целом имеет несомненное сходство с метаорганическим компонентом. Или, может быть, метаанимистическим.

— Хм. Может быть, — сказала Салли, почесывая троллиху за ухом. — Но в общем и целом меня это тревожит. Долгая Земля слишком добра к нам. Она появилась слишком вовремя! Как только мы загадили Базовую Землю и уничтожили большую часть живых существ, которые на

ней обитали, как только человечество оказалось на пороге войн за природные ресурсы, та-дам! Нам открылись бесконечные новые миры. Зачем Бог выкинул такой фокус?

— А ты возражаешь против спасения? — спросил Лобсанг. — Да ты настоящий мизантроп, Салли.

— И не без причины.

Лобсанг погладил троллей.

— Но, возможно, никакой Бог тут ни при чем. Салли, мы — то есть человечество — только-только начали изучать Долгую Землю. Как известно, Ньютон называл себя мальчиком, который играет на морском берегу и хватается то за камушек поглаже, то за ракушку покрасивее, тогда как перед ним простирается неизученный океан истины. Ньютон! Мы так мало понимаем. Разве Вселенная обязана открываться вдумчивому и тщательному исследованию? И почему она такая щедрая, плодородная, заботливая, даже разумная? Может быть, Долгая Земля, некоторым образом, воплощение этой заботы?

— Если так, мы ее не заслуживаем.

— Ну, это предмет отдельного спора. Но мои исследования пойдут прахом, если я не смогу раздобыть тело тролля!

— Даже не думай, — сказала Салли.

— Пожалуйста, не указывай мне, о чем думать, — огрызнулся Лобсанг. — Я мыслю, следовательно, я существую — вот что я такое. Предлагаю вам обоим пойти и насладиться красотами Мягкой Посадки, а я тем временем побеседую

с моими друзьями. Обещаю их не убивать и не препарировать.

Во входном отсеке открылась дверь кабины лифта — достаточно ясный намек на то, что им следовало уйти.

Когда они вновь оказались на земле, Салли хихикнула.

— А характер у него не из легких, э?

— Да, наверное... — Джошуа был слегка обеспокоен. Он никогда раньше не видел Лобсанга выведенным из равновесия.

— Так он правда человек?

— Да, — твердо ответил Джошуа. — И ты сама это сознаешь, потому что говоришь «он», а не «оно».

— Очень умно. Знаешь что? Пойдем глянем еще на счастливых людей.

Салли в тот вечер только и делала, что приветствовала одного давно утраченного друга за другим. Джошуа охотно брел за ней следом, пытаясь разобраться в своих чувствах к Мягкой Посадке.

Ему здесь нравилось. Почему? Потому что поселок казался... таким правильным, как будто весь род человеческий чувствовал себя здесь как дома. Может быть, это происходило оттого, что Джошуа тоже ощущал слабые места — пути, стекающиеся сюда, в «яму стабильности», как сказал бы Лобсанг. Количество «может быть» раздражало его, пока он гулял один. Беспокоило также ощущение, что Мягкая Посадка ему од-

новременно нравилась и не нравилась. Как будто он ей не доверял.

Джошуа прислушивался к спору Салли с Лобсангом — она была красноречивее, хоть и не обязательно более сведущей — и пытался осмыслить то, что узнал. Где же находилась колыбель человечества? Несомненно, на Базовой Земле, покрытой древними окаменелостями сверху донизу. Но человеческая раса быстро распространялась по Долгой Земле, вопреки тому, что думало правительство, вопреки политике протектората; никто не мог остановить людей и уж тем более контролировать, и не важно, сколько яростных поборников контроля вызвали к небесам и брызгали слюной. На Долгой Земле люди заканчивались раньше, чем миры. Но какой в этом был смысл? Сестра Агнес обычно говорила, что цель жизни — сделать все, что можешь, ну и, разумеется, в процессе помогать другим. Может быть, Долгая Земля давала человеческому потенциалу возможность максимально выразиться, как сказал бы Лобсанг. Не для того ли, некоторым образом, она существовала? Чтобы позволить человечеству извлечь максимум из самого себя? И в центре этой космической головоломки находилась Мягкая Посадка, куда стекались изгои человечества.

Но зачем?

Разумеется, ответов Джошуа не находил.

В сгущающихся сумерках приходилось напирать глаза, чтобы не столкнуться с троллем. Тролли редко сталкивались с людьми. Общий этикет Мягкой Посадки гласил: постарайся ни-

кому не мешать. Но Джошуа совершенно внезапно столкнулся со слоном...

К счастью, не лиловым, не замаскированным под цвет местности. Слон был довольно маленьким, примерно размером с быка. Он был покрыт жесткой коричневой шерстью, и на нем сидел всадник, коренастый седой мужчина, который бодро сказал:

— А, новенький! Откуда ты взялся, парень? Меня зовут Уолли, я тут одиннадцать лет. Зашибись, да? Черт подери, хорошо еще, что не женился. Не то чтоб раньше не на ком было, да и теперь еще есть на кого посмотреть.

Он соскочил со спины миниатюрного слона и протянул грубую ладонь.

— Давай лапу!

Они пожали друг другу руки, и Джошуа представился.

— Я здесь всего пару дней. Пролетал мимо на воздушном корабле, — поспешно добавил он.

— Правда? Вот это да! А откуда ты прилетел? Есть свободное место?

Джошуа удивлялся, что весьма немногие обитатели Мягкой Посадки задавали этот вопрос, — мало кто хотел отсюда уйти.

— Думаю, что вряд ли, Уолли. У нас задание.

— Да без обид, — сказал Уолли, явно не смутившись. — Кстати, я тут сплавлялся по реке и нашел Джумбо. Славный малыш, да? Самое оно для дальних маршрутов. И такой смышленный. Они приходят с равнин. — Он вздохнул. — Я люблю открытые места. Не люблю леса, там слишком стремно. Хорошо, когда ветер в лицо.

Пока они шли к городской ратуше, а Джумбо послушно топал следом, Уолли продолжал болтать:

— Мы прокладываем новую дорогу на юг, вырубаем лес. Не возражаю против деревьев, которые можно срубить. Но, наверное, я уже отработал свое пребывание здесь, так что пора построить лодку и отчалить на поиски Австралии. Так далеко тут никто не забирался, вот что.

— Через полмира, Уолли. И это будет не та Австралия, какую ты помнишь.

— Точно. Но мне любая Австралия сойдет. Конечно, придется попотеть. Но самое простое, наверное, — держаться побережья, не отплывая далеко. Еды в море полно. Надо взять курс на Гавайи. Ей-богу, вот уж куда должно тянуть колонистов! Поглядим, конечно, но там, где есть люди, должен быть паб, а там, где есть паб, рано или поздно будет Уолли!

Джошуа пожал ему руку и пожелал доброго пути.

Салли он нашел в ратуше, окруженную дружелюбными лицами, как всегда. Она отвлеклась от разговора, увидев Джошуа.

— Люди начинают замечать. Даже здесь.

— Что?

— Насчет троллей. Их все больше и больше движется с востока. Через Посадку проходят дикие тролли, и даже местные, которых можно условно назвать ручными, тоже хотят уйти, по крайней мере, некоторые из них, но они слишком вежливые. Жители начинают беспокоиться.

— Хм. Рябь в безмятежном пруду Мягкой Посадки?

— Лобсанг уже перестал разыгрывать доктора Дулитла? Пора нам взойти на борт и снова двинуться на запад.

— Ну, так пойдем посмотрим.

Наблюдательный пункт оказался пустым, не считая компании троллей, которые лежали кучей, как щенята. Груда задвигалась, и вынырнула голова радостного Лобсанга.

— Удивительное ощущение, когда мех касается органов осязания, правда? Настоящее блаженство. И они разговаривают! На необычайно высоких частотах и с минимальным словарем... У троллей множество способов коммуникации; похоже, общаться — это и значит быть троллем. Но, полагаю, именно посредством песен происходит настоящий обмен информацией. Я, кажется, уже усвоил понятия, которые означают «хорошо» и «плохо», «да» и «нет», «радость» и «боль», «ночь» и «день», «горячо» и «холодно», «правильно» и «неправильно», а еще «я хочу молочка», что для меня менее актуально. Я узнаю еще больше, когда мы снова двинемся в путь — кстати, завтра рано поутру именно так мы и поступим, притом не мешкая. Я намерен взять троллей с собой. Надеюсь, мои новые друзья не возражают против путешествия по воздуху. Кажется, я им нравлюсь!

Лицо Салли было непроницаемой маской.

— Просто супер, Лобсанг. Но ты хоть что-то дельное узнал?

— Пока я делаю предварительные заключения. Очевидно, тролли — очень адаптивные всеядные существа. Неудивительно, что они так широко распространены по всей Долгой Земле. Идеальные кочевники. Продукт двух миллионов лет эволюции, как только первые особи подвиги «умелых» научились переходить.

— То есть?

— Номо *habilis*, человек умелый. Первые изготовители орудий труда в ряду эволюции. Видишь ли, я размышляю над тем, что, возможно, умение переходить развивалось бок о бок с умением делать орудия труда. Несомненно, для этого требуется одинаковая сила воображения. Представить, каким образом камень может стать топором; представить, чем один мир отличается от другого, после чего перейти. Или, скажем, переходы связаны со способностью представлять альтернативное будущее в зависимости от собственного выбора — пойти сегодня охотиться или остаться в орешнике. Так или иначе, как только гуманоиды научились переходить, сообщество разделилось на опытных Путников, которые могли просто взять и уйти, и Путников более робких, а также особей, вообще не способных переходить, которые оставались дома и, вероятно, активно противились тем, у кого было несомненное преимущество.

— Домоседы, которые заложили основы человечества на Базовой Земле, — догадался Джошуа.

— Не исключено. Археологические исследования моего коллеги Нельсона, казалось бы,

это подтверждают. Но я лишь строю догадки. Быть может, способность переходить развилась еще раньше, до появления человекообразных обезьян. Троллей следует называть скорее гуманоидами, нежели гоминидами, пока не будет завершено всестороннее изучение и выявлены эволюционные связи.

Салли спросила:

— Они объяснили, почему мигрируют?

— У меня есть одна идея... весьма приближительная, пусть даже эльфо-самка отличается большими пантомимическими способностями. Вообразите себе давление в голове. Бурю в мозгу.

Джошуа тоже чувствовал приближающийся шторм. Что-то давило на него по мере продвижения на запад, как будто впереди лежала Базовая Земля, населенная миллиардами душ. Да, подумал Джошуа. Оттуда движется туча, гнетущая душу. Но что ее гонит?

Лобсанг молчал. Под воркование троллят он вновь погрузился в груду меха.

— А!.. Органы осязания...

И внезапно пропал. Передвижной модуль никуда не делся, но исчезло нечто тонкое, неуловимое.

Джошуа взглянул на Салли.

Она спросила:

— Ты тоже почувствовал? Мы правда больше чего-то не видим и не слышим? Что случилось? Лобсанг ведь не может умереть? Или... сломаться?

Джошуа не знал, что сказать. Корабль тихонько работал, бесчисленные механизмы жужжали и пощелкивали, словно ничего не случилось. Но внутри ярко освещенного корпуса

больше не было главного элемента. Лобсанга. Пропало нечто существенное. Примерно так Джошуа себя чувствовал, когда умерла сестра Регина. Она много лет лежала больная в постели, но любила общаться с детьми и знала всех по именам. Они выстраивались вереницей, чтобы повидать ее, хотя их пугали запах и пергаментная кожа. А потом внезапно ребята поняли, что не стало чего-то очень важного, о чем присутствии они и не догадывались...

— Я думаю — может быть, он заболел, — неуверенно сказал Джошуа. — Он стал сам не свой, как только зарылся в груды тролльих детенышей.

В динамиках раздался голос Лобсанга:

— Нет нужды для неоправданного беспокойства.

Салли вздрогнула и нервно рассмеялась.

— А для оправданного есть?

— Салли, пожалуйста, смирись. Никакого сбоя не произошло. К тебе обращается аварийная подсистема. Прямо сейчас Лобсанг проходит перекомпиляцию — то есть интегрирует обширный объем новой информации. Процесс займет несколько часов. Мы, подсистемы корабля, полностью способны выполнять необходимые функции в течение указанного периода. Лобсанг должен провести некоторое время вне сети; рано или поздно все разумные существа берут перерыв, чтобы произвести учет информации. Мы уверены, что вы поймете. Вы в безопасности. Лобсанг присоединится к вам на расвете.

Салли фыркнула.

— Я почему-то ожидала, что он добавит: «Приятного вечера», но, наверное, я требую слишком многого. Как ты думаешь, это правда?

Джошуа пожал плечами.

— Наверное, Лобсанг действительно много чего узнал от троллей. Притом очень быстро.

— И теперь поглощает их кошмары. Значит, у нас свободный вечер. Как насчет того, чтобы спуститься и сходить в бар?

— Куда?..

После долгой череды бесплатных стаканчиков «на посошок» Джошуа пришлось отнести Салли на корабль. Он осторожно уложил женщину на кровать в каюте. Во сне Салли казалась моложе. Джошуа ощутил непонятное желание оберегать ее и порадовался, что она спит и ничего не замечает.

Лобсанга нигде не было, голос молчал.

А тролли, как оказалось, ушли сами. Джошуа подумал: они видели кнопку лифта. Тролль думает. Тролль нажимает кнопку. До свиданья, тролль. Лобсанг хотел извлечь максимум из контакта с ними. Но, очевидно, тролли уже извлекли максимум из контакта с *ним*.

Джошуа в одиночестве устроился на кушетке на наблюдательном пункте, глядя на звезды.

На рассвете, пока пассажиры спали, корабль стал медленно подниматься, набирая высоту. Он взмыл над самыми высокими деревьями и перешел, с легким хлопком растворившись в пустоте.

ГЛАВА 40

Утром Лобсанг вернулся. Джошуа почувствовал его — почувствовал, что корабль вновь обрел целеустремленность, еще до того, как в наблюдательный пункт вошел передвижной модуль, как раз когда Джошуа пил утренний кофе. Салли, видимо, еще спала.

Они неспешно переходили, и внизу катились миры. Как всегда, в основном деревья и вода, тишина и монотонность. Джошуа был рад освободиться от труднообъяснимой странности Мягкой Посадки, но, как только «Марк Твен» вновь направился на запад, нарастающее давление в голове вернулось. Он тщетно пытался не обращать на него внимания.

Они сидели молча. Никто не заговаривал об ушедших троллях, о времени, которое Лобсанг провел вне сети. Джошуа тщетно гадал, в каком тот настроении, и задумался, не одиноко ли Лобсангу без троллей. Или он разочарован, что они решили уйти? Или раздосадован, поскольку эксперимент остался незавершенным? Джошуа беспокоился: Лобсанг как будто становился менее предсказуемым, менее стабильным. Наверное, его захлестнули новые впечатления.

Примерно через час Лобсанг вдруг спросил:

— Ты думаешь о будущем, Джошуа? Я имею в виду о далеком будущем?

— Нет. Зато ты, наверное, думаешь.

— Рассеивание человечества по Долгой Земле, несомненно, вызовет не только политические проблемы. Я могу себе представить время, ког-

да люди так рассредоточатся по множественным мирам, что человеческая гегемония начнет претерпевать серьезные генетические изменения. Возможно, придется устроить нечто вроде насильственной миграции, чтобы человечество осталось гомогенным и способным объединиться...

Горящий лес внизу заставил корабль на несколько секунд заколебаться на волнах горячего воздуха.

— Не думаю, что сейчас нужно об этом беспокоиться, Лобсанг.

— А я беспокоюсь, Джошуа. Чем больше я узнаю о Долгой Земле, тем больше меня впечатляет ее масштаб — и тем сильнее я волнуюсь. Человечество попытается устроить эффективную галактическую империю на одной, бесконечно повторяющейся планете...

Корабль вздрогнул и остановился. Мир внизу был окутан низко висящими облаками.

В рубку вошла Салли в халате, с полотенцем на голове.

— Правда? Нам обязательно повторять ошибки прошлого? Римские легионы, марширующие по бесчисленным новым мирам?

— Доброе утро, Салли, — сказал Лобсанг. — Надеюсь, ты хорошо отдохнула?

— Лучшее в пиве на Мягкой Площадке — что оно чистое. Как первоклассные немецкие сорта. Никакого похмелья.

Джошуа заметил:

— Хотя ты из всех сил постаралась опровергнуть теорию.

Салли, не обращая на него внимания, огляделась.

— Почему мы летели так медленно? И почему остановились?

Лобсанг ответил:

— Мы летели медленно, чтобы ты могла подольше поспать, Салли. Но также я принял на вооружение твой скепсис. Бывает полезно обращать внимание на мелкие подробности, поэтому я замедлил ход нашего летучего пениса, как ты юмористически выразилась. Итак, под нами — мелкие подробности, как то: остатки развитой цивилизации. Вот почему мы остановились.

Джошуа и Салли переглянулись, словно их пронзило электрическим током.

Корабль снижался, и они всматривались в туман.

— Мой радар отражает то, что видит сквозь облака, — объяснял Лобсанг, глядя в пустоту. — Я вижу долину реки, очевидно давно высохшей. Возделанную пойму. Никаких электромагнитных полей и прочих высоких технологий. На берегу видны отчетливо выраженные постройки — например, мост. Давно сломанный. И четырехугольники на земле, друзья мои, каменные или кирпичные четырехугольники. Но никаких следов живых существ. Я понятия не имею, кто тут жил. Может быть, мы отклоняемся от главной цели, но, несомненно, я выражу общее мнение, если скажу, что нужно произвести предварительный осмотр этого феномена. Я прав?

Джошуа и Салли снова переглянулись.

Салли спросила:

— Какое у нас есть оружие?

— Оружие?

— Лучше перестраховаться, чем пожалеть.

Лобсанг ответил:

— Если ты имеешь в виду нечто портативное, то к нашим услугам разнообразные ножи, легкие, но тем не менее очень эффективные пистолеты, арбалеты, которые стреляют различными стрелами применительно к типам метаболизма живых существ, которых мы можем встретить, от «спать хочется» до «немедленная смерть». Инструкции в том числе написаны шрифтом Брайля и пиктограммами, и я этим горжусь. Корабль же вооружен изрядным количеством стрелкового оружия, которым управляю я. При необходимости я способен построить даже небольшой, но очень проворный танк.

Салли фыркнула.

— Нет, танк нам не понадобится. Мы имеем дело с исчезнувшей цивилизацией. Хотя исчезнувшая цивилизация иногда оставляет после себя неприятные сюрпризы.

Лобсанг некоторое время молчал.

— Конечно. Ты права. Надо подготовиться сообразно случаю. Пожалуйста, подождите.

Он встал и исчез за синей дверью. Джошуа и Салли переглянулись опять.

Через несколько минут дверь открылась, и передвижной модуль вернулся в рубку. В фетровой шляпе, с пистолетом в кобуре и, разумеется, с кнутом из бычьей кожи.

Салли уставилась на него.

— Ну, Лобсанг, ты прошел мой персональный тест Тьюринга.

— Спасибо, Салли, я это запомню.

Джошуа был потрясен.

— Ты за пару минут сделал кнут? Но его так быстро не сплетишь. Как тебе удалось?

— Как бы мне ни хотелось вам внушить, что я всемогущ, вынужден признать, что кнут в запасе уже был. Простое многоцелевое приспособление, которое практически не требует ухода. Ну что, отправляемся?

Они спустились и оказались почти в пустыне. На дне широкой долины боролись за жизнь несколько хилых деревьев, а утесы на противоположной стороне долины были источены пещерами, похожими на соты. Джошуа не заметил никаких животных, даже мышей. Он увидел упомянутые остатки сломанного моста и четырехугольные выемки на земле.

Но он немедленно позабыл обо всем, потому что неподалеку стояло здание — огромная четырехугольная постройка, которая, возможно, с воздуха не впечатляла размерами, зато снизу выглядела как штаб-квартира какого-нибудь международного конгломерата. Проектировщик, видимо, питал отвращение к окнам.

Они зашагали туда, возглавляемые Лобсангом в фетровой шляпе.

— В общем и целом, — разглагольствовал тот, — реальность не остросюжетна, и древ-

ние города не изобилуют качающимися лезвиями, которые сносят головы, или скользящими каменными плитами, из-за которых вылетает огонь. Досадно, да? Так или иначе, я заметил классическое собрание загадочных символов. Утесы — судя по всему, бледно-серый известняк — тщательно обработаны неизвестными существами. И символы как будто не соотносятся ни с одним известным алфавитом. А огромное здание впереди сложено из черных плит, вероятно базальтовых, довольно грубо обработанных. С этой стороны не видно никакого очевидного входа, но с воздуха я заметил на дальней стороне нечто вроде наклонной поверхности, каку-то тень — может быть, дверь там.

Он невозмутимо добавил:

— Правда, занятно? Ничего не хотите сказать?

Салли ответила:

— Мы почти за милю от здания, и у нас не такое зрение, как у тебя, Лобсанг. Пожалей простых смертных. Зачем мы высадились так далеко?

— Прошу прощения у вас обоих. Я подумал, что лучше подобраться осторожно.

— Он всегда такой, Салли, — объяснил Джошуа.

Они шли дальше, оставив корабль маячить за спиной. У подножья стен каньона были каменистые осыпи, там и сям среди редких деревьев проглядывали пятна мха, лишайника, жесткой травы, которая умудрилась за что-то зацепить-

ся. Но по-прежнему никаких животных, даже сарыча в небе. Место выглядело весьма негостеприимно. Здесь уже давно ничего не происходило и продолжало не происходить. Было жарко; солнце, пробиваясь сквозь облака, отражалось от каменных стен, и душный каньон напоминал раскаленную печь. Это не смущало Лобсанга, который широко шагал вперед, словно готовился к Олимпийским играм. Джошуа, наоборот, становилось все жарче и тревожнее с каждым шагом.

Они достигли огромного здания. Салли воскликнула:

— Господи, вы только посмотрите! В жизни не догадаешься, какое оно большое, пока не пойдешь поближе!

Джошуа задирал голову все выше, скользя взглядом вдоль стены. Чудом архитектуры здание нельзя было назвать — оно ничем не потрясало воображение, кроме размеров. Чьи-то руки обтесали глыбы даже неодинакового размера. Вблизи Джошуа заметил щели и шероховатости, отчасти естественным образом скрытые птичьим пометом и гнездами, которые тоже, судя по всему, появились уже очень давно.

Салли сказала:

— Очень мило. Кто-то приказал: «Постройте что-нибудь большое, увесистое и долговечное». И вот пожалуйста. Так, теперь давайте обойдем кругом и увернемся от каменного шара...

— Нет, — перебил Лобсанг, останавливаясь как вкопанный. — Планы изменились. Я заметил

куда более серьезную опасность. Здание радио-активно. Издалека я этого не заметил. Прошу прощения. Предлагаю как можно скорее двигаться тем же путем назад. Не спорьте. Пожалуйста, дышите мельче, пока мы не окажемся в безопасном месте...

Нет, они не бежали; они двигались решительным шагом.

Джошуа спросил:

— Ну и что там такое? Свалка отходов?

— Ты заметил множество знаков, которые указывают, что вход в это здание без снаряжения смертельно опасен? И я не заметил. Полагаю, уровень развития техники здесь был слишком низок для постройки ядерного реактора или чего-то подобного. Местные жители, вероятно, сами не знали, с чем имели дело. Я полагаю, они наткнулись на какую-то полезную руду с интересными особенностями, возможно на естественный источник ядерной энергии...

— Как в Окло, — подхватил Джошуа.

— Да, в Габоне. Естественные залежи урана. Они нашли вещество, которое, скажем, заставляло светиться стекло. Волшебство. Духи.

Салли сказала:

— Духи, которые в конце концов убили своих адептов.

— По крайней мере, давайте перед отлетом заглянем вон в те пещеры. Они достаточно удалены от храма, или чем бы ни было это здание.

Первая пещера, которую они решили исследовать, оказалась широкой, просторной, прохладной... и полной смерти.

На мгновение все трое застыли на пороге склепа. Джошуа был в высшей степени потрясен увиденным, но подумал, что трудно подыскать более уместный повод для завершения визита в это смертельно негостеприимное место.

Они осторожно вошли, ступая в просветы между грудами костей. Хрупкие скелеты крошились от прикосновений. Джошуа подумал: тела, наверное, просто свалили сюда, причем в спешке, в последние дни существования поселения, когда не осталось никого, чтобы погребать мертвых правильно, что бы ни предписывали традиции. Но кто же тут жил? С первого взгляда они как будто походили на людей. Неопытный глаз Джошуа счел их двуногими — насколько он мог судить по костям ног и изящным бедрам. Но в удлиненных черепках, похожих на шлемы, не было ничего человеческого.

Команда «Марка Твена» растерянно стояла в центре пещеры. Голова Лобсанга с легким жужжанием поворачивалась и в кои-то веки механически, не прибегая ни к каким уловкам, фотографировала и записывала символы, испещрявшие стены.

Салли спросила:

— Вы заметили? Тела не повреждены. Не растерзаны животными, во всяком случае. Никто не трогал мертвецов с тех пор, как их оставили здесь.

Лобсанг, занятый делом, пробормотал:

— Кстати говоря, я, как обычно, запустил зонд. Нигде на данной версии Земли нет никаких свидетельств развитой культуры или высокого

уровня мышления. Только здесь. Тайна сгущается.

Салли буркнула:

— Может быть, ядовитая штука привлекла сюда гуманоидов, помогла им достичь пика культурного развития, а потом убила? Какая ирония судьбы. Конечно, есть и другой вариант.

— Какой? — спросил Джошуа.

— Что ядерный склад под храмом не природного происхождения. Кто-то очень, очень давно...

Джошуа и Лобсанг не нашли что ответить.

— И все-таки, — продолжала Салли. — Цивилизация динозавров? Уникальная находка.

— Динозавров?

— Посмотрите на эти черепа с гребнями.

— Скорее цивилизация, созданная эволюционировавшими потомками динозавров, — придирчиво сказал Лобсанг. — Давайте будем точны в терминах.

Джошуа уставился на косточку — скорее всего, бывший палец, украшенный массивным кольцом с сапфирами. Он нагнулся за ней.

— Вы посмотрите. Они делали украшения. Эти динозавры, или кто там, очень походили на нас. Разумные существа. Они использовали орудия труда. Строили здания. И города — по крайней мере, один. У них было искусство — вот доказательство...

— Да, — сказал Лобсанг. — В одном существенном отношении они походили на людей — и отличались, скажем, от троллей. Они, как и мы, создавали культурное окружение. Наши арте-

факты и наши города суть внешние хранилища мудрости минувших эпох. У троллей, кажется, ничего подобного нет, хотя, возможно, их песни — шаг к тому. А у этих существ такая способность, несомненно, была.

Джошуа произнес:

— Они даже выглядят как прямоходящие двуногие. Я прав?

— Может быть, мы наблюдаем здесь общие универсалии: быть двуногим и прямоходящим очень удобно, чтобы пользоваться орудиями труда, учитывая базовый замысел природы, а именно — тело с четырьмя конечностями. Вероятно, разумные воплощенные существа, умеющие обращаться с инструментами, имеют естественную склонность собираться в некое подобие городов. Не исключаю и общей тяги к ярким блестящим украшениям. Но здешней цивилизации настал конец. Они отравились сами, а теперь отравляют нас.

Салли взглянула на Джошуа.

— У меня такое ощущение, как будто я нашла своего мертворожденного брата-близнеца.

— Нет смысла тратить время, — продолжал Лобсанг. — Однажды сюда прибудет снаряженная должным образом археологическая экспедиция. В костюмах, защищающих от радиации. В конце концов, это место никуда не денется: мы далеко от Базовой Земли, и я сомневаюсь, что в обозримом будущем здесь появятся туристы. Идемте, дети мои. Пора домой. Здесь нам делать нечего.

Пока они шагали обратно к лифту, Джошуа с горечью произнес:

— По-моему, природа неразумно тратит силы. Миллионы миров... Какой в них смысл в отсутствие разумных существ?

— Такова природа вещей, — ответил Лобсанг. — Ты просто смотришь не с той стороны. А насколько велика вероятность обнаружить разумную жизнь на других планетах? Астрономы открыли несколько тысяч планет в различных системах, но до сих пор мы не получили никаких убедительных доказательств, что там кто-то живет. Может быть, создать разумное существо, способное пользоваться орудиями труда, слишком сложно. Может быть, мы должны сказать спасибо за то, что подошли так близко к встрече с этими существами. По меркам вероятностного пространства.

Салли сказала:

— Но если они были разумны, почему их нет в других мирах? Почему мы не нашли никаких свидетельств по соседству? Хотя бы на том же самом месте. Или они не умели переходить, не смотря на свой разум?

— Не исключено, — ответил Лобсанг. — Или прирожденных Путников изгнали отсюда те, кто не умел переходить. Похоже, на Базовой Земле сейчас происходит именно это. Возможно, перед нами предстало собственное будущее.

Салли и Джошуа, двое прирожденных Путников, хранящих тайну, понимающе переглянулись.

ГЛАВА 41

— Прирожденные Путники. Какое изящное выражение, правда? Я хочу сказать — мы все учимся ходить, едва отлучившись от материнской груди. «Посмотрите, наш малыш сделал первый шаг!» — Брайан Каули, любитель играть на публику, прошелся крошечными детскими шажками туда-сюда по эстраде, с микрофоном в руке, освещенный лучами прожекторов в просторном конференц-зале. Этот незамысловатый трюк кто-то приветствовал радостными возгласами.

Моника Янсон, в штатском, окинула взглядом собравшуюся в подвале толпу, ища крикуна.

— Такова природа. Ходьба естественна. Но что такое переходы? — Каули покачал головой. — В переходах ничего естественного нет. Для них нужен специальный прибор. А чтобы ходить, никакого прибора не нужно. Переходы. Нет, я не буду так говорить. И мой дедушка так бы не сказал. Мы, простые люди, не получившие университетского образования, называем такие штуки другими словами. Мы говорим — «извращение». Мы говорим — «мерзость». Мы говорим — «богохульство».

Каждое слово вызывало одобрительные возгласы. Янсон знала: настанет момент, когда ей придется присоединиться, чтобы не нарушать прикрытие.

Душный, жаркий зал был переполнен и тускло освещен висевшими сбоку прожекторами. Каули всегда появлялся перед публикой лишь

под землей — в подвалах, погребах, подземных помещениях, наподобие этого конференц-зала, расположенного на нижнем уровне отеля. Там его не могли настигнуть те, кто умел переходить. Во всяком случае, сначала им пришлось бы вырыть дыру в земле. Янсон явилась сюда в цивильном виде, вместе с коллегами из полицейского департамента Мэдисона, отделов национальной безопасности (множественное число появилось через десять лет после Дня перехода), ФБР и массы других агентств, которые встревожились, заслышав громкий шум, исходивший от маргиналов, которые присоединились к движению Каули.

Янсон уже заметила в толпе знакомые лица, а также на сцене, в числе состоятельных покровителей Каули. Джим Руссо, чья фирма с пышным названием «Торговая компания Долгой Земли» еще держалась на плаву, хотя Джим и успел потерять несколько состояний, по мере того как мир менялся, выходя за рамки воображения. Янсон несколько лет назад беседовала с Руссо по поводу жалоб на эксплуатацию рабочей силы и с тех пор решила за ним присматривать, чтобы понаблюдать, как он отреагирует на следующий неизбежный спад. Реакция оказалась неприятной. И теперь он стоял здесь, пятидесятилетний, раздосадованный после очередной неудачи и общего предательства, и предлагал частичку своего уцелевшего богатства Брайану Каули, самозваному представителю всех противников Долгой Земли. И Руссо был не единственным, кто нес

финансовые потери со Дня перехода. Так что Каули не испытывал недостатка в покровителях.

Маули перешел к экономическим аргументам, которые обеспечили ему максимум поддержки в прессе.

— Я плачу налоги. Вы платите налоги. Мы заключили договор с правительством, с *нашим* правительством, и не важно, что говорят те, кто уютно угнездился на всю жизнь по ту сторону Кольцевой дороги. Но второе условие договора гласит: правительство должно использовать *ваши* деньги, чтобы приносить пользу *вам*. Вам, вашим близким, детям, старикам. Делать так, чтобы вы чувствовали себя в безопасности в собственном доме. Насколько я понимаю, вот в чем суть соглашения. Я-то не живу внутри Кольцевой. Я простой человек, как вы, как вы, — он несколько раз ткнул пальцем в толпу. — Я сейчас расскажу, о чем узнал простой человек. Я вам расскажу. Наши налоги идут на колонистов. Мы платим за тех, кто играет в пионеров — где-то там, в извращенных мирах, где нет даже обычных лошадей, птиц и коров, которых создал Бог. Правительство дает им почту. Устраивает перепись населения. Отправляет дорогие лекарства. Посылает полицейских, когда эти ненормальные ради прихоти убивают собственных матерей или зачинают ребенка с собственной дочерью...

Янсон знала, что Каули врет. В просторных последовательных мирах, где не было бедности и перенаселения, подобные преступления случались относительно редко.

— Есть целая система, которая держится за счет наших налогов, чтобы деньги, которые храбрые пионеры оставили здесь, в настоящем мире — в единственном настоящем мире, — никуда не делись, чтобы они по первому требованию могли получать все необходимое. Я имею в виду «Центр поддержки». Некоторые даже бросили здесь пустые дома! Знаете, сколько в современной Америке бездомных? И что же? Что получили от этой сделки вы? И вы? И вы? С другими мирами не ведется никакой торговли — по крайней мере, за пределами первых трех миров, откуда можно притащить на себе бревна и все такое. Из мира номер миллион в Техас нельзя провести нефтепровод. Нельзя даже пригнать оттуда стадо скота. Федеральное правительство годами твердило вам, что освоение Долгой Земли сродни дням Дикого Запада, эпохе первопроходцев. Ну, я не особо разбираюсь, как живут люди внутри Кольцевой, зато знаю историю своей страны и знаю цену доллару. Поэтому я могу сказать, что это ложь. Брехня. Кто-то, разумеется, загребает денежки за счет человеческой глупости, но точно не вы и не я. Лучше полететь на Луну. По крайней мере, ее создал Бог. По крайней мере, оттуда можно привезти камни! И я вам скажу: у меня через несколько дней состоится встреча с президентом, и вот чего я потребую. «Прекратите финансировать колонии на Долгой Земле. Если уходящие оставляют здесь ценное имущество, конфискуйте его. Если они что-то производят там, в этих безбожных мирах, об-

лагайте их налогами и выжимайте досуха. Они хотят быть пионерами — пускай будут. Но только не за мой счет».

Рев одобрения. Неприятно громкий.

Янсон заметила Рода Грина, восемнадцати лет. Трудно было не заметить его соломенную гриву. Таких, как Род, полицейские прозвали «один дома». Ребенок, не умеющий переходить и покинутый семьей, которая соблазнилась романтикой дальних странствий и возможностью построить новую жизнь в каком-нибудь последовательном мире. Сложился целый класс людей, пострадавших из-за самого факта существования Долгой Земли. Зачастую не только финансово, но гораздо глубже. И вот Род стоял здесь и впитывал ядовитые брызги желчи.

Каули приближался к кульминации. К самой соли, ради которой здесь и собрались бедолаги, оказавшиеся в невыгодных условиях. Соль была горька, поэтому Каули и воспрещал как-либо фиксировать свои речи.

— Я тут кое-что услышал, — сказал он, извлекая клочок бумажки. — Заявление одного университетского... про-фэс-сора. Вот что он говорит, сейчас процитирую: «Возможность переходить — это отличный шанс для человечества, возникновение новой познавательной способности, сравнимой с развитием языка и созданием сложных орудий труда». И так далее, и так далее. Вы понимаете, о чем речь, дамы и господа? О чем нам говорит господин профессор? Он говорит об эволюции. Сейчас я

вам кое-что объясню. Когда-то, давным-давно, на нашей планете обитали древние люди. Мы зовем их неандертальцами. Они походили на нас, носили одежду из шкур, делали орудия труда и разводили огонь — они даже заботились о больных и почтительно погребали мертвых. Но они были не такие умные, как мы. Они жили на Земле сотни тысяч лет, и за все это время ни один из них не изобрел хотя бы лука со стрелой, какой может сделать любой семилетний американский мальчишка. Но они неплохо жили, охотились, ловили рыбу. Пока в один прекрасный день не появились другие люди. Незнакомые, с плоскими лицами, стройными телами, ловкими руками и большими мозгами. Уж они-то умели делать луки и стрелы. Готов поклясться, какой-нибудь неандертальский профэссор тогда сказал: «Умение делать луки и стрелы — это отличный шанс человечества», ну, вы поняли. Может быть, этот неандертальский профэссор даже велел Угу и Мугу отдать новым людям кусок мамонтьятины, чтобы профинансировать изготовление луков и стрел. И все вроде бы было здорово, и они прекрасно ладили. Но где теперь Уг и Муг? Где неандертальцы? Я расскажу. Они вымерли. Тридцать тысяч лет назад. Исчезли. «Вымереть» хуже, чем просто умереть; это значит, что ваши дети тоже умерли, а ваши внуки и правнуки даже никогда не родятся. Знаете, что я сказал бы тем неандертальцам? Знаете, что им нужно было сделать, когда появились новые люди, с луками и стрелами? — Каули стукнул ладонью по

столу. — Нужно было сжать большие кулаки, замахнуться уродливыми каменными топорами и разбить черепа незванным пришельцам, всем до единого. Если бы они это сделали, их внуки жили бы и посейчас.

Он продолжал хлопать ладонью, подчеркивая каждую фразу.

— А теперь правительство и университетские профессора говорят, что среди нас появились новые люди, эволюция идет дальше, и среди простых смертных зародились супермены. Супермены, чья единственная способность заключается в том, чтобы ночью проскользнуть в чужую детскую. Ничего себе супермены! Думаете, я неандерталец? Думаете, я совершу точно такую же ошибку? Вы позволите этим мутантам завладеть землей, которую создал Господь? Вы покоритесь вымиранию? Да? Или?.. Или?..

Все вскочили — сидевшие на сцене тоже, — крича и аплодируя. Янсон тоже аплодировала, прикрытия ради. Вокруг нее люди из ФБР тихонько фотографировали толпу.

Мир вновь менялся. С тех пор как корпорация Блэка начала более или менее секретно строить воздушные корабли и внедрять серьезные инновации в систему сообщения между мирами, следовало ожидать ощутимого торгового подъема и экономического роста. Но такие, как Руссо и Каули, не желали ждать слишком долго. Янсон волновалась: сколько вреда они успеют причинить, пока люди ждут очередного чуда?

ГЛАВА 42

«Марк Твен» был надежным убежищем. Стоило взлететь и начать переходы, как горести оставались позади. Джошуа с огромным облегчением покинул Прямоугольники и направился навстречу новому и неведомому. Он лишь приветствовал взлет, несмотря на нарастающее давление в черепе, которое сулило недоброе.

Лобсанг по-прежнему переходил медленно, довольно внимательно изучая попутные Земли, в то время как Джошуа и Салли сидели в наблюдательном пункте. Корабль переходил, держась на уровне облаков. Но однажды, над очередным зеленым миром, Джошуа показалось, что он слышит, как шуршат по обшивке листья. Наверное, в каком-нибудь мире-джокере росли деревья-гиганты.

— Лобсанг встревожен, да? — спросила Салли. — Он испуган тем, что мы нашли в Прямоугольниках.

— Ну, он ведь буддист. Уважение ко всем живым существам и вообще. Но кости вселяют мало оптимизма. Взять слонов, например. Они хорошо знают, что кости предвещают угрозу или смерть сородича... — Он почувствовал, что Салли не слушает. — Салли, что-то не так?

— Что значит «не так»? — Голос женщины прозвучал обвинительно.

Джошуа вздрогнул; ему не хотелось ссориться. Он отправился на кухню и принялся чистить картошку — подарок с Мягкой Посадки, доставленный на корабль в плетеном мешке. Он мак-

симально сосредоточился на движениях ножа. Джошуа знал, что просто пытается переключиться, и это было приятно, особенно учитывая то, о чем он старался не думать.

Салли пошла следом и остановилась в дверях.
— Ты за мной наблюдаешь.

Она не спрашивала, потому что и Джошуа не то чтобы дал ответ.

— Я за всеми наблюдаю. Чтобы знать, о чем думают люди.

— И о чем я сейчас думаю?

— Ты напугана. Наверное, Прямоугольники напугали тебя так же, как Лобсанга и меня, а вдобавок ты нервничаешь из-за миграции троллей сильнее нас обоих, поскольку знаешь троллей лучше, чем мы.

Нарезав картофелину, Джошуа наклонился и достал из мешка следующую. Он решил, что сохранит мешок; кто-то в Мягкой Посадке, наверное, трудился не один час над его изготовлением.

— Я сделаю суп. Иначе ракушки испортятся. Еще один подарок с Мягкой Посадки...

— Перестань, Джошуа. Отложи картошку, черт тебя побери. И поговори со мной.

Джошуа вымыл нож и осторожно отложил в сторону. Об инструментах нужно заботиться. Потом повернулся.

Салли яростно взглянула на него.

— С чего ты взял, что знаешь меня? Ты вообще хоть кого-нибудь знаешь?

— Мало кого. Одного полицейского. Друзей по Приюту. Несколько ребятишек, которых я

выручил в День перехода и которые с тех пор не теряли со мной связи. Ну и монахинь. Очень полезно узнать монахинь поближе, если ты живешь с ними бок о бок; они бывают такими шустрými...

— Хватит уже твердить про своих дурацких монашек, — огрызнулась Салли.

Джошуа сохранял спокойствие, подавляя желание вновь обрести прибежище в кухонных делах. Он чувствовал, что настал важный момент.

— Послушай, Салли, я знаю, что не люблю общаться. И сестра Агнес всыпала бы мне ремнем за такие слова. Но заменить людей нельзя ничем, я уверен. Посмотри на троллей. Да, они очень дружелюбные, всегда готовы помочь, и я не хочу, чтобы с ними случилась беда. Они счастливы, и я им завидую. Но они ничего не строят, не производят, они принимают мир как есть. А люди начинают с мира как есть и пытаются его изменить. Тем-то они и интересны. Во всех мирах, над которыми мы проносимся, нет ничего драгоценнее человека. Вот что я думаю. И если мы — единственные разумные создания на Долгой Земле, в целой Вселенной... что ж, это грустно и страшно. Сейчас я вижу перед собой человеческое существо. Тебя. Ты грустишь, и я хотел бы тебе помочь, если бы мог. Ничего не говори сейчас. Не спеши, — Джошуа улыбнулся. — Суп все равно будет готов только часа через два. А вечером мы посмотрим «Балладу о Кейбле Хоге». Мелодраматическую повесть

о последних днях Дикого Запада, с Джейсоном Робардзом в главной роли. Так сказал Лобсанг.

Из всех их странностей Салли с наибольшим пылом обрушилась на привычку смотреть по вечерам старые фильмы. (Джошуа радовался, что Салли не было на борту, когда они с Лобсангом специально принарядились, чтобы посмотреть «Братьев Блюз».) Но на сей раз она никак не отреагировала. Тишину подчеркивали лишь щелчки и жужжание скрытых кухонных механизмов. Джошуа подумал: вот двое ущербных людей, которых судьба столкнула вместе.

Он снова вернулся к работе и добавил в хлебку бекон и специи. Ему нравилось готовить. Пища откликалась на проявленную заботу: если все сделать правильно, будет вкусно. Еда заслуживала доверия, а Джошуа любил то, на что мог положиться. Он пожалел, что не раздобыл сельдерей.

Салли сидела на кушетке в зале, обхватив колени руками, словно пытаясь уменьшиться. Джошуа спросил:

— Кофе?

Женщина пожала плечами. Он налил кофе.

На мелькавшие внизу миры спускался вечер, и на палубе включился свет. Зал погрузился в теплое медовое сияние. Очень уместное новшество.

Джошуа задумчиво сказал:

— Я считаю, что нужно заботиться о мелочах. О том, что можно устроить, если заранее постараться. Вот, например, суп из моллюсков.

Или кофе. А большие проблемы приходится решать, когда с ними сталкиваешься.

Салли слабо улыбнулась.

— Знаешь, Джошуа, для асоциального чудака ты иногда довольно чувствителен. Послушай... больше всего меня беспокоит то, что пришлось обратиться к вам за помощью. К кому бы то ни было. Я годами обходилась своими силами. Кажется, я не в силах справиться в одиночку, хоть и неохота это признавать. И еще кое-что, Джошуа, — она внимательно посмотрела на него. — Ты стал другим. Не отрицай. Ты — сверхмощный Путник. Король Долгой Земли. Я подозреваю, что ты и есть центральная ось. Поэтому я обратилась именно к тебе.

Джошуа стало неловко. Он даже почувствовал себя обманутым.

— Я не хочу быть центральной осью.

— Привыкнешь. Понимаешь, в том-то и проблема. В детстве вся Долгая Земля служила мне игровой площадкой — и только мне. Я ревную. Потому что, возможно, на самом деле она твоя, а не моя.

Он мучительно задумался.

— Салли, а что, если мы с тобой...

И в этот момент — исключительно неудачный — дверь открылась и с улыбкой вошел Лобсанг.

— А! Суп! С беконом! Прекрасно!

Салли и Джошуа обменялись взглядами, прекратили разговор и отвернулись.

Она посмотрел на Лобсанга.

— Вот ты и пришел, андроид, который умеет есть. Снова будешь глотать суп?

Лобсанг сел и довольно технично закинул ногу на ногу.

— Да, конечно, а почему нет? Гелевый субстрат, на основе которого действует мой мозг, нуждается в органических компонентах. Я не возражаю, если эти компоненты вкусно приготовлены.

Салли взглянула на Джошуа.

— Но если он ест, значит, должен потом...

Лобсанг улыбнулся.

— Незначительное количество отходов, которые я выделяю, выходят наружу в виде компактно спрессованного компоста в биоразлагаемой упаковке. Что тут смешного? Ты сама спросила, Салли. По крайней мере, твоя насмешка — приятное разнообразие по сравнению с обычным презрением. Но сейчас нам надо взяться за работу. Мне нужна ваша помощь, чтобы кое-кого идентифицировать. Пожалуйста.

За спиной Лобсанга опустилась панель с экраном, который замерцал и включился. Джошуа увидел знакомую двуногую тварь, сухопарую, грязную, с желтоватой кожей. Она держала палку, как дубину, и смотрела на незримых наблюдателей весьма зловеще, явно что-то затевая. Джошуа слишком хорошо знал, что именно.

— Мы их называем эльфами, — сказала Салли.

— Да, — отозвался Лобсанг.

— Если не ошибаюсь, кое-где их зовут Серыми человечками, в честь пришельцев, которых

якобы видели некоторые очевидцы НЛО. Эльфы попадают повсюду в Верхних Меггерах, а иногда и ближе. Обычно сторонятся людей, но могут и рискнуть, если человек один или ранен. Невероятно быстры и сильны, очень разумны. Охотники, которые пользуются способностью переходить, когда преследуют добычу.

— Да, — подтвердил Джошуа. — Мы уже с ними встречались.

— Эльфы. Подходящее название, если задуматься. Эльфы не всегда были маленькими славными существами, правда? Легенды народов Северной Европы изображают их рослыми, сильными... и без души. Неприятная публика. Пусть себе называются эльфами. Они заслуживают дурной славы. Кстати, в легендах эльфы, как правило, боятся железа. Неудивительно — с помощью железа им, возможно, подстраивали ловушки или мешали переходить.

Джошуа снова занялся похлебкой; тем временем Лобсанг коротко рассказал Салли о битве с восседавшими на свиньях эльфами.

Когда Джошуа вернулся, Салли взглянула на него с непривычным уважением.

— Ты неплохо потрудился, чтобы выжить.

— Да. А ведь предполагалось, что у меня выходной. Долгая история.

— Забавные ребята, да?

— Есть и другой вариант, — сказал Лобсанг. На экране появилась беременная большеголовая самка, которую Джошуа пытался спасти.

— Я таких называю леденцами, — сказала Салли. — У них большой мозг, но они, насколько я могу судить, не такие уж смывленные.

Лобсанг кивнул.

— Вполне логично. Деторождение посредством перехода позволило мозгу внушительно увеличиться в размерах, но, возможно, этим особям еще предстоит соответствующий подъем функциональных способностей. Оборудование есть, осталось установить программы.

Салли произнесла:

— Тем временем некоторые виды эльфов их разводят. На мясо. Они едят вкусные мозги. Я видела.

Ее слова были встречены молчанием.

Лобсанг вздохнул.

— Да, это вам не Ривенделл. Эльфы, тролли... Скажи, Салли, а единороги на Долгой Земле не водятся?

— Суп готов, — воззвал Джошуа. — Ешьте, пока горячий.

Когда они сели за стол, Салли сказала:

— И единороги есть. Причем всего в нескольких мирах от Мягкой Посадки. Могу показать, если хотите. Страшные, как черти, совсем не похожи на тех, что тусуются с Барби. Здоровенные звери, драчливые, как бараны, такие тупые, что втыкаются рогами в деревья. Особенно в брачный сезон.

На экране появились эльфы, уплетавшие какую-то тушу, — они ссорились и утирали окровавленные рты.

Салли спросила:

— Зачем ты нам это все показываешь, Лобсанг?

— Потому что они прямо под нами. Вы не заметили, что мы стоим? Доедайте суп. Эльфы подождут до утра.

ГЛАВА 43

К удивлению Джошуа, рассвело поздно. В утреннем свете внизу показалась пустыня, сухой пыльный мир, где вода была бесценна — а потому бесценно и немногочисленное остальное.

Лобсанг подошел к Джошуа.

— Не самая вдохновляющая картина, да? Но и здесь есть кое-что любопытное.

— Например, поздний рассвет.

— О да. А еще тут проходят тролли и эльфы, которые направляются на восток. Благодаря камерам на брюхе гондолы я получил неплохие снимки.

Палуба слегка накренилась. Джошуа спросил:

— Мы спускаемся?

— Да. И я хотел бы, чтобы Салли высадилась вместе с нами. Хорошо бы поймать эльфа, если удастся. Мне хочется с ним пообщаться.

Джошуа скептически фыркнул.

— Я не ожидаю от этой встречи многого, но кто знает... Я на всякий случай сделал шлемы и защиту для шеи — для вас обоих. Любой, кто попытается напасть сзади, пожалеет о том, вне зависимости от умения переходить. Увидимся возле лифта через полчаса.

Салли уже оделась, когда Джошуа постучал.

— Шлемы! — воскликнула она.

— Извини, это придумал Лобсанг.

— Я годами выживала на Долгой Земле, и со мной не нянчились всякие Лобсанги! Ладно, ладно, я здесь пассажир. Что он задумал?

— Поймать эльфа, кажется.

Салли чуть не подавилась.

Лобсанг остановил корабль над обветренной скалой. Внизу расстиралась пустыня ржавого цвета — странный мир, даже по меркам большинства джокеров. Джошуа ощутил тяжесть во всем теле, как будто кости налились свинцом. Он с трудом тащил обычный рюкзак. Воздух не был разреженным, но дыхание не приносило радости, и легкие напрягались. С завыванием дул непрерывный ветер. На голой земле не росло ни травы, ни кустов, ни деревьев — ничего, кроме какого-то зеленовато-лилового меха, как будто земля поутру забыла побриться.

И внезапно Джошуа увидел, как что-то блеснуло, — скорее ощутил, чем увидел. Какое-то существо перешло — и тут же скрылось, так быстро, что едва успело побывать здесь...

Салли спросила:

— Что это за место, Лобсанг? Похоже на кладбище.

— Именно так, — ответил тот. — Хотя кладбище, на котором не покоятся даже кости.

Он стоял неподвижно, как статуя, овеваемая пылью.

— Посмотрите на горизонт слева. Что вы видите?

Джошуа некоторое время щурился, а потом сдался.

— Я не знаю, что искать.

— Нечто, весьма примечательное благодаря своему отсутствию, — сказал Лобсанг. — Если бы ты стоял на том же самом месте на Базовой Земле, то сейчас видел бы на небе бледную Луну. Здесь нет Луны, достойной упоминания. Лишь несколько движущихся по орбите камней, не видимых невооруженным глазом.

Лобсанг объяснил, что предвидел такую вероятность. Катаклизм, в результате которого возникла Луна на Базовой Земле и в большинстве параллельных миров, тут, очевидно, так и не произошел. Земля без Луны была массивнее Базовой, поэтому путешественники испытывали более сильное притяжение. Наклон оси тоже был другим и менее стабильным, и планета вращалась быстрее, поэтому смена дня и ночи происходила иначе, и бесконечный ветер носился над скалистыми, безжизненными континентами. Это место не подходило для жизни; из-за отсутствия приливов и отливов воды океанов застаивались, и не было богатых межприливных зон, которые на Базовой Земле способствовали развитию сложных форм жизни.

— Таковы общие соображения, — сказал Лобсанг. — Более того, я предполагаю, что этот мир недополучил воды во время большого сезона дождей, который случился ближе к концу формирования Солнечной системы, ког-

да кометы сыпались градом. Возможно, влияние Луны — или ее отсутствие — также тому причиной. К сожалению, этой планете не повезло; наверное, даже у нашего Марса участь лучше.

Но кое-какая компенсация все-таки была. Когда Джошуа заслонил глаза от солнца, он увидел полосу света — ослепительно-яркую, протянувшуюся поперек неба. Эта Земля была окружена кольцом, как Сатурн. Наверное, из космоса она представляла внушительное зрелище.

Лобсанг продолжал:

— И прямо сейчас я жду тролля. В течение пятнадцати минут я получал ультразвуковой призыв о помощи на языке троллей, и я источаю тролли феромоны — их довольно легко воспроизвести.

— Тогда понятно, отчего у меня зубы болят, — сказала Салли. — И почему мне показалось, что сегодня кто-то забыл помыться. Мы обязаны тут торчать? Дышать тяжело и воняет.

Насчет вони она права, подумал Джошуа. Пахло как в старом доме, который стоит в грязном тупике и в который не разрешается заходить. В доме, который заперт и заколочен после смерти последнего владельца. Джошуа это раздражало сильнее, чем мир, населенный квазидинозаврами. Да, строители Прямоугольника умерли, но они, по крайней мере, жили — у них был шанс.

Джошуа подумал: а почему бы людям не оживить этот заброшенный мир? Ему нравилось исправлять неполадки; а здесь уж точно работы

хватало. И было бы о чем рассказать внукам. Облако Орта еще не истощилось, и небольшой космический корабль, если задать правильную траекторию, мог бы подтолкнуть ледышку-другую, чтобы на землю вылилось немного воды. Если есть вода, значит, есть жизнь... Мечты, мечты. Человечество отказалось от гораздо более амбициозных проектов, нежели компьютерные исследования космоса, еще до открытия Долгой Земли, с миллионами пригодных для жизни миров в пределах пешей доступности.

Его мысли прервал Лобсанг, который сказал:

— Тролли идут. Много времени не понадобится. Они, разумеется, переходят группами, так что ожидайте толпу. Предупреждаю, я намерен им спеть. Присоединяйтесь, если угодно.

Он театрально откашлялся.

Петь начал не просто передвижной модуль. Голос Лобсанга зазвучал из всех громкоговорителей корабля, изливаясь волной: «Мой друг, с дороги не сходи, мой друг, с дороги не сходи, пусть бед немало впереди, огонь горит в твоей груди, мой друг, с дороги не сходи...» По равнине раскатилось эхо; Джошуа подумал, что, возможно, впервые эта мертвая планета услышала звук человеческой речи.

«Хоть ты измучен и устал, но есть приветливый приют в конце нелегкого пути — там верят, помнят, любят, ждут...»

Салли в изумлении смотрела на Лобсанга.

— Джошуа, у него с концами слетела программа? Что, черт побери, он поет?

Джошуа быстро и тихо рассказал про рядового Перси Блэки и его «русских» приятелей в незнакомой Франции. Салли удивилась еще сильнее.

Но тут пришли тролли. К концу песни Лобсанг был окружен ими, и они мелодично гудели.

— Хороши, правда? Коллективная память, и даже более того. А теперь потерпите, я попытаюсь выяснить, что их беспокоит.

Тролли сгрудились вокруг Лобсанга, как большие косматые дети вокруг Санта-Клауса в магазине, а Джошуа и Салли отошли, что, в общем, было приятно. Тролли меньше всего жевали зла людям, но спустя некоторое время их мускусный запах, хоть и ненавязчивый, совершенно забивал носовые пазухи.

Но, с другой стороны, этот мир явно не подходил для того, чтобы прогуливаться в нем, ожидая Лобсанга. Он был просто... пустой. Джошуа опустился на колени и наугад приподнял клочок зеленого мха. Под ним оказались несколько маленьких букашек — совершенно неинтересных, коричневых, как земля. Он положил мох обратно.

Салли заметила:

— Знаешь, если б ты туда отлил, то, наверное, жучки бы тебя поблагодарили. Честное слово. Я отвернусь. На этом участке почвы появится масса питательных веществ. Извини, я сказала что-то обидное?

Джошуа рассеянно покачал головой.

— Нет, просто слегка неуместное.

Салли рассмеялась.

— Неуместное! Лобсанг распевает песню Гарри Лаудера на безжизненной планете и стоит, окруженный троллями. Это, по-твоему, уместно?! Кстати, у меня перестало ломить зубы. Тролли уходят.

Джошуа видел. Как будто незримая рука снимала шахматные фигурки с доски, сначала королев и пешек, потом ладьи и коней и, наконец, ферзей и королей.

Салли сказала:

— Матери уходят первыми, потому что они убьют любого, кто будет угрожать детенышам. Потом старики, и самцы — замыкающими. Эльфы, как ты знаешь, нападают сзади, поэтому нужно прикрыть спину.

И вдруг никого не осталось — лишь дышать стало легче.

Лобсанг зашагал к ним.

— Как он это делает? — поинтересовалась Салли. — У него походка как у Джона Траволты!

— Ты же слышала, какой шум в мастерской день и ночь. Он непрерывно работает над собой. Постоянно что-нибудь улучшает. Точно так же, как ты, наверное, ходишь в спортзал.

— Я никогда в жизни не ходила в спортзал. Когда живешь на Долгой Земле, ты либо в форме, либо труп... — Салли осклабилась. — Эх, мне бы такие ноги.

— Нормальные у тебя ноги, — и Джошуа тут же пожалел, что сказал это.

Она рассмеялась.

— Джошуа, с тобой не соскучишься. Ты приятный спутник, надежный и все такое, пусть

даже немного странный. Однажды мы, может быть, подружмся, — добавила Салли чуть мягче. — Но, пожалуйста, не говори ничего про мои ноги. Ты их почти не видел, потому что большую часть времени они скрыты первоклассным, непроницаемым для шипов защитным костюмом. И гадать не стоит. Договорились?

К огромному облегчению Джошуа, Лобсанг с улыбкой подошел к ним.

— Должен признать, я весьма доволен собой.

— То есть как обычно, — сказала Салли.

— Мы так и не поймали эльфа, — напомнил Джошуа.

— О, необходимость отпала. Я достиг своей цели. На Мягкой Посадке я постиг основы языка троллей. Но эта оседлая популяция мало что могла рассказать о причинах вынужденной миграции. И вот теперь дикие тролли рассказали мне гораздо больше. Ничего не говори, Салли. Я отвечу на все твои вопросы. Давайте взойдем на борт — впереди длинное путешествие. Может быть, до самого конца Долгой Земли. Разве не прекрасно?

ГЛАВА 44

В рубке царило молчание. Джошуа был один. Как только они вернулись на корабль, Лобсанг немедленно исчез за синей дверью, а Салли ушла в свою каюту.

Внезапно «Марк Твен» начал переходить с невероятной быстротой, словно отбивая чечет-

ку. Джошуа посмотрел в иллюминатор. Небеса снаружи так и мелькали, менялись ландшафты, реки извивались змеями, миры-джокеры вспыхивали, точно лампочки. На корабле потрескивало все, что могло, словно на старинном клипере, огибающем мыс Горн, и внутри у самого Джошуа что-то дрожало, как во время грозы. По его прикидкам, они каждую секунду миновали множество миров.

Салли появилась в рубке. В ярости.

— Какого черта он творит?!

Джошуа не ответил. Он вновь заволновался из-за необычной импульсивности Лобсанга.

Передвижной модуль вышел из-за синей двери.

— Друзья мои, сожалею, если беспокоил вас. Но я намерен поскорее завершить нашу миссию. Я уже говорил, что многое узнал от троллей...

— Ты знаешь, что их испугнуло, — сказала Салли.

— И даже больше. Если коротко, тролли, а также, возможно, эльфы и прочие гуманоиды действительно спасаются бегством, но не от какой-то физической угрозы — проблема, так сказать, у них в голове. И это подтверждается тем, что мы узнали от троллей на Мягкой Посадке. Они испытывают ощущение сродни приступу мигрени, которое охватывает миры с запада на восток. Уже имели место самоубийства. Гуманоиды бросались со скал, не в силах терпеть боль.

Джошуа и Салли переглянулись.

Салли сказала:

— Чудовищная мигрень? Это что, «Звездный путь»?

Лобсанг, казалось, смешался.

— Ты имеешь в виду оригинальные серии или...

— Что за бред. Джошуа, на корабле есть какая-нибудь инструкция по управлению?

— Не знаю. Зато знаю, что у Лобсанга отличный слух.

— Джошуа прав, Салли.

— Тролли понимают, что происходит? Хотя один из них что-нибудь видел?

— Нет, насколько я могу судить. Но они полагают, что приближается нечто огромное, в физическом смысле. Для троллей это смесь материального и абстрактного. Как надвигающийся лесной пожар. Стена боли.

Скрип «Марка Твена» наконец начал досажать Джошуа. Он понятия не имел, какую максимальную безопасную скорость способен развить корабль. Нестись в таком темпе по неведомым мирам, навстречу неведомой опасности, казалось ему, мягко выражаясь, неразумным. Счетчик на землеметре, как он заметил, с жужжанием приближался к отметке в два миллиона.

Но Лобсанг продолжал говорить, как будто не обращая внимания на тревогу пассажиров:

— Сейчас не время делиться с вами всеми моими соображениями. Достаточно сказать, что мы, несомненно, имеем дело с каким-то подлинным физическим феноменом. Моя гипотеза такова: люди, некоторым образом, дают знать о своем присутствии. Они чувствуют друг друга. Но мы давным-давно живем на планете, бук-

вально пропитанной человеческими мыслями. Мы даже этого не замечаем.

— Пока не окажемся в полной изоляции, — вставил Джошуа.

Салли с любопытством взглянула на него.

— Я думаю, что когда-то эльфы, тролли и, возможно, другие разновидности гуманоидов действительно случайно перешли на Базовую Землю и, возможно, некоторое время там пробыли. В связи с чем появилось множество мифов. Но в те времена человеческая популяция была относительно невелика. А теперь Земля покрыта людьми в три слоя, и для созданий, которые проводят большую часть жизни в безмятежном спокойствии лесов и прерий, это все равно что оказаться на огромном детском празднике. Поэтому в наши дни они избегают Базовой Земли. Сейчас существа, уходящие с запада, бегут от чего-то, что безоговорочно толкает их обратно к Базовой. Они оказались между молотом и наковальней. Иногда они поддаются панике. Мы с Джошуа видели, что бывает, когда гуманоиды паникуют? — даже тролли способны нанести серьезный ущерб, будучи испуганы. Помнишь Церковь Обманутого Доверия, Джошуа?

Тот взглянул на Салли, ожидая очередной скептической реплики. Но, как ни странно, она внимательно слушала. Джошуа спросил:

— Что скажешь, Салли?

— Что это как-то натянуто... Но все же... я ведь похожа на тебя. Если мне что-то надо, я возвращаюсь к людям, но, оказавшись в городе, нервничаю, как длиннохвостая кошка в

комнате с девятью креслами-качалками. Я жду не дождусь, когда наконец уйду оттуда. Город меня буквально выталкивает в пустые миры, где я чувствую себя спокойней.

— Но ты не бежишь, правда? И в другое время не чувствуешь никакого давления. Точно так же, как рыба не чувствует воды.

Салли внезапно улыбнулась.

— Сплошной дзен. В духе Лобсанга. — Она внимательно взглянула на Джошуа. — А что скажешь ты сам?

«Она знает, — подумал Джошуа. — Она все про меня знает».

И все-таки он помедлил, прежде чем ответить.

А потом обратился к ним обоим. Стоя на бешено несущемся корабле, Джошуа говорил свободней, чем когда-либо, чем даже когда беседовал с сестрой Агнес или офицером Янсон. Он рассказал про свои собственные ощущения. Про странное давление в голове, которое испытывал всякий раз, когда возвращался на Базовую Землю. Про нежелание, которое постепенно переросло в физическое отвращение.

— Это что-то внутри... знаете, в детстве так чувствуешь себя, если приходится идти на вечеринку, куда идут все остальные. Просто чтобы не выделяться. Как будто ты физически не можешь сделать следующий шаг, как будто тебя отталкивает магнитное поле.

Салли пожала плечами.

— Я редко ходила на вечеринки.

— Мы знаем, что ты не любишь людей, Джошуа, — сказал Лобсанг. — К чему ты клонишь?

— Сейчас объясню. Откуда бы ни взялось это ощущение, я чувствую его и здесь. На корабле. Давление, которое затрудняет дальнейший путь... — Джошуа закрыл глаза. — Чем дальше мы движемся на запад, тем хуже. Мне и сейчас нехорошо. Какое-то внутреннее отвращение. Я терплю, пока корабль стоит, но с трудом выдерживаю, когда мы движемся. И легче не становится.

Лобсанг спросил:

— Тебя отталкивает что-то находящееся на западе?

— Да.

Салли сердито спросила:

— Почему ты раньше не сказал? А я-то разболталась про мягкие места, про тайны моей семьи. Я доверилась тебе, — произнесла она почти с ненавистью. — А сам ты скрыл *такое*?

Джошуа молча смотрел на женщину. Он ничего не сказал Салли, потому что предпочитал таить слабость про себя. В Приюте и в большинстве мест, где ему с тех пор доводилось жить.

— Вот, сейчас я говорю.

Салли с усилием успокоилась.

— Ладно. Верю. Значит, это правда. Тогда я официально признаю, что напугана.

Лобсанг возбужденно воскликнул:

— Теперь понимаете, почему я так стремлюсь вперед? Мы раскрываем великую тайну! Тайну конца Долгой Земли!

Джошуа, не обращая на него внимания, ответил Салли:

— Мы оба напуганы. Но придется посмотреть неведомому в лицо. Бежать нельзя. Бегут животные. И тролли. А мы летим дальше, надеясь понять, что нас пугает, и как-то решить проблему. Именно так ведут себя люди.

— Да. Пока эта штука нас не убьет.

— Точка, — Джошуа встал. — Принести кофе?

Потом он понял, что зря утратил бдительность в последние несколько минут, когда спокойная зелень в сотне-другой миров сменилась кратерами, похожими на огромные отпечатки ног. Джошуа не имел права расслабляться, несмотря на усиливавшееся давление в черепе. Нужно было поднять тревогу. Остановить «Марка Твена».

Задолго до того, как корабль свалился в Дыру.

ГЛАВА 45

Джошуа начал падать. Он поднялся в воздух, оторвавшись от пола. Рубка осталась прежней — дверь, большие окна, стены, — но блестящие приборные панели выключались одна за другой. В иллюминаторы он видел корпус корабля, поврежденную оболочку: клочья серебристой ткани срывались с похожего на скелет каркаса.

И больше ничего — только солнце, ослепительно-яркое на черном фоне. Солнце висело

там же, где и всегда, но остальной мир куда-то подевался, будто синее небо и зеленая земля были просто декорациями, которые содрали, обнажив темноту за сценой. Солнце медленно клонилось вправо. Видимо, гондола вращалась.

Лобсанг молчал — передвижной модуль неподвижно стоял в рубке, но, видимо, не функционировал. Кошка парила в воздухе, перебирая лапами, с выражением явного страха на синтетической мордочке. Кто-то положил руку на плечо Джошуа. Салли висела над полом, и ее растрепанные волосы плавали вокруг головы, как у космонавта в невесомости.

Палуба трещала. Джошуа показалось, что он слышит шипение уходящего воздуха. Голова не работала. Грудь болела, когда он пытался вздохнуть.

Потом притяжение вернулось, и появилось синее небо.

Они разом грохнулись на пол, который оказался стеной. По палубе прокатился чайник с водой, испугав Шими, которая вскочила на ноги и удрала. Вокруг, внизу и вверх, слышалась какофония различных приборов, которые навеки прощались сами с собой.

Джошуа сказал:

— Мы, кажется, нашли всем джокерам джокер.

И тут в животе у него все скрутилось, и Джошуа вырвало. Он выпрямился, весьма смущенный.

— Меня раньше никогда не тошнило после перехода!

— Сомневаюсь, что это был переход, — Салли тоже терла живот. — Мы оказались в неве-

сомости. А потом сила тяжести вернулась. Мы как будто провалились...

— Да уж. И нам ведь не померещилось?

— Не думаю, — ответила Салли. — Мы на-
шли дыру. Дыру в Долгой Земле.

Гондола медленно выпрямилась, но свет на палубе погас — светило только солнце. Джошуа слышал шум металлических предметов, которые постепенно переставали вращаться. Это тревожило.

Лобсанг внезапно ожил — лицо и голова, — но тело оставалось неподвижным.

— Chak pa!

Салли взглянула на Джошуа.

— Что он сказал?

— Наверное, выругался по-тибетски. Или по-клингонски.

Голос Лобсанга зазвучал необычайно бодро.

— Стыд и срам! Что ж, ошибаться — это весьма по-человечески. Никто не пострадал?

Салли поинтересовалась:

— Во что ты нас втянул, Лобсанг?

— Ни во что, Салли. Буквально. Мы влетели в чистейшее *ничто*. Вакуум. Я поспешно вернулся на шаг назад, но, кажется, «Марк Твен» пострадал. Некоторые системы бездействуют. К счастью, емкости с газом не повреждены, но кое-какие из моих личных компонентов под угрозой. Я сейчас все проверяю, но есть проблемы.

Салли была в ярости.

— Как ты вообще умудрился повстречать вакуум на Земле?

Лобсанг вздохнул.

— Салли, мы перешли в мир, где нет Земли. Абсолютный вакуум, межпланетное пространство. Когда-то, наверное, там тоже была Земля, но, видимо, ее уничтожила какая-то катастрофа. Возможно, столкновение с астероидом. С очень большим, по сравнению с которым убийца динозавров — что горошинка, отскочившая от туши слона. Рядом с этой катастрофой мог показаться пустяком даже Большой Бум — я имею в виду формирование Луны.

— Ты хочешь сказать, что предвидел мир без Земли?

— Как теоретическую вероятность — да.

— И продолжал нестись вперед? Ты с ума сошел?

Лобсанг кашлянул. Джошуа рассеянно заметил, что с опытом у него получается все лучше.

— Да, я это предвидел. Я изучил различные варианты, основываясь на катаклизмах в истории Земли, и принял необходимые меры предосторожности. В том числе создал автоматический модуль, который сработал почти безупречно и вернул нас на шаг назад. Но, к сожалению, не в идеальном состоянии.

— Мы застряли?

— Застряли, но в условиях относительной безопасности, Салли. Ты дышишь прекрасным воздухом. Этот мир, хоть он и находится по соседству с дырой, кажется, совершенно безвреден для здоровья. Впрочем, мой передвижной модуль по большей части не подлежит починке; я не могу получить доступ к функции автовосстановления. Но заверяю тебя, не все потеряно.

На Ближних Землях корпорация продолжает строить воздушные корабли. Уже почти наверняка завершен «Марк Трин»; чтобы полным ходом добраться до нас, ему потребуется всего несколько дней.

Постепенно зажигался свет. Джошуа начал прибираться. Не считая мебели и кое-какой посуды, вроде бы ничего не пострадало, но он беспокоился, какой ущерб понесло то, что находилось за синей дверью. Он сказал:

— Но ведь капитан «Трина» — даже если предположить, что новый корабль взлетит, — не знает, что мы попали в затруднительное положение. Так ведь, Лобсанг?

Салли довольно-таки спокойно произнесла:

— То есть мы все-таки застряли.

Лобсанг вкрадчиво спросил:

— Ты боишься, Салли? А как же пресловутые мягкие места? А ты что думаешь, Джошуа?

Тот помедлил.

— Мне кажется, картина в целом не изменилась. Мы должны разобраться с чудовищной мигренью. Ты говоришь, что газовые баллоны не пострадали? То есть переходить мы можем?

— Да. Но рулить не получится, я имею в виду в географическом смысле, и запас энергии весьма ограничен. Солнечные батареи, кажется, не повреждены, но большая часть инфраструктуры... Проблема, не считая порванных баллонов и трубок, заключается в том, что закипела и испарилась смазка...

Джошуа кивнул.

— Прекрасно. Значит, шагай вперед. Продолжим путешествие.

— Через Дыру? — уточнила Салли.

— Почему бы и нет? Мы знаем, что тролли и эльфы миновали ее. По крайней мере, некоторые выжили. Наверное, они каким-то образом перепрыгивали Дыру — за два шага. Переход вообще не занимает времени. — Он ухмыльнулся. — Мы вернемся в атмосферу задолго до того, как наши глаза взорвутся и стекнут по щекам.

— У тебя очень живое воображение.

Лобсанг улыбнулся неживой улыбкой.

— Я рад, что ты внимательно смотрел «2001», Джошуа.

— Мы уже так далеко зашли, — продолжал Джошуа. — Я голосую за то, чтобы продолжать, даже если в конце концов придется идти пешком.

Он взял Салли за руку.

— Готова?

— Ты шутишь? Прямо сейчас?

— Прежде чем мы успеем передумать. Два шага вперед, Лобсанг, пожалуйста.

Джошуа так и не понял, что же было дальше. Он действительно ощутил ледяной холод космоса и услышал вой ветра забвения между галактиками? Все казалось нереальным. Пока он не понял, что смотрит в затянутое облаками небо и слышит стук дождя по иллюминаторам.

Целый день они отдыхали и по мере сил латали корабль.

Затем «Марк Твен» направился дальше на запад, но теперь уже осторожно, по одному миру каждые несколько секунд, то есть примерно вполовину прежней крейсерской скорости и только днем.

Примерно двадцать или тридцать миров спустя они перестали видеть кратеры, которые украшали Земли в окрестностях Дыры — возможно, следы недолетов того космического тела, которое сделало Дыру в соседней реальности. Цифры уже перевалили за два миллиона. Миры тут были скучными и однообразными. В этих дальних версиях Америки по-прежнему плескался Тихий океан, и путешественники в основном держались побережья, избегая опасностей густого леса, да и открытого моря. Здешним унылым мирам не доставало ярких цветов, насекомых, птиц; из растительности преобладали огромные древовидные папоротники. Но у кромки воды путешественники иногда видели внушительных созданий, охотящихся за рыбой, проворных двуногих бегунов с большими серповидными когтями на передних лапах, которыми они вылавливали крупную рыбу одну за другой, швыряя ее далеко на пляж.

Шли дни. Характер миров продолжал меняться. Лес отступил от моря, оставив обширную прибрежную полосу, поросшую кустарником и редкими деревьями. Море тоже изменилось и стало зеленее, как показалось Джошуа. И спо-

койней, словно сама вода сделалась клейкой и густой.

Они почти не разговаривали. Кофеварки не работали, несмотря на свою экспериментальную изощренность, и настроение у Салли быстро портилось.

А Джошуа все с бóльшим трудом переносил переходы.

Салли похлопала его по руке.

— Ближе и ближе к детскому празднику, да, Джошуа?

Ему всегда было неприятно, когда он слишком явно выказывал слабость.

— Что-то вроде того. А ты ничего не чувствуешь?

— Нет. К сожалению. Я завидую, Джошуа. У тебя настоящий талант.

Вечером, когда они по мере сил расслабились, а корабль продолжал осторожно переходить, Лобсанг напугал Джошуа, заговорив о выходе в открытый космос.

— Я тут подумал, сколько возможностей открывает Дыра!

Поскольку кухня, по большей части, вышла из строя, Джошуа мастерил гриль из какого-то сломанного оборудования.

— Каких возможностей?

— Для космических путешествий! Достаточно лишь надеть скафандр и перейти в открытый космос. Никаких проблем с преодолением силы тяжести на ракете. Скорее всего, окажешься в солнечной орбите, как наша Земля. Если завести некоторую инфраструктуру в самой Дыре,

можно будет с легкостью отчаливать. И с гораздо меньшим расходом энергии добираться, скажем, до Марса... Знаешь, я всегда был большим фанатом космоса. Даже на Тибете. Я лично пожертвовал некоторую сумму Космическому музею Кеннеди, хотя теперь они там даже за экспонатами не следят. Наша жалкая горстка микрогравитационных орбитальных комплексов создает иллюзию, что мы продолжаем исследовать открытый космос, но мечта давно развеялась, еще до открытия Долгой Земли. Насколько нам известно, нигде во Вселенной человеческое существо не способно жить без защиты. И теперь, когда людям доступны миллионы Земель, кто захочет в холодную, испепеляющую пустоту, в скафандре, в котором слегка пахнет мочой? Почему мы не подаем заявку на вступление в галактическую федерацию, вместо того чтобы прорубать и прожигать дорогу в бесконечных версиях одной и той же старой планеты?

Салли сказала:

— Ты сам возглавляешь прорубание дороги, Лобсанг.

— Не понимаю, почему бы не заняться и тем и другим. Как вы не понимаете — если мы сумеем освоить Дыру, то, возможно, найдем способ овладеть космосом. С помощью Дыры Солнечная система станет для нас устрицей. Не забудь этот разговор, Джошуа. Когда вернешься на Базовую Землю, застолби заявку на Земли по обе стороны Дыры, прежде чем начнется наплыв и человечество обнаружит, что отправиться в космос ничего не стоит. Только подумай, что

там может быть! Не просто другие миры нашей Солнечной системы — хотя, разумеется, Вселенная, которая создала Долгую Землю, наверняка создала и Долгий Марс. Ты только подумай.

Джошуа попытался. И у него закружилась голова. Он сосредоточился на сборке гриля. Плиты на кухне не работали, но он намеревался изжарить на гриле тушу животного, которое на Базовой Земле получило бы название оленя (Салли по-быстрому сходила на охоту).

Корабль внезапно остановился.

И Джошуа услышал.

Это не был голос. Что-то возникло у Джошуа в мозгу — отчетливое и ясное ощущение, которое не содержало ничего, кроме факта своего существования.

И оно звало.

Он озадаченно спросил:

— Лобсанг, ты что-нибудь слышишь? На радиочастотах, я имею в виду.

— Разумеется. Как ты думаешь, почему я остановил корабль? Нам послали запрос. Вполне внятный сигнал на разных частотах. По-моему, кто-то пытается говорить на языке троллей. С вашего позволения, я займусь расшифровкой.

Салли перевела взгляд с одного на другого.

— Что происходит? Я тут единственная, кто ничего не слышит? Этот сигнал посылает штука, которая под нами?

— Какая штука? — Джошуа выглянул из кухонного окна и посмотрел на океан.

— Вон та.

— Лобсанг! — позвал Джошуа. — У тебя бортовая камера работает?

ГЛАВА 46

Джошуа и Салли спустились по веревке — это был единственный путь на землю, поскольку все лебедки заклинило.

Оказавшись внизу, Джошуа вскарабкался на вершину утеса, чтобы оглядеться. Под затянутым облаками тусклым небом лениво плескался густой зеленый океан, набегая на глинистый пляж. Бесплодный ландшафт тянулся до далеких холмов на горизонте. Но на юге виднелась огромная воронка, похожая на кратер Бэринджера в Аризоне. Внезапно оттуда вынырнуло огромное крылатое существо, напоминавшее птерозавра, и в абсолютной тишине пролетело над головой Джошуа, направляясь в сторону здешнего Тихого океана. На фоне вечернего неба тварь смахивала на бомбардировщик, летящий на Москву.

Что-то двигалось в этой далекой версии Тихого океана. Что-то огромное, словно плавающий остров. У Джошуа прошла головная боль. Полностью. Но никогда еще ощущение, которое он называл Тишиной, не было таким всеобъемлющим.

Голос Лобсанга решительно зазвучал из маленького динамика в рюкзаке:

— Мы вновь на побережье штата Вашингтон. Мои воздушные зонды вышли из строя, и обзор ограничен. Объект, насколько я могу судить, имеет двадцать три мили в длину и примерно пять в ширину. Это живое существо, Джошуа. Оно не имеет прямых аналогов на Базовой Зем-

ле. Я вижу несколько придатков по бокам, которые меняют размер и форму. Похоже на технопарк. Вижу нечто напоминающее антенны или телескопы, но они превращаются друг в друга и, что весьма примечательно, перемещаются по корпусу. Угрозу я не в состоянии оценить. Вряд ли существо таких размеров способно сделать внезапный рывок, но, судя по тому, что я сейчас наблюдаю, оно вполне может отрастить крылья и полететь...

Поверхность существа постоянно рябила. Рябь была белесая, почти прозрачная. От нее у Джосуа возникало странное ощущение, которое непонятно каким образом достигало сознания.

— Салли, ты когда-нибудь что-то подобное видела?

Она фыркнула.

— А ты как думаешь?

— Я только что поздоровался с ним за руку, — сказал Лобсанг.

— Что ты, черт возьми, несешь? — резко спросила Салли.

— Протокол коммуникации. Мы вступили в контакт... Оно, несомненно, обладает высоким уровнем интеллекта, судя по необычайной информационной сложности средств общения. Пока что я узнал, как его зовут...

— Его еще и *зовут*?

— Да. Первое Лицо Единственное Число. И, прежде чем ты на меня рывкнешь, Салли, я скажу, что мне сообщили это на двадцати шести различных языках Земли. В том числе, добавлю с

гордостью, на тибетском. Я посылаю ему информацию, и оно быстро учится; оно уже поглотило большую часть данных, хранящихся на корабле. Полагаю, бояться нечего.

— Что? — взвизгнула Салли. — Тварь размером с водохранилище по определению не может быть безопасной! Для чего она вообще нужна? А главное, чем питается?

Джошуа снял рюкзаки и положил на песок. Вокруг царило спокойствие. Ни криков животных, ни даже далеких возгласов птерозавров. Только мягкий маслянистый плеск волн на берегу. Ничего, кроме Тишины, которую он всю жизнь слышал в промежутках между общением с людьми. Мысли огромного объема, похожие на эхо гигантского медного гонга. И теперь Тишина находилась прямо перед ним.

В двух с лишним миллионах миров от Земли Джошуа внезапно почувствовал себя как дома.

Он зашагал к океану.

Салли позвала:

— Джошуа. Спокойней. Ты не знаешь, с чем имеешь дело...

Он сбросил ботинки, стянул носки и босиком зашел в воду по щиколотки. Джошуа чувствовал запах соли и сладковатую вонь гниющих водорослей. Вода была теплая, густая, плотная, похожая на сироп. Она кишела жизнью — крошечными существами, белыми, синими, зелеными, очень шустрыми. Они походили на крошечных медуз, с пульсирующими туловищами и извивающимися щупальцами. Но были тут и животные

вроде рыб, с огромными странными глазами. И крабы с хваткими клешнями.

А совсем рядом — живой остров. Джошуа побрел к его огромной оконечности. В ухе звенел голос Лобсанга, но Джошуа не слушал. Бока Первого Лица Единственного Числа были прозрачными, как стекло, и Джошуа, прищурившись, посмотрел, что внутри. Он увидел... все. Животных. Рыб. И даже тролля. Заключенного в клейкую жидкость, обернутого чем-то вроде огромного листа или водоросли, с закрытыми глазами. Троль скорее казался спящим, чем мертвым. Безмятежно спящим...

Подойдя вплотную к дымчатой туше, Джошуа коснулся ее кончиком пальца. В ответ он получил легкое, совершенно не болезненное ощущение.

Голос в голове произнес:

— Здравствуй, Джошуа.

И информация нахлынула на него, как внезапное озарение.

ГЛАВА 47

Когда-то, давным-давно, в мире, близком как тень...

В совершенно иной версии Северной Америки плескалось огромное, соленое внутреннее море. Оно кишело микроскопической жизнью, которая представляла собой один-единственный гигантский организм.

И в этом мире, под туманным небом, мутное море наполнилось одной-единственной мыслью.

«Я».

За ней последовала вторая мысль.

«Зачем?»

ГЛАВА 48

— Исторический момент! — не умолкая, твердил Лобсанг. — Первый контакт! Сбылась многовековая мечта! Я знаю, что такое мы нашли. Шалмирана... Вы читали «Город и звезды»? Это нечто вроде колонии организмов.

Салли насмешливо сказала:

— Берегись пришельцев! Ну и что теперь? Ты собираешься задавать ей математические задачи, как Карл Саган¹ и люди из «Поиска внеземных цивилизаций»?

Джошуа не обращал внимания на них обоих. Он обратился к Первому Лицу Единственному Числу:

— Я не говорил, как меня зовут.

— И не нужно. Ты Джошуа. Я — Первое Лицо Единственное Число.

Голос в голове у Джошуа звучал как его собственный.

А под прозрачной кожей были разные существа. Он разглядел птиц, рыб, а через некоторое время совершенно недвусмысленного слона, который медленно двигался во внутренней среде,

¹ Карл Саган (1934–1996) — американский астроном и астрофизик.

наполовину шел, наполовину плыл с закрытыми глазами. Тролли, эльфы и прочие гуманоиды...

Прилив прибывал. Очень осторожно, чтобы не обидеть и напугать, Джошуа отступил на несколько шагов.

— А для чего нужно... Первое Лицо Единственное Число?

— Первое Лицо Единственное Число наблюдает за мирами.

— Ты хорошо говоришь по-английски.

Это было глупо, но что еще можно сказать слизняку размером в несколько миль? Уж сестра Агнес бы придумала что.

Ответ пришел немедленно.

— Первое Лицо Единственное Число не знает, что такое «сестра Агнес». Я еще учусь. Объясни мне, что такое «монахиня».

Джошуа, застыв на безжизненном берегу, разинул рот от изумления.

Первое Лицо Единственное Число сказал:

— Посредством перекрестных ссылок — да — монахиня — двуногое существо женского пола, которое воздерживается от деторождения, чтобы служить нуждам других представителей своего вида. Сравнимо с общественными насекомыми, муравьями и пчелами. И более того. Также ездит на огромных транспортных средствах, движимых остатками первобытных деревьев. Далее. Посвящает время раздумьям о мистическом. Примем это как предварительное описание в ожидании поступления дальнейших релевантных подробностей. Меня саму, по некоторым параметрам, можно назвать монахиней.

Я постигаю мир миров в его полноте. Кажется, я понимаю, что значит «захватило дух от восхищения». А тебе лучше выйти на берег.

Подступающая вода поднялась уже до колен. Джошуа выбрался на песок.

Салли изумленно наблюдала за ним.

— Он разговаривает?

— Она. Я слышу свой собственный голос, который задает мне вопросы. Она как будто знает, о чем я думаю? — точнее, знает, что я знаю. Понятия не имею, кто она такая, но, кажется, она жаждет учиться.

Он вздохнул.

— У меня уже голова трещит от чудес, Салли.

Из рюкзака донесся голос Лобсанга:

— Возвращайся на корабль. Думаю, надо поговорить.

Пока они шагали к «Марку Твену», над головой пролетели несколько птерозавров — их сухопарые силуэты отчетливо виднелись на фоне неба.

Без лифта подъем по веревке на гондолу был довольно изнурителен, зато на палубе уже горел свет, работал нагреватель воды и, по крайней мере, появился растворимый кофе.

Салли, разумеется, немедленно захотела обсудить увиденное, но Джошуа и Лобсанг одержали верх и отложили разговор на «после кофе».

Потом Джошуа изложил то, что узнал от Первого Лица Единственного Числа.

- Она была одна в своем мире.
- Она убила всех? — уточнила Салли.
- Нет. Не так. Она возникла в одиночестве.

И так развивалась. Она всегда была одна...

Лобсанг засыпал его вопросами, и в конце концов они сложили из фрагментов если не правду, то хотя бы сюжет.

На Земле, где обитала Первое Лицо Единственное Число, по мнению Лобсанга, как и на многих других Землях, ранние эпохи представляли собой долгие периоды борьбы за существование между полуоформившимися существами, которые еще не научились использовать ДНК для хранения генетической информации. Белки, из которых состоит все живое, они контролировали довольно-таки слабо. Миллиарды и миллиарды кишаших в воде клеток наполняли неглубокие океаны, но они были недостаточно развиты, чтобы позволить себе состязаться друг с другом. Поэтому они сотрудничали. Любая полезная информация передавалась от клетки к клетке.словно все формы жизни в Мировом океане действовали как единый организм.

— Со временем, — продолжал Лобсанг, — в большинстве миров, в том числе на Базовой Земле, сложность и организация достигли той стадии, когда отдельные клетки могли выживать и без посторонней помощи. И тогда в большинстве миров началась конкуренция. Выделились огромные животные царства, в воздухе появился кислород, как побочный продукт жизнедеятельности организмов, которые научились использовать энергию солнечного света. Пошел долгий

медленный подъем к развитию многоклеточных существ. Эра глобальной кооперации минула, не оставив никаких следов, кроме загадочных памяток в наборе генов.

Салли сказала:

— В большинстве миров, но только не в мире Первого Лица Единственного Числа.

— Да. Полагаю, тот мир был изрядным джокером. Нарастающая сложность породила там сходное эволюционное развитие — но огромный мировой организм так и не утратил единство. Мы повстречались с очень отдаленной ветвью дерева вероятностей. Оно...

— Она, Лобсанг, — поправил Джошуа.

— Да, она, женский род весьма уместен — она как будто беременна вполне здоровыми формами жизни. Она больше похожа на зреющую биосферу, чем на существо вроде человека. По мере того как возрастала сложность, видимо, возникали и узлы контроля. Чтобы расти дальше, нужно было создать информационную структуру, содержащую копию самой себя. Чтобы целое обрело саморефлексию. То есть сознание.

Салли нахмурилась, пытаясь понять.

— И чего же она хочет?

— Могу объяснить, — сказал Джошуа. — Ей нужно общество. Она одинока. Хотя и не сознавала этого, пока не встретилась с троллями.

— А.

Джошуа подумал: они никогда не узнают, каким образом тролли оказались в этом отдаленном мире. Должно быть, они прошли через

Дыру, и в процессе некоторые пострадали от соприкосновения с вакуумом.

— Но она страшно обрадовалась, — продолжал он, прикрыв глаза, сосредоточившись и пытаясь вспомнить, — тому простому факту, что их было больше одного. Ей нравилось, как они друг на друга смотрели, как действовали сообща, как каждый узнавал другого. Они, в отличие от нее, были не одиноки. И она захотела того же самого — одной-единственной вещи на свете, которой Первому Лицу недоставало. Однажды тролль подошел к воде...

Джошуа, как во сне, увидел и тролля, присевшего на корточки и невинно собиравшего крабов на мелководье, и волну, которая поднялась и заключила его в объятия...

— Она убила тролля, — сказала Салли, когда Джошуа описал свое видение.

— Да. Не нарочно, но так получилось. И тролли убежали. Может быть, еще одного она поймала — например, детеныша — и изучила...

— И научилась переходить, — догадался Лобсанг.

— Да. Ей понадобилось много времени. То, с чем мы столкнулись, не вся она; некогда она заполняла целый океан. Это существо здесь, в океане... как бы ее выражение. Суть. Компактная форма, которая позволяет переходить.

— Значит, она двинулась следом за троллями, — сказала Салли, — направляясь на запад по цепочке миров.

— Да, — подтвердил Лобсанг. — Медленно, но верно приближаясь к Базовой Земле. Ра-

зумеется, она и есть причина бегства троллей и, возможно, других форм жизни. Я готов предположить, что она оказывает на троллей тот же самый эффект, что и огромные скопления людей. Только вообразите, с каким грохотом она думает.

— Вот вам ваша чудовищная мигрень, — сказала Салли. — Неудивительно, что тролли бегут.

— Она не желает зла, — возразил Джошуа. — Она только хочет узнать их поближе. Познакомиться.

— Знаешь, Джошуа, в твоём изложении она почти человек.

— Но у меня правда такое ощущение.

— Это лишь частичное восприятие, — сказал Лобсанг. — Здесь кроется нечто большее. Существо, с которым ты столкнулся, — не более чем... семя. Посланник интегрированной биосферы, откуда она берет свое начало. Поглощение ею местных форм жизни, даже высших млекопитающих наподобие троллей, — только промежуточный шаг. Ее конечная задача — преобразование биосферы каждого мира по образцу собственного. Полностью поработить. Направить все ресурсы к единой цели, которой является, кстати говоря, ее сознание. Но это не злонамеренный феномен, в нем нет ничего дурного, никакого злого умысла. Первое Лицо Единственное Число — просто выражение иного типа чувственности. Другая модель, если угодно. Но...

Лицо Салли сделалось пепельно-бледным.

— Но таким, как мы, она несет гибель. По сути, конец индивидуальности в любом мире, где она оказывается.

— И конец эволюции, — мрачно подтвердил Лобсанг. — Конец мира, в некотором смысле. Конец одного мира за другим, по мере того как она перемещается по Долгой Земле.

Салли сказала:

— Она уничтожает миры. Пожирает души. Если тролли это почувствовали, неудивительно, что они перепугались.

Лобсанг произнес:

— Разумеется, вопрос в том, отчего она до сих пор не достигла населенных миров. Почему еще не поглотила Землю. Не разрушила ее своим любопытством и любовью.

Джошуа нахмурился.

— Дыра. Мы не случайно наткнулись на нее рядом с Дырой.

— Да, — сказал Лобсанг. — Она не может перебраться через Дыру. Пока, во всяком случае. Иначе, полагаю, она уже дошла бы до населенных мест.

— Мы перешли через Дыру, — сказала Салли. — И тролли. Разумеется, она тоже научится. И потом, есть мягкие места. Если она сумеет ими воспользоваться... о господи. Это же чума, которая пожирает Долгую Землю мир за миром.

— Нет, — твердо ответил Лобсанг. — Это не чума, не злокачественный вирус, не бактерия. Она — мыслящее существо. И тут-то, по моему твердому убеждению, и кроется надежда. Джошуа, как она с тобой заговорила? Ты слы-

шал в голове собственный голос, так? Это даже не телепатия, а тип коммуникации, для подтверждения которого я еще не нашел ни одного доказательства, достойного доверия. Перед нами, похоже, нечто совершенно новое. Она даже спросила, что такое монахиня! Да будет мне позволено предположить — она собирает информацию, которая во время разговора появляется у тебя в голове. Ты ведь подумал о сестре Агнес? Как инженер, я с трудом в это верю. Но как буддист, я допускаю, что способов постижения Вселенной больше, чем можно предположить.

— Я искренне надеюсь, что мы сейчас не начнем говорить о религии, — резко сказала Салли.

— Не будь такой ограниченной, Салли. Религия — всего-навсего еще один способ познать мир. Дополнительный инструмент.

— И кто теперь Джошуа? — огрызнулась она в ответ. — Избранный?

Оба взглянули на него.

— Вроде того, — неохотно отозвался Джошуа. — По крайней мере, она меня как будто узнала. Если не поджидала.

Салли нахмурилась. Она явно завидовала.

— Почему именно ты?

Лобсанг мягко ответил:

— Возможно, благодаря обстоятельствам чудесного рождения нашего героя, Салли. Первые мгновения жизни ты, Джошуа, провел в полном одиночестве в ином мире. Твой плач эхом разнесся по Долгой Земле. Или отзвук твоего одиночества. Ты и Первое Лицо Единственное

Число, в равной мере одинокие, стали чем-то вроде диполя.

Джошуа был озадачен. Он не впервые пожалел, что сестры Агнес тут нет и он не может с ней поговорить.

— Ты меня именно за этим сюда и привел, Лобсанг? Ты постоянно предугадываешь то, что с нами случается. Ты знал, что так и будет, да?

— Я знал, что ты особенный, Джошуа. Уникальный. Да, я подумал, что ты будешь... полезен. Но, признаю, я понятия не имел, каким образом.

Салли, с каменным лицом, уставилась на Джошуа.

— Что, приятно, когда тобой манипулируют?

Джошуа, красный от гнева, отвел глаза. Он злился на Лобсанга, на Вселенную, которая наделила его особым даром.

Лобсанг сказал:

— Предлагаю узнать больше про Первое Лицо Единственное Число.

— О да, — подтвердила Салли. — Нужно сделать так, чтобы она перестала пугать троллей. А главное, чтобы не сожрала Базовую Землю.

— Завтра мы снова с ней пообщаемся. Предлагаю как следует отдохнуть сегодня и подготовиться к утреннему разговору с невероятным. На сей раз, хотя установление контакта лежит на Джошуа, экспедицию возглавляю я.

— Ага. Невероятное встретится с нестерпимым. Лично я иду спать, — и Салли поспешно удалилась.

— Она вспыльчива, — заметил Джошуа.

— Но ты же понимаешь, отчего она сердится, — спокойно ответил Лобсанг. — Ты избранный, а она нет. Боюсь, она никогда тебя не простит.

У Джошуа выдалась странная ночь. Он то и дело просыпался в полной уверенности, что кто-то его зовет. Кто-то бесконечно одинокий, хотя Джошуа понятия не имел, откуда он это знает. Затем он ненадолго засыпал, и все начиналось сначала. Так продолжалось кругами до самого утра.

В молчании они вновь собрались в рубке. Салли явно не выпалась, а Лобсанг, в наспех починенном и принаряженном передвижном модуле, был необычайно молчалив. Джошуа задумался, как провели ночь они.

Для начала их удивило то, что Первое Лицо Единственное Число покинула прежнее место. Она виднелась примерно в полумиле от берега и двигалась так медленно, что за ней даже не оставалось пенного следа. Первое Лицо Единственное Число явно не любила торопиться, но, с другой стороны, приходилось напоминать себе, что это неторопливое существо вдвое превышало размерами Манхэттен.

Путешественники не спорили о том, стоит ли ее преследовать. Они приняли как данность, что иного выбора нет. Но «Марк Твен», хоть и не потерявший способности переходить, больше не мог перемещаться в пространстве конкретного мира.

Джошуа спросил:

— Лобсанг, а у тебя нет еще одного плавучего модуля? Я знаю, ты просто гений подстраховки. Ветер дует еле-еле, а веревок у нас как у циркового шатра. Наша большая приятельница никуда не торопится. Может быть, твой плавучий модуль потянет корабль на буксире?

И действительно, потянул, хотя и с трудом. Неподвижный «Марк Твен» слишком много весил, чтобы его тащить. Салли заметила: «Это все равно что тянуть «Титаник» моторной лодкой». Лодкой, на которой мотор был изобретен Лобсангом и произведен корпорацией Блэка. Вот почему у них получилось.

Обычно в рулевой рубке властвовал Лобсанг. Но сегодня он объявил день открытых дверей, и они втроем рассматривали едва заметный кильватер Первого Лица Единственного Числа. По большей части, путешественница погрузилась под воду.

— Одному Господу ведомо, какая у нее двигательная система, — заметил Лобсанг. — И, раз уж об этом зашла речь, Господь, наверное, знает, отчего море вокруг внезапно начинает кишеть рыбой.

Джошуа убедился, что Лобсанг прав. В воде мелькали плавники, появились даже дельфины, которые делали сальто в воздухе. Первое Лицо Единственное Число путешествовала в сопровождении почетного караула. В различных мирах Джошуа привык видеть реки, густо населенные живностью; в отсутствие людей моря кишели рыбой, как Гранд-Бэнкс в Ньюфаундленде, где,

по легенде, водилось столько трески, что можно было ходить по воде аки посуху. Люди, которые никогда не покидали Базовой Земли, не знали, чего лишены. Но, вероятно, даже Гранд-Бэнкс в зените славы не шли ни в какое сравнение с водой в кильватере у огромной путешественницы.

— Наверное, — сказала Салли, — она привлекает мелких животных. Может быть, так она подманивает их поближе, чтобы проглотить.

Лобсанг сегодня был в хорошем расположении духа.

— Потрясающе, правда? Видите дельфинов? Это же лучше, чем шоу Базби Беркли!¹

Салли фыркнула:

— Черт, кто такой Базби Беркли?

Даже Джошуа знал.

Салли предупредила:

— Если вы сейчас снова начнете обсуждать старые фильмы...

Лобсанг кашлянул.

— Вчера ночью никто не чувствовал ничего необычного?

Джошуа и Салли переглянулись.

Салли ответила:

— Ты первый начал, Лобсанг. В чем дело?

— В моем случае произошло то, что я могу охарактеризовать как попытку взлома. Что, впрочем, нелегко. Люди из корпорации Блэка иногда пытаются хакнуть меня из спортивного

¹ Базби Беркли — американский кинорежиссер и хореограф. Известен постановкой танцевальных номеров с большим количеством участников и неожиданными перестроениями по принципу калейдоскопа.

интереса, поэтому, разумеется, я был насто-
роже. Так или иначе, вчера кто-то предпринял
энергичную попытку. Впрочем, я полагаю, что
без злого умысла. Ничего не пропало, ничего
не изменилось, но, насколько я понимаю, хакер
проник в некоторые хранилища памяти и ско-
пировал их.

— Например? — уточнила Салли.

— Например, те, где лежат сведения о трол-
лях. О переходах. Что подтверждает твою вер-
сию, Джошуа. Но это лишь неполная гипотеза.
Я как будто пытаюсь вспомнить...

Салли спросила:

— Что это было — сон иль наваждение?

Они уставились на нее; женщина покраснела
и немедленно огрызнулась:

— Что? Да, я читала Китса. Ничего удиви-
тельного. И мой дедушка часто его цитировал.
Хотя обычно он портил эффект, рифмуя «китс-
шмитс».

— Я тоже читал Китса, — ободряюще про-
изнес Джошуа. — И сестра Джорджина. Тебе
нужно с ней познакомиться. Так вот, ночью
меня посетило наваждение. Я снова ощутил
одиночество.

— И я, — призналась Салли. — Но мне было
очень приятно. Чудесное ощущение.

Лобсанг спросил:

— Достаточно приятно, чтобы прыгнуть в
воду и лишиться индивидуальности? Кстати,
мы приближаемся. Думаю, она ждет, что мы ее
догоним, и я не намерен медлить...

— Прошу прощения, — перебила Салли, — но я не собираюсь высаживаться на эту плавающую штуковину и становиться очередным экспонатом в персональном зоопарке.

— К счастью для тебя, Салли, единственным, кто высадится на Первое Лицо Единственное Число, буду я. Ну или, по крайней мере, мой модуль. Я хочу пообщаться с ней как можно более полно, прежде чем она продолжит свое путешествие по мирам, и убедить ее остановиться.

Джошуа задумался.

— А если она не повернет обратно... что тогда?

— А что ты предлагаешь, Джошуа? — огрызнулся Лобсанг. — Как с ней бороться? Если только не уничтожить ядерной бомбардировкой каждый мир, где она может поселиться... — в его голосе зазвучало презрение. — Вы оба не умеете думать. Вы чувствуете только угрозу. Наверное, виной тому ваша биологическая хрупкость. Послушайте меня. Она хочет у нас учиться. А мы можем многому научиться у нее. Что она знает? Что знает существо, которое постигает мир в масштабах, недостижимых для человека? — Искусственный голос Лобсанга звучал ровно, но в то же время с нескрываемым изумлением. — Ты когда-нибудь слышал про коллективную вселенную, Джошуа?

— Фигня какая-то.

— Послушай. Сознание формирует реальность. Это основная идея квантовой физики. Мы участвуем в создании Базовой Земли, нашего «сурового берега», нашего джокера. Сейчас мы встречаем и другие существа, обладающие

сознанием, эльфов и троллей, а еще — Первое Лицо Единственное Число. Каким-то образом, судя по всему, они участвовали в формировании Долгой Земли, тонкого чудесного ансамбля, множественной вселенной, созданной совокупностью сознаний, к которой мы только-только начинаем присоединяться. Вот урок, который нужно донести до Базовой Земли, Джошуа. Бог с ними, с геологическими и географическими вариациями и стадами экзотических животных. Вот что является основополагающим для осмысления реальности — и того, кто мы такие. Если я смогу пообщаться с Первым Лицом Единственным Числом, которая, разумеется, осмысляет Вселенную гораздо масштабнее, чем мы... Короче говоря, вот что намерен обсудить с нашей толстой приятельницей. И осведомить ее об угрозе, которую она представляет, хоть и неосознанно.

— погоди-ка, — сказал Джошуа, обдумав сказанное. — Ты собираешься вниз. По сути, ты хочешь проникнуть внутрь ее.

— Поскольку животные, заключенные внутри, кажется, совершенно здоровы и подвижны, я не думаю, что сильно рискую. Не забывая, разумеется, о том, что я — и только я из нас троих, — по сути, расходный материал, по крайней мере, в виде передвижного модуля. Но предупреждаю, я загружусь полностью. Я, Лобсанг, полностью посвящу себя слиянию.

— То есть ты не намерен возвращаться?

— Нет, Джошуа. Подозреваю, мое соединение с Первым Лицом будет долгим, если не безвозвратным. И все-таки я должен это сделать.

Джошуа разозлился.

— Я знаю, ты хотел увлечь меня в путешествие по самым разным скрытым причинам. Но лично я подписывался только на то, чтобы доставить тебя домой целым и невредимым. Я — твой последний резерв, как ты выразился.

— Я уважаю твою прямоту, Джошуа. Ты свободен от контракта. Приложение к нему я оставляю в документации корабля.

— Но этого недостаточно...

— Решено.

— Только давайте не будем мериться благородством, — цинично перебила Салли. — У тебя бэкапы по всему кораблю, Лобсанг. То есть ты не особо рискуешь, я права?

— Я не намерен раскрывать вам мои маленькие секреты. Но если я выйду из строя или погибну, ты найдешь итерации моей памяти в различных хранилищах, которые обновляются каждую миллисекунду. «Черный ящик», если можно так выразиться, находится в брюхе гондолы, в броне из сплава, по сравнению с которым, ручаюсь, даже адамантин покажется не прочнее штукатурки. Он ничуть не пострадает даже от падения метеорита, способного стать причиной массового вымирания.

Салли рассмеялась.

— Какой смысл пережить катастрофу, которая сотрет с лица земли всех живых существ? Кто тогда тебя включит?

— Я не сомневаюсь, что по прошествии некоторого времени на планете снова появится разумная жизнь. Она эволюционирует до той

стадии, когда станет возможным мое восстановление. Я могу и подождать. У меня большая библиотека.

Джошуа показалось, что Салли очень красива — если это слово вообще было к ней применимо, — когда злится. И впервые он заподозрил, что Лобсанг дразнит ее намеренно. Еще один тест Тьюринга пройдет.

— Итак, — сказал он, — предположим, что ты добьешься своего и она перестанет поглощать миры. Что дальше, Лобсанг?

— Тогда мы с ней вместе продолжим поиски истины за пределами Вселенной.

— Это звучит как-то не по-человечески, — заметила Салли.

— Напротив, Салли, чрезвычайно по-человечески.

Первое Лицо Единственное Число была уже близко. Лопатообразные отростки, похожие на мясистые антенны, торчали по всей длине туловища, и за них цеплялись крабы, желавшие прокатиться, и морские птицы, которые охотились за крабами.

— Что ж, — сказал Лобсанг. — Остальное зависит от вас. Разумеется, без вашей помощи корабль не вернется на Базовую Землю. Свяжитесь с Селеной Джонс в Трансземном институте. Она знает, что сделать с информацией, которая хранится на борту, чтобы синхронизировать мою копию на Базовой. Видишь, Джошуа, некоторым образом ты все же доставишь меня домой. Передай Селене привет. Мне всегда казалось, что я для нее что-то вроде отца. Пусть

даже официально она — мой опекун. Я ведь еще не достиг двадцати одного года.

Салли сказала:

— Погоди. Без тебя «Марк Твен» утратит чувствительность. Как нам на нем перемещаться?

— Это мелочи, Салли. Предоставляю вам самим разобраться. А теперь, с вашего позволения, я пущусь вдогонку загадочному плавучему коллективному организму. А, еще одно — пожалуйста, позаботьтесь о Шими.

И Лобсанг в последний раз скрылся за синей дверью.

ГЛАВА 49

Когда Лобсанг отбыл на странные переговоры, оставшиеся члены команды «Марка Твена» рассматривали кильватер огромной путешественницы, пока она не скрылась из виду задолго до того, как достигла горизонта. Почетный караул из животных, птиц и рыбы улетел, уплыл и упрыгал прочь.

Шоу закончилось, цирк покинул город. Чары развеялись. И Джошуа почувствовал, как что-то ушло из мира.

Он посмотрел на Салли и ощутил, что она испытывает точно такое же замешательство. Он сказал:

— Первое Лицо Единственное Число напугала меня. Были времена, когда я боялся Лобсанга, хоть и по другим причинам. Как представляю их обоих вместе и то, чего они могут достичь...

Она пожала плечами.

— Мы по мере сил попытались спасти троллей.

— И человечество, — мягко заметил Джошуа.

— И что нам делать теперь?

— Предлагаю пообедать, — сказал Джошуа и зашагал на кухню.

Через несколько минут Салли уже держала в руках полную кружку кофе, за которую цеплялась, как за спасательный круг.

— Ты заметил? Она переходит под водой. Это что-то новенькое.

Джошуа кивнул. Он подумал: правильно, начни с простого. Сначала насущные проблемы, а не космические загадки. Например, как им вернуться домой. Хотя у Джошуа уже появилась идея.

— Знаешь, некоторые животные внутри ее, которые наверняка взялись из каких-то очень дальних миров, показались мне знакомыми. Например, там плавало что-то вроде гигантского кенгуру! Камеры работали, поэтому давай вместе посмотрим записи. Натуралисты сойдут с ума от радости...

В дверях послышался какой-то негромкий звук. Джошуа опустил глаза и увидел Шими. Она действительно была очень изящным созданием, хоть и роботом.

И тут кошка заговорила:

— Количество мышей и мышеподобных грызунов, помещенных в виварий для передислокации, когда мы приземлимся, — девяности три особи. Пострадало — ноль особей. Поговорка гласит, что смелое сердце мыши способно под-

нять на воздух слона, но, к счастью, не на борту «Марка Твена».

Она выжидающе посмотрела на обоих. Голос Шими звучал мягко и женственно — по-человечески, но в то же время совершенно по-кошачьи.

— О господи...

— Повезливей, Салли, — тихо сказал Джошуа. — Спасибо, Шими.

Кошка терпеливо ждала продолжения.

— Я и не знал, что ты умеешь говорить.

— Раньше в этом не было необходимости. Я отчитывалась Лобсангу через прямое соединение. Слова — пена на воде, а дела — крупички золота.

Салли искоса взглянула на Шими — недобрый знак, насколько знал Джошуа.

— Что это за поговорка?

— Тибетская, — ответила Шими.

— Ты ведь не аватар Лобсанга? Я так надеялась, что мы от него избавились.

Кошка на мгновение перестала лизать лапку.

— Нет. Хотя я тоже функционирую на гелевой основе. В мои способности входят несложные разговоры, поговорки, защита от грызунов и непринужденная болтовня с тридцатиоднопроцентной склонностью к цинизму. Я, разумеется, прототип, но вскоре корпорация Блэка выпустит общедоступную серию кошек. Расскажите обо мне своим друзьям. А теперь извините, но моя работа еще не закончена.

И Шими вышла.

Когда она скрылась, Джошуа сказал:

— Ну, надо признать, это все-таки лучше, чем мышеловка.

Салли отозвалась с крайним раздражением:

— Как только я начала думать, что ваш «Титаник» не в состоянии стать *еще* абсурднее... Кстати, мы по-прежнему висим над океаном?

Джошуа посмотрел в ближайший иллюминатор.

— Да.

— Надо развернуться. И направиться обратно к берегу.

— Мы уже развернулись, — сказал Джошуа. — Я задал направление, как только мы спустили Лобсанга. Мы уже тридцать минут движемся.

— Ты уверен, что у этого плавучего робота хватит энергии дотащить нас? — явно нервничая, спросила Салли.

— Салли, «Марка Твена» создал Лобсанг. У плавучего модуля достаточно энергии, чтобы обогнуть земной шар. Он самозагружается. Что-то не так?

— Раз уж ты спросил — я небольшая любительница воды. Особенно воды, под которой не видно дна. Давай в будущем летать так, чтобы под килем были деревья, хорошо?

— Ты сама сидела на побережье, когда мы впервые встретились.

— Да, на побережье! На мелководье! Мы на Долгой Земле! Здесь никогда не знаешь, что окажется под ногами.

— Видимо, ты не задерживалась в водном мире, который однажды пролетали мы с Лобсангом. Там в океане плавала такая тварь...

— Я оказалась в том мире, перейдя туда с холма. Я пролетела шесть футов, упала в воду, доплыла до места, откуда, как знала, могла вернуться, и перешла обратно за секунду до того, как меня схватили чьи-то челюсти. Впрочем, я не разглядела, кому они принадлежали. Мои предки приложили массу усилий, чтобы выбраться из чертова океана, так что, пожалуй, нехорошо обращать их труд в прах.

Джошуа усмехнулся, взясь с обедом.

— Послушай, Джошуа... я очень хочу вернуться на Мягкую Посадку. Что скажешь? Внезапно я не прочь пообщаться с людьми. Но ведь придется взять с собой «Марка Твена», да? С тем, что осталось от Лобсанга. Не говоря уже о кошке. Мы найдем способ перемещать корабль, даже если придется тащить его вручную. Но как же переходить без Лобсанга?

— Есть идея, — сказал Джошуа. — Все получится. Еще кофе?

До конца дня они бездельничали, как в воскресенье, — во всяком случае, в идеальное воскресенье. Человеку нужно время, чтобы большие и сложные новые идеи постепенно уложились в мозг, не повредив то, что там уже есть. В конце концов, подумал Джошуа, даже Лобсанг нуждался в перерывах.

На следующий день Салли отвела его туда, где ощутила мягкое место, совсем рядом с побережьем. Короткий путь должен был привести их обратно на Мягкую Посадку. Они спустились на землю. «Марк Твен» висел над пляжем, доставленный плавучим модулем. Джошуа и Салли держали в руках длинные веревки, которые соединялись с кораблем.

Кромка воды слегка мерцала, заметно даже для Джошуа — там и было мягкое место, которое нашла Салли.

— Я чувствую себя как ребенок с воздушным шариком, — сказала Салли, держа веревку.

— Я уверен, что это сработает, — сказал Джошуа.

— Что именно?

— Когда переходишь, можно взять с собой все, что унесешь. Правильно? Каким-то образом, когда Лобсанг находился на борту, он и *был* кораблем, поэтому он переходил вместе с ним. Сейчас мы стоим здесь и держим «Марка Твена» — хотя у него огромная масса, теоретически он ничего не весит. Так? Значит, если мы перейдем, мы как бы будем его нести, верно?

У Салли глаза полезли на лоб.

— Это и есть твоя идея?

— Лучшее, что я смог придумать.

— Если мироздание не поймет твоей шутки, мы, возможно, останемся без рук.

— Есть лишь один способ выяснить. Готова? Салли медлила.

— Ты не против, если мы возьмемся за руки? Плохо, если во время перехода мы разделимся.

— Да, ты права. Ладно, Салли, давай.

Она рассредоточилась, словно перестала замечать его присутствие. Салли потянула носом, поглядела на свет и стала делать странные движения, похожие на тайцзы — изящные, испытующие, вопрошающие. Как будто она искала с лозой воду.

И они перешли. Переход сам по себе был резче обычного, возникло краткое ощущение падения, похожее на спуск с водяной горки, и Джошуа стало холодно, словно процесс поглощал энергию. Они оказались на другом пляже, в другом мире — зимнем, тусклом. Мягкие места, видимо, не переносили сразу куда нужно. И географически они оказались не на том же месте, Джошуа это мгновенно понял. Как странно. Салли вновь испытующе повернулась туда-сюда.

Путь занял четыре перехода. Но наконец они добрались до Мягкой Посадки, таща за собой «Марка Твена».

Люди радовались их возвращению, хоть и удивлялись. Все вели себя с неподдельным дружелюбием. Потому что таков был обычай Мягкой Посадки. Разумеется, они тепло приняли гостей. Дорожки оставались безупречно выметенными, на аккуратных сушилках висел вяленый лосось. Мужчины, женщины, дети и тролли радостно существовали бок о бок.

И Джошуа вновь почувствовал странное беспокойство. Тонкое ощущение, которое возникает, когда все вокруг так благополучно, что,

совершив виток вокруг света, благополучие превращается в зло. По сути, Джошуа убедился, каким устойчивым было это ощущение со времени последнего визита. Не считая вездесущего запаха троллей.

Им, разумеется, предложили переночевать в одном из домиков в самом центре поселка. Но, переглянувшись, Салли и Джошуа решили остаться на корабле. Неизбежно по веревкам вверх за ними последовали несколько троллят. Джошуа готовил ужин из восхитительно свежих продуктов; как и прежде, местные жители щедро дарили путешественникам еду и напитки.

А потом, еще разок отравив организм растворимым кофе — поскольку ничего другого не осталось на пострадавшем «Марке Твене» — и глядя на троллей, слонявшихся по наблюдательному пункту, Салли сказала:

— Давай выкладывай, Джошуа. Я не слепая. Я вижу выражение твоего лица. О чем ты задумался?

— О том же, о чем и ты, наверное. Здесь что-то нечисто.

— Нет. Не то. Здесь что-то не так, конечно... я много раз сюда приходила, но лучше всего это ощущаю, глядя на твое мрачное лицо. Разумеется, то, что мы считаем «неправильным», может отражать значимость Мягкой Посадки. Но...

— Продолжай. Ты что-то хочешь сказать, да?

— Ты видел здесь слепых, Джошуа?

— Слепых?

— Тут есть те, кто носит очки; а старики читают при помощи лупы. Но ни одного слепого.

Однажды я просматривала записи в городской ратуше. Есть сведения о людях, потерявших палец на руке или на ноге в результате неосторожного обращения с топором. Но ни один человек с каким-либо серьезным дефектом не попадает на Мягкую Посадку.

Он задумался.

— Местные жители не идеальны. Я видел, например, как они пьют в баре.

— Да, конечно, веселиться они умеют. Но интересно то, что каждый из них знает, когда вечеринку пора заканчивать, и поверь, это редкий талант. Ты заметил, здесь нет никакого подобия полиции? Если верить записям в городской ратуше, никто и никогда не совершал сексуальных преступлений по отношению к женщине, мужчине или ребенку. И никогда не было ссор из-за земли, которые не удалось бы разрешить переговорами. А ты видел детей? Взрослые относятся ко всем детям как к собственным, а дети ко всем взрослым как к родителям. Здесь все такие порядочные, уравновешенные и приятные, что впору закричать, а потом выругать себя за то, что поднимаешь шум.

Салли погладила тролленка, чье мурлыканье могло посрамить любую кошку. Этот звук символизировал полнейшее удовлетворение.

Джошуа выпалил:

— Дело в троллях. Ну разумеется. Мы уже об этом говорили. Люди и тролли живут бок о бок. Здесь, и больше нигде. Значит, Мягкая Посадка не похожа ни на одно другое человеческое поселение.

Салли смерила его взглядом.

— Ну, теперь мы знаем, что сознания влияют друг на друга, правда? Это-то мы усвоили. Если людей слишком много, тролли уходят. Но если их как раз нужное число, они остаются. А для людей, наверное, не бывает слишком много троллей. Мягкая Посадка похожа на теплую ванну, сплошь из приятных, радостных ощущений.

— И никаких калек. Ни одного человека с достаточно сложным характером, чтобы пойти на жестокость. Никого, кто не вписывается в окружение.

— Может быть, таких вытесняют, пусть даже бессознательно, — Салли внимательно смотрела на Джошуа. — Отсеивают. Зловещая мысль, да? Джошуа мысленно согласился.

— Но как? Никто тут не стоит с дубинкой, чтобы отгонять недостойных.

— Да, — Салли откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и задумалась. — Думаю, дело не в том, что кто-то сознательно отсеивает людей, в любом случае этого не делают сами местные. Так как же происходит отбор? Я никогда не могла понять, кто же стоит за Мягкой Посадкой. Ни создателя, ни управителя. Может быть, она сама каким-то образом отбирает себе жителей? Но как?

— И с какой целью?

— Цель бывает только при наличии сознания, Джошуа.

— Но в эволюции не участвовало сознание, — возразил он, вспоминая торопливые уроки сестры Джорджины в Приюте. — Ни цели, ни

намерения, ни предназначения. И тем не менее в процессе возникают живые существа.

— Значит, Мягкая Посадка — какой-то аналог эволюционного процесса?

Он посмотрел на Салли.

— Суди сама. Ты провела здесь немало времени...

— С самого детства. Но лишь когда я познакомилась с вами, передо мной в полный рост встали вопросы, которые, наверное, беспокоили меня с самого начала. Нужно завести себе браслет с надписью: «А что сказал бы Лобсанг?»

Джошуа отрывисто рассмеялся.

— Знаешь, Мягкая Посадка похожа на Райский сад, только без змия. И я гадала, где же он прячется. Моя семья прекрасно ладила с местными. Но мне никогда не хотелось здесь остаться. Я не чувствовала, что вписываюсь. И я бы никогда не решилась назвать Посадку домом, просто на тот случай, если вдруг я и есть змий.

Джошуа пытался разгадать выражение лица Салли.

— Соболезную.

Кажется, не стоило этого говорить. Она отвела взгляд.

— Я правда считаю, что Мягкая Посадка очень важна, Джошуа. Для нас. Для всего человечества. В конце концов, она уникальна. Но что будет, если сюда хлынут колонисты? Обычные колонисты, с лопатами, кирками, бронзовыми ружьями? Те, кто бьет жен и жульничает по мелочам? Разве Мягкая Посадка уцелеет? Сколько троллей будут убиты и обращены в рабство?

— Может быть, тот, кто начал эксперимент, даст сдачи.

Салли содрогнулась.

— Мы действительно начинаем думать как Лобсанг. Джошуа, давай уйдем в какое-нибудь нормальное место. Мне нужен перерыв.

ГЛАВА 50

Днем позже, в одном далеком мире, в теплых сумерках Хелен Грин собирала грибы. Она брела по холмику в паре миль от Перезагрузки, когда слышался тихий звук, похожий на вздох. Хелен ощутила на коже порыв ветерка. И обернулась.

На траве стоял мужчина — высокий, смуглый. А рядом с ним женщина, с очень уверенным лицом. Проходившие мимо путники не были здесь в новинку. Но редко они казались такими удивленными, как эти двое. А еще на их грязных куртках блестел иней.

И никто до сих пор не приходил сюда с гигантским воздушным кораблем, витающим над головой. Хелен подумала, не сбегать ли за помощью.

Мужчина заслонил глаза ладонью от солнца.

— Кто вы?

— Меня зовут Хелен Грин.

— А, блогер из Мэдисона! Я надеялся однажды с вами познакомиться.

Девушка сердито уставилась на него.

— А вы кто такие? Надеюсь, вы не сборщик налогов? Мы выгнали из поселка последнего...

— Нет, нет. Меня зовут Джошуа Валиенте.

— Тот самый Джошуа Валиенте? — к собственному ужасу, Хелен покраснела.

Женщина, стоявшая рядом с Джошуа, гневно произнесла:

— Господи, дай мне сил.

Хелен, на взгляд Джошуа, было лет восемнадцать. Соломенные волосы она практически стягивала в хвост, на руке у нее висела корзинка с какими-то грибами. Девушка носила брюки и рубашку из какой-то мягкой кожи, вроде оленьей, и мокасины. В толпу на Базовой Земле она бы не вписалась, но, с другой стороны, он не назвал бы ее и музейным образчиком колониальной эпохи. Джошуа понял: жители Перезагрузки не воссоздавали эпоху первых пионеров. Наоборот, Хелен Грин возвещала нечто новое. И была довольно хорошенькой.

Они без особого труда нашли место для ночлега в Перезагрузке, как только жители убедились, что гости не преступники, а главное — не представители Базового федерального правительства, которое внезапно сделалось таким враждебным по отношению к колонистам. Джошуа убедился, что местные привечают даже бродяг — странных людей, которые блуждали по Долгой Земле, явно без цели когда-либо осесть, а стало быть, ничего не могли предложить Перезагрузке в обмен на приют. Но здесь каждого,

кто приносил какие-нибудь новости, принимали тепло, как бы ни был краток его визит, лишь бы гость согласился поработать лопатой или нарубить дров в уплату за кров и стол.

Вечером Джошуа и Салли сидели у огня вдвоем, под огромной тенью «Марка Твена».

— Мне они нравятся, — сказал Джошуа. — Они хорошие. Разумные. Правильно живут.

Он признавал, что местные ему нравятся, потому что он и сам был таким; Джошуа любил, когда люди делали свое дело, например строили поселок, последовательно и методично. К собственному удивлению, Джошуа подумал: «А я бы мог здесь остаться».

Но Салли фыркнула:

— Нет. Они живут по старинке. Или имитируют прошлое. Нам не нужно пахать землю, чтобы прокормиться. У нас теперь не одна Земля, а бесконечное множество миров, способных дать пропитание бесконечному множеству людей. По-моему, бродяги поступают правильно. Будущее за ними, а не за твоей маленькой ушибленной фанаткой Хелен Грин. Слушай, я предлагаю остаться здесь на неделю, помочь с уборкой урожая, внести свой вклад и все такое. Что скажешь? А потом двинем домой.

Джошуа смутился, но ответил:

— А что потом? Мы доставим Лобсанга — или то, что от него осталось, — на «Марке Твене» в Трансземной институт. И кошку. А потом... я снова захочу уйти, Салли. С Лобсангом или без. За годы, прошедшие со Дня перехода, мы едва успели слегка царапнуть поверхность

Долгой Земли. Я думал, что изучил ее, но до нынешнего путешествия я никогда не видел тролля и не слышал про Мягкую Посадку. Кто знает, что еще осталось неузнанным?

Салли искоса взглянула на него.

— Вы предлагаете, молодой человек, снова отправиться в путь вместе?

Джошуа никогда в жизни никому не предлагал ничего подобного. Только если пытался кого-то спасти. Он обошел вопрос и продолжал:

— Есть еще Дыра. Долгий Марс! И вообще. Я все время об этом думаю. Может быть, если зайти достаточно далеко, где-нибудь мы обнаружим Марс, пригодный для жилья.

— Закатай губу.

— Я ведь читал уйму научной фантастики. Но ты права, давай сначала вернемся домой. Похоже, время пришло. Посмотрим, как там в Мэдисоне. Как живут люди. Салли, я с большим удовольствием познакомлю тебя с сестрой Агнес.

Салли улыбнулась.

— И с сестрой Джорджиной. Мы поговорим про Китса...

— А потом, когда Лобсанг номер два запустит «Марка Трина», я хочу тоже быть на борту. Даже если придется спрятаться в грузовой отсек вместе с треклятой кошкой.

Салли задумалась.

— Знаешь, моя мать говорила, когда мы носились как ненормальные: «Все хорошо, пока кому-нибудь не выбьют глаз». Я невольно думаю: а вдруг, если мы и дальше будем испытывать удачу с нашей чудесной новой игрушкой-

вселенной, рано или поздно на нас наступит чей-то большой тяжелый сапог? Хотя, наверное, достаточно поднять голову, чтобы понять, чей это будет сапог.

— И все равно я не пожалею, — сказал Джошуа.

Перед отбытием они нашли Хелен Грин. Она первой встретила их, более или менее официально, а потому теперь Джошуа и Салли хотели проститься.

Хелен занималась своими обычными делами, под мышкой у нее была пачка зачитанных книг. Спокойная, уверенная, бодрая. Она жила своей жизнью в сотнях тысяч миров от Земли, на которой родилась. Как всегда в присутствии Джошуа, девушка заволновалась, но тут же отвела волосы со лба и улыбнулась.

— Жаль, что вы так быстро уходите. Куда вы, обратно на Базовую?

— В Мэдисон, — сказал Джошуа. — Ты ведь родом оттуда? Помнится, я узнал из твоего блога. У нас там друзья и родные...

Хелен нахмурилась.

— Мэдисон? Разве вы не знаете?

ГЛАВА 51

Для Моники Янсон плохой день начался, когда позвонил Кличи и ей пришлось уйти с семинара по демографическому влиянию Долгой Земли. Коллеги-делегаты сердито смотрели на нее — кроме тех, кто знал, что она коп.

— Джек, что случилось? И скажи, что новости хоро...

— Заткнись и слушай. В Мэдисоне бомба.

— Бомба?

— Ядерная. Где-то в центре. Предположительно, на площади Капитолия.

Янсон выбежала из здания, направляясь к машине и тяжело дыша; иногда она с особой болью сознавала, что ей уже за сорок.

Снаружи завывала сирена.

— Ядерная? Какого...

— В чемодане. Мы рассылаем оповещения. Послушай, вот что ты должна сделать. Гони всех по домам. Поняла? В идеале под землю. Если не поверят, говори, что идет торнадо. Если эта штука взорвется, за пределами эпицентра людей можно будет уберечь от радиации... Янсон, блин, я слышал, как хлопнула дверца машины?

— Так точно, шеф.

— Скажи, что ты выезжаешь из центра.

— Увы, не могу, сэр.

Люди уже выходили из офисов, магазинов, жилых зданий, под лучи закатного осеннего солнца, и вид у них был озадаченный. Другие, напротив, инстинктивно шагали домой — Висконсин получил свою порцию ураганов, и местные умели слушать предупреждения. Еще несколько минут — и дороги будут забиты горожанами, пытающимися выбраться из города, невзирая на советы властей...

Янсон вжала педаль газа в пол, пока дорога оставалась относительно свободной, включила сирену и понеслась на юго-запад, к Капитолию.

— Лейтенант, твою мать!

— Послушайте, сэр, вы, как и я, знаете, что бомбу наверняка протащила какая-нибудь маргинальная группировка «Друзей людей». Я выполняю свою работу. Если я попаду на место преступления, то, может быть, что-нибудь найду. Например, типичного подозреваемого. Или обезврежу эту штуковину.

— Или взорвешься сама, лесбиянка несчастная.

— Нет, сэр, — Янсон коснулась ремня. — У меня есть Переходник.

Сквозь шум собственного мотора она слышала рев других сирен. Начали появляться срочные сообщения, перенаправляемые различными системами. Обратный звонок 911 по цивильному телефону, электронные послания на планшете, мрачные тревожные оповещения по радио. Но всего этого, как понимала Янсон, было недостаточно.

— Слушайте, шеф. Нужно изменить процедуру.

— Ты о чем?

— Кажется, люди следуют привычному порядку. А надо сделать так, чтобы они начали переходить, сэр. Куда угодно, на восток, на запад, лишь бы прочь из Базового Мэдисона.

— Ты, как и я, знаешь, что не все умеют переходить. Кроме фобиков, есть еще старики, маленькие дети, лежащие больные, пациенты в клиниках...

— Пусть помогают друг другу. Если вы можете перейти — идите. Но возьмите с собой кого-нибудь еще. Того, кто перейти не может.

Несите их на руках, на спине. И возвращайтесь за следующим. И снова, и снова...

Клички ненадолго задумался.

— Ты хорошо подумала, да, Страшила?

— Именно поэтому ты много лет назад взял меня на работу, Джек.

— Ты чокнутая... — Пауза. — Я согласен, если только ты развернешься.

— Ни за что, сэр.

— Ты уволена, Страшила!

— Договорились, сэр. Но все-таки я закончу, что начала.

Она въехала в Восточный Вашингтон, и перед ней открылся Капитолий, сиявший белизной в лучах солнца. Вокруг сновали люди, было полно офисов и магазинов. Кто-то замахал ей, пытаясь остановить; люди с досадой смотрели по сторонам — они, возможно, хотели пожаловаться на шум сирен, которые неумолчно ревели, как будто без видимой причины. На ехавшей впереди машине висела старая табличка с логотипом футбольного клуба. На стенах Янсон видела плакаты Брайана Каули, мрачного, с воздетым пальцем, похожего на распространяющийся вирус.

Невозможно было поверить, что через считанные минуты все здесь превратится в облако радиоактивной пыли. Но по рации Янсон слышала поспешные приказы переходить, вперемежку с обычными инструкциями. Переходите и помогайте другим. Переходите и помогайте.

Она улыбнулась. Отличный слоган.

Клички принес еще кое-какую информацию. Единственное предупреждение о бомбе полиция

получила от пятнадцатилетнего парнишки, который в отчаянии зашел в участок в Милуоки. Он сошелся с компанией «Друзей», причем исключительно ради развлечения, чтобы познакомиться с девчонками. Но он им солгал. На самом деле он был прирожденным Путником. Когда «Друзья людей» это выяснили, они отвели парнишку к врачу — к человеку, значившемуся в черном списке Мэдисонского полицейского департамента, — и он вскрыл мальчику череп, вставил туда электрод и выжег часть мозга, якобы ответственную за переходы. Парень ослеп, вне зависимости от способности переходить. Тогда он пришел в полицию и рассказал, что его бывшие приятели намерены устроить в Мэдисоне.

— Мальчишка знает только, что «Друзья» раздобыли так называемую «бомбу в чемодане». Сейчас я читаю сводку. Единственная штука такого рода, изготовленная в США, — это «W54». Особое ядерное оружие массового уничтожения. Около шести килотонн, то есть примерно треть Хиросимы. Как вариант, они раздобыли русскую бомбу, например «РА-115», — считается, Страшила, что Советский Союз припрятал несколько штук на территории США. Просто на всякий случай...

Янсон доехала до площади Капитолия. Чаще всего там проходили фермерские ярмарки, к которым в последние годы добавились выставки экзотической продукции из дюжины миров, а также акции протеста. Сегодня на площади было полно копов, людей из отделов национальной безопасности и агентов ФБР, в том числе

в костюмах ядерной, биологической и химической защиты, как будто они могли чем-то помочь. Над головой кружили вертолеты. Лучшие из лучших, подумала Янсон. Бегут к бомбе, а не прочь от нее. Вкатив на площадь, она окинула взглядом Стейт-стрит, которая связывала кампус Вашингтонского университета с площадью по прямой линии с запада на восток. Улица кишела ресторанами, кофейнями и магазинами, несмотря даже на экономический кризис и отток населения. Она оставалась живым сердцем города. Днем тут толпами ходили студенты и туристы. И сейчас некоторые разбегались в поисках укрытия, но остальные попивали кофе и смотрели на экраны мобильных и ноутбуков. Люди смеялись, хотя Янсон ясно слышала гулкий голос громкоговорителя, который, перекрывая вой сирен, приказывал зайти в здание или воспользоваться Переходником.

— Они не верят, шеф.

— Да уж.

Янсон вышла из машины, показывая значок каждому, кто вставал на пути, и протолкалась сквозь ряды полицейских к холму, на котором стоял Капитолий. Рев сирен, эхом отдаваясь от бетона, оглушал и сводил с ума. По четырем большим лестницам из Капитолия рекой текли люди, члены законодательного собрания, юристы, лоббисты в отглаженных костюмах. А у подножия одной из лестниц сидела компания в потрепанной гражданской одежде, под надзором кольца вооруженных копов и офицеров из отделов национальной безопасности. Как выя-

снилось, эти люди оказались на площади, когда пришло сообщение о бомбе; их немедленно окружили и конфисковали Переходники заодно с мобильниками и любым оружием. Янсон, все еще стоя по ту сторону периметра, искала взглядом знакомые лица в толпе обиженных и возмущенных туристов, любителей шопинга, бизнесменов. Некоторые щеголяли браслетами с надписью «Я Путник и горжусь», которые они демонстрировали полицейским, сдерживавшим толпу. «Посмотрите, я не «Друг людей»! Посмотрите!»

А чуть в стороне от остальных сидел Род Грин.

Янсон присела рядом. Она знала, что Роду восемнадцать, но он выглядел младше. Джинсы, темная куртка, соломенные волосы коротко подстрижены. Похож на обыкновенного студента. Но вокруг глаз и рта у юноши пролегли морщинки. От раздумий, горя и ненависти.

— Ты принес бомбу. Так ведь, Род? — пришлось кричать, чтобы он расслышал ее сквозь вой сирен. — Ну же, парень, ты меня знаешь. Я несколько лет за тобой наблюдала.

Род смерил Янсон взглядом.

— Это тебя называют Страшила?

— В точку. Ну так что?

— Я только помогал.

— Кому помогал? Как?

Он пожал плечами.

— Я принес ту штуку на площадь в большом рюкзаке. Только принес. Я не знаю, где ее уста-

новили и как запустили. Не знаю, как ее остановить.

Дьявольщина.

— Род, это так уж необходимо? Сотни людей должны умереть, чтобы ты мог вернуться к мамочке?

Он злобно ухмыльнулся.

— Ну, она-то в безопасности, сука.

Янсон пришла в ужас.

Вероятно, он даже не знал, что его мать, Тильда Лэнг Грин, умерла от рака в одном из далеких миров. И сейчас не время было делиться новостями.

— Думаешь, от взрыва что-то изменится? Я знаю, вы, ребята, вбили себе в голову, что Мэдисон — своего рода центр переходов. Но Долгую Землю нельзя остановить. Даже если вы сотрете с лица земли Висконсин, люди будут переходить из других мест...

— Я знаю кое-что про бомбу.

Янсон схватила парня за плечи.

— Что? Говори, Род.

— Я знаю когда. — Он взглянул на часы. — Через две минуты сорок пять секунд. Сорок четыре. Сорок три...

Янсон встала и закричала копам:

— Вы слышали? Передайте всем! И уберите отсюда людей! Переходники... Бога ради, верните им Переходники!

Полицейским не пришлось повторять дважды. Пленники повскакали, напуганные словами Рода. Но рядом с ним стояла Янсон.

— Со мной все кончено, — сказал Род. — Я не умею переходить. Потому-то я сюда и пришел. Решил, что так будет правильно.

— Черта с два правильно... — Без предупреждения Янсон сгребла его в охапку, подхватила на руки, как ребенка, и, напрягшись, оторвала от земли. Он был слишком тяжел, и Янсон тут же упала под непосильной ношей, но успела дернуть рычажок, прежде чем оба рухнули на землю.

Она приземлилась на спину, в траву. Над головой тянулось синее небо, как и на Базовой Земле. Но сирены молчали. Над ней возвышался деревянный каркас, который выстроили на «Западе-1» для связи с Капитолием.

Род, лежа сверху, задержался, его стошнило, изо рта пошла пена. Врач в оранжевом комбинезоне оттянул парня в сторону.

— Он фобик, — объяснила Янсон. — Ему нужно...

— Я знаю, мэм, — перебил врач, достал шприц из сумки и сделал Роду инъекцию в шею.

Судороги прекратились. Юноша взглянул на Янсон и внятно произнес:

— Две минуты.

А потом глаза у него закатились, и он потерял сознание.

Две минуты. Слух разнесся по Базовому Мэдисону, по его последовательным версиям на Востоке и на Западе, по всему миру.

И начались переходы.

Родители несли детей и возвращались за стариками и немощными соседями. Ошарашенным обитателям домов престарелых всучивали Переходники и впервые в жизни отправляли их на Запад или на Восток. В школах учителя переправляли учеников, старшие несли младших. В больницах персонал и амбулаторные больные покрепче поднимали и переносили тяжелых и лежащих, даже в коме, даже младенцев в инкубаторах, и возвращались за остальными, и ждали, пока хирурги спешно завершат начатые операции, и забирали людей прямо с операционных столов. Во всем Мэдисоне большинство, умевшее переходить, помогало меньшинству. Крайних фобиков наподобие Рода Грина, не способных вынести ни одного перехода, встречали врачи, которые старались стабилизировать состояние бедолаг, после чего их спешно выводили из опасной зоны и возвращали на Базовую Землю.

На «Мэдисон-Запад-1» Моника Янсон наблюдала за результатами. Повсюду стояли телевизионные камеры, а висевшие в небе летательные аппараты передавали изображение с высоты птичьего полета. Очень странно было ощущать себя в безопасности в такой момент, но медики забрали у Янсон Переходник, и она больше ничего не могла сделать. Поэтому она просто наблюдала. Кто-то даже принес ей чашку кофе.

С воздуха на «Западе-1» отчетливо виднелись озера, дельта реки, ландшафт, похожий на разложенную карту, точная копия соответ-

ствующего региона на Базовой Земле. Двадцать лет назад здесь не было ни души. «Мэдисон-Запад-1» начал утверждать свое присутствие в последовательном мире, расчищая леса и осушая болота. Он прокладывал тропы — достаточно широкие и хорошо вымощенные, настоящие дороги — и строил дома, кузни и мельницы испускали дым и пар. Но сегодня обитатели «Запада-1» что есть сил старались помочь беженцам с Базовой Земли.

Вот оно. Янсон видела, как они появляются — поодиночке и маленькими группами. Кое-кто даже оказывался в озере, если переходил с яхты или с доски для серфинга. К каждому, кто махал руками, по лазурной воде скользили гребные лодки.

По мере того как росло число пришельцев, Янсон видела, как на зеленом ковре «Запада-1» возникало нечто вроде карты Базового Мэдисона. Там были студенты — разноцветное пятно, которое соответствовало местонахождению кампуса, протянувшегося на юг вдоль берега Мендоты. Там были больницы — Сент-Мэри, Меритер, университетская клиника, маленькие прямоугольные кучки врачей, медсестер и пациентов. Были школы — учителя со своими подопечными стояли там, где находились классы. На берегу Мононы возникло содержимое Капитолия — стайками теснились люди в строгих костюмах, похожие на пингвинов. Площадь Капитолия — участок в форме алмаза — тоже начала наполняться туристами и прочей публикой с Кинг-стрит и Стейт-стрит, тянувшихся на

восток и на запад, а также сотрудниками офисов и обитателями западного и восточного Вашингтона. Янсон поняла, что это воистину карта города — карта, состоявшая из людей, потому что строения исчезли. Она как раз искала Союзный проезд, когда появились монахини из Приюта, с беспомощными детьми, которых они опекали.

В самую последнюю секунду Янсон, глядя снизу вверх, заметила тех, кто начал возникать прямо в воздухе, там, где на Базовой Земле стояли высотные здания. Большинство — в деловых костюмах. Они переходили с верхних этажей, потому что некогда было спускаться на лифте или по лестнице, да и вообще сделать хоть что-нибудь. Трехмерные очертания обреченных домов-призраков слились, а призраки-люди как будто зависли в воздухе на мгновение, прежде чем рухнуть наземь.

И где-то рядом с Янсон защелкал счетчик Гейгера.

ГЛАВА 52

Джошуа и Салли спешно преодолевали последние несколько Мэдисонов. Запад-10, 9, 6... Джошуа не интересовали эти переполненные миры, ему хотелось лишь попасть домой. 6, 5, 4... На одной из Ближних Земель они потратили некоторое время, чтобы добраться от Хамптью-липса до Мэдисона, снабдив «Марка Твена» мотором, который смастерил Франклин Тэллимэн, добрый гений Перезагрузки. 3, 2, 1... Там они

встречали препятствия в виде каких-то предупреждающих надписей, но спешили дальше...

Мир номер ноль.

Мэдисон исчез.

Джошуа стоял, в ужасе разинув рот. Салли уцепилась за его руку. Они стояли посреди развалин. Узкие обломки стен возвышались над грудami мусора. Торчали грудившиеся железяки, которые, видимо, были остатками железобетонных конструкций. Сухая пыль тут же забила горло. Потрепанный корабль нелепо повис над руинами.

Внезапно перед ними кто-то возник. Какой-то парень в комбинезоне. Нет, женщина, как понял Джошуа, разглядев лицо сквозь пыльное стекло шлема.

— Мы встречаем тех, кто переходит, — сказала она в микрофон. — Уходите отсюда. Немедленно возвращайтесь.

Джошуа и Салли, в шоке и ужасе, держась за руки, перешли на «Запад-1», забрав с собой корабль. Там, в ярком солнечном свете, еще одна молодая женщина в униформе Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям подошла к ним с блокнотом и планшетом. Она посмотрела на корабль, недоверчиво покачала головой и с упрёком сказала:

— Вам придется пройти санобработку. Мы ведь развесили предупреждения в ближайших мирах. Но за всеми не угонишься. Не беспокойтесь, вы не нарушили никакой закон. Пожалуйста, назовите ваши имена и номер страховки... — она принялась что-то записывать в блокноте.

Джошуа наконец начал вникать в происходящее. Параллельный Мэдисон был переполнен по сравнению с тем, каким он его видел в прошлый раз. Палаточные городки, раздача еды, полевые госпитали... Лагерь беженцев.

Салли с горечью произнесла:

— Вот она, земля обетованная, где каждый может обрести что хочет, притом помноженная на миллионы. Даже тут кто-то развязал войну. Воистину, человек — венец творенья...

— Нельзя начать войну, если противника нет, — сказал Джошуа. — Послушай, мне надо в Приют. Ну, или туда, где он сейчас...

У женщины в форме зазвонил висевший на поясе телефон. Она озадаченно посмотрела на экран, потом на Джошуа.

— Вы Джошуа Валиенте?

— Да.

— Это вас.

Она протянула ему трубку.

— Говорите, мистер Лобсанг.

ОТ АВТОРА

Мы избрали Мэдисон (штат Висконсин) местом действия нашего романа отчасти потому, что во время работы над книгой именно там в июле 2011 года проходила вторая североамериканская конференция, посвященная Плоскому миру, и мы могли произвести массу изысканий, как говорится, на халяву. Эта конференция стала чем-то вроде огромной лаборатории для создания Долгой Земли. Мы благодарны всем, кто участвовал в обсуждениях. Этих людей слишком много, чтобы перечислить их здесь, но отдельное спасибо мы говорим доктору Кристоферу Пейджелу, владельцу мэдисонской клиники для животных-поводырей, и его жене Джульетте Пейджел, которая потратила массу времени на то, чтобы показать нам Мэдисон, как старый, так и современный, от Питомника до Уилли-стрит. Кроме того, она оказала авторам неоценимую услугу, согласившись прочитать черновик.

Мы благодарны жителям Мэдисона и просим прощения за то, что сделали с вашим очаровательным городом. Все ошибки и неточности, разумеется, наша вина. Также мы благодарим Чарльза Мэнсона, заведующего тибетской секцией в Бодлеанской библиотеке Оксфорда, за помощь в создании образа Лобсанга.

Литературно-художественное издание

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

**Терри Пратчетт
Стивен Бакстер**

БЕСКОНЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ

Ответственный редактор *Е. Березина*

Редактор *И. Куртеева*

Художественный редактор *И. Сауков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *Е. Дмитриева*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.04.2014.

Формат 80x100 ¹/₃₂. Гарнитура «MyslC».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,74.

Тираж 11 000 экз. Заказ 8356.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-72378-2

9 785699 723782 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса
«Канц-Эксмо»:** Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, в/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д.
29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42.

E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ВАШИ ВОЗМОЖНОСТИ БЕЗГРАНИЧНЫ,
ТОЛЬКО БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ В СВОИХ ЖЕЛАНИЯХ...

1916: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Западный фронт. Рядовой Перси Блэки очнулся среди... сочной весенней травки.

Он слышит пение птиц и ветер, шелестящий листьями деревьев.

Куда же подевались грязь, кровь и развороченная взрывами земля?

И, собственно говоря, куда попал Перси?

2015: МЭДИСОН, ШТАТ ВИСКОНСИН.

Офицер полиции Моника Янсон проводит осмотр сгоревшего дома,

который принадлежит ученому-затворнику, по слухам,

не то безумцу, не то очень опасному типу. Тщательно осматривая

пожарище, Янсон находит удивительный прибор: коробочку

с элементарной проводкой, выключателем на три положения

и... картошкой. Это прототип изобретения, которое изменит

мировоззрение человечества навсегда.

Первый роман, написанный в соавторстве Терри Пратчеттом,

создателем «Плоского мира», и известным писателем-фантастом

Стивеном Бакстером, увлечет читателя в бесконечность новых миров.

Все, что для этого надо, – сделать первый шаг...

ISBN 978-5-699-72378-2

9 785699 723782 >

ЭКСМО